

ТОМА ДИ

НАСЛЕДЕНИЕ
КОЛДУНА

— Теперь ты моя, — и его голос отозвался в каждой клеточке тела Меланьи. — Не жалеешь?

Ведунья смотрела на него без страха, её давно тянула магнетическая сила Богдана, и вот теперь они соединились, о чём тут жалеть?

— Смотри сам не пожалей, — она задорно улыбнулась и медленно провела рукой по его мускулистому торсу.

Она светлая ведьма, он сильный колдун, жизнь завертела их в своем вихре, подвергая испытаниям на прочность. Смогут ли две силы ужиться под одной крышей, сохранят ли свою любовь, будут ли верны себе и друг другу?

1. Теперь ты моя

— Теперь ты моя, — и его голос отозвался в каждой клеточке тела Меланьи. — Не жалеешь?

Ведунья смотрела на него без страха, её давно тянула магнетическая сила Богдана, и вот теперь они соединились, о чём тут жалеть?

— Смотри сам не пожалей, — она задорно улыбнулась и медленно провела рукой по его мускулистому торсу.

Колдун откинулся на спину, прикрыл веки от удовольствия и заулыбался. Они лежали рядом прямо на полу, на наскоро подстеленном одеяле рядом с догорающими поленьями в топке. Её огненно рыжая голова покоилась на его плече, а колдовские зелёные глаза заглядывали в душу.

Пожалеет ли он о том, что случилось? Конечно же да, обязательно пожалеет. Как только она начнёт устанавливать свои порядки на правах его женщины, так он сразу и пожалеет о том, что дал себе слабину. Но он больше не мог себя контролировать, всё произошло слишком стремительно, физика и химия присутствующей в доме женщины постепенно разрушили его стену. Сначала появлялись мысли, они становились всё навязчивей, потом желания, от которых он пытался убежать, спрятаться, прикрыться напускным безразличием и агрессией.

Но сегодня его крепость пала, Мила была так близка, так маняще открыта, что голова просто отключилась, дав выход природному естеству.

— Богдан, скажи, ты же знаешь, где я была? Ты знаешь это место?

Ох уж эта женщина, какая же она любопытная, от её взгляда не скрылось не малейшее его действие. С одной стороны, учить такую легче, она вникает, докапывается до истины, если не получается — задаёт вопросы. Но в плане совместной жизни это так напрягает. Колдун привык к одиночеству, к полному отсутствию чужих глаз и контроля за действиями, а молодая ведьмочка лезет везде, не давая ему ни на минуту расслабиться. Вот и сейчас, зачем ей понадобилось узнавать, о чём он думал, зачем пошла по следам, и хватило же сил пройти.

— Я знаю это место, и я знаю еще много похожих, но тебе туда одной ходить нельзя, можешь заблудиться, — он попытался собрать волю в кулак и сказать это максимально строго, но вышло так себе.

— Расскажи, — тут же почувствовав слабину, активизировалась Меланья.

— Нет, — уже заметно твёрже отказал он.

— Ну, пожалуйста, — Мила поднялась на руках и облокотилась ему на грудь. Подставив под подбородок сжатые кулачки, смотрела ему прямо в глаза и ждала рассказ, посасывая пухлую нижнюю губу.

Ох уж эти женщины, все они ведьмы, без исключения. Зная или интуитивно доводят мужчину до нужного им состояния, и совершенно не гнушаются пользоваться его слабостью в моменте. Богдану хотелось закрыть эту тему, и он притянул её для поцелуя. Но у девушки были явно другие планы. Она ловко увернулась и снова уставилась на него.

— Ладно, — сдался колдун, понимая, что от него не отстанут. — Тогда давай вставать, заваришь чай, травница?

Он хитро подмигнул, и девушка с готовностью встала, собирая разбросанную по полу одежду.

— Ты пообещал, — задорно посмотрела она на него. — Закинь дров в печь, а я за водой.

Милка была счастлива, она шла к роднику и пела. Ей нравился Богдан, очень нравился, возможно она его уже полюбила, но в последнее время этот колдун был просто невыносим. Злился на ровном месте, игнорировал, постоянно уходил и бросал её одну. Что произошло сегодня? Куда она попала? Почему это так на него подействовало? Вопросов много. Сейчас заварит ему расслабляющий сбор и хорошенечко всё выведает.

Родник журчал по ледяной корке ручья. Этот природный источник всегда давал силы Меланье. Она опустила руки под ледяную струю и закрыла глаза. Отпустив мысли, прислушалась к себе изнутри. Что идёт? Вдох-выдох, вдох-выдох, Мила слышала нежный, как звон колокольчика, детский смех. Неужели это её истинное желание? А почему и нет?

Она вспомнила своего маленького крестника и заулыбалась, ощущая внутри наполненность. Чужие дети такие милые, но свои всегда ближе и любимее. Милка закрутила крышку на канистре с водой и пошла к дому. Пока она не будет говорить об этом Богдану, подождёт.

Войдя в дом, она сразу увидела его. «Больше не убегает», — промелькнула в голове радостная мысль. Богдан взял у неё канистру, наполнил чайник водой и поставил его на огонь.

— Знаешь, — тихо сказал он ей, крепко обняв сзади. — Я конечно не подарок, у меня дурной нрав и я вообще привык жить один, но сегодня я понял, что мы с тобой встретились не просто так.

Его руки скользили по её плечам, гладили волосы, перебирали её тонкие пальцы, снова крепко прижимали к груди. Он решался сказать главное, она не мешала. Он подбирал слова, а она чувствовала его мысли. Повернувшись к нему лицом, Мила прикрыла Богдану рот своей ладонью. Их глаза встретились, и она, молча, ответила ему согласием. Всё встало на свои места. В печи кипел чайник с водой, а они ещё долго стояли, обнявшись и напитываясь выпущенной на свободу любовью.

* * *

— То есть ты умеешь создавать другие миры? — потрянув рыжими кудрями переспросила она колдуна.

— Не то чтобы создавать, немного другое, я могу их открывать и изменять, — потягивая обжигающий травяной сбор, отвечал Богдан.

— А насколько изменять? Открывая другой мир, ты начинаешь там хозяйничать? А если там уже свой уклад, а ты его нарушишь?

— Я знал, что ты меня не поддержишь, поэтому и изначально не хотел рассказывать, —

с сожалением в голосе бросил он. — В основном миры пустые, мне попадались лишь некоторые населённые сущностями, из таких я сразу стараюсь выходить, чтобы не повторилось страшного.

— И в каких мирах было страшное? — Мила уже знала ответ, но хотела, чтобы он сам его озвучил.

— В мире змеев... Это был мой пятый или шестой выход, я уже расслабился, потерял бдительность, почувствовал себя не коне, — колдун усмехнулся, приглаживая рыжую бороду. — Признаю, это было моей самой большой ошибкой.

— Что там произошло, — она настойчиво задала вопрос, понимая, что он хочет скрыть от неё правду.

— Понимаешь, я просто не сразу их заметил. За все предыдущие выходы я встречал лишь растительность, воду и камни. Там не было троп, следов, хоть каких-нибудь признаков присутствия разумной жизни. В этом мире тоже не было ничего необычного, единственное, что меня напрягало — это паутина, она была везде, а пауков я не видел. И тёмная зелень, и огромные деревья покрытые мхом, и тягучая липкая влажность. Я решил побыть там подольше, посмотреть, наступит ли ночь, может увидеть обитателей.

— И? — она снова подталкивала его, чтобы рассказ не прерывался.

— И теперь я об этом жалею, я чуть не погиб там, Полоз душил меня, туманя сознание и не давая применять силу. У меня в кармане была зажигалка, я смог её вынуть и прижёл ему бок. На моё счастье, огня в том мире боятся, змей отступил, а я сумел вернуться домой.

— А почему он напал на тебя? Может ты вёл себя вызывающе? — Меланье хотелось докопаться до истины, она умела обращаться с животными и понимала, что беспричинная агрессия это редкость.

Богдан молчал, его плечи были опущены, чувствовалось, что он ощущает груз вины за свои действия, но признаваться в том, что сделал, не хочет. А может, боится?

— Но это же не самое страшное, правда? Расскажи, что было дальше? — не унималась ведунья.

— Самое страшное, что мне пришлось вернуться туда, потому что я обронил там своё кольцо. А когда я вернулся, то меня там уже ждали. Я конечно запасся огнём, чтобы обороняться, но их было слишком много...

— Но ты же живой, что может быть страшнее смерти? Не тьяни, договаривай!

— Я заключил с Полозом договор...

Дорогой читатель, рада приветствовать на страницах моей новой книги. Здесь я пишу продолжение истории про молодую ведьму Меланью. Книги можно читать по порядку и отдельно.

Предысторию рождения вы можете узнать из книги "Седьмая из рода проклятых" <https://ru/reader/sedmaya-iz-roda-proklyatyh-b433215?c=4872404>

Историю становления, принятия выбора и своего пути можно прочесть в книге "Меланья. Ведьмина внучка" <https://ru/reader/melanya-vedmina-vnuchka-b434556?c=4895553>

Борьба с искушением и сильным противником, а также переход на новый уровень и знакомство с наставником описано в книге "Меланья и колдун" <https://ru/book/melanya-i-koldun-b436870>

Все книги бесплатные.

2. Это мёртвый мир

— Договор со змеем? — её глаза удивлённо расширились. — Они что, ещё и разумные?

— Представь себе — да! Всё, Меланья, давай закончим этот разговор, я и так тебе много рассказал.

— Нет, так нельзя, как это закончим? Ты не рассказал самое главное, что это за договор, чем он тебя обременяет, почему ты назвал его самым страшным?

— Договор, как договор, в устной форме, такие часто происходят между колдунами и сущностями, у тебя разве не было?

Милка задумалась, она никогда не призывала сущностей, бывало ей помогали призраки умерших, но по своей воле, без всяких обязательств. А Богдан то не так прост, как кажется. Они уже почти полгода прожили под одной крышей, она до сих пор думает, что колдун добрый и пушистый, а на самом то деле, это совсем не так...

— Я так понимаю, ты мне не скажешь про то, что пообещал змею?

— Я пообещал ему никогда не тревожить его мир, никогда! А ты туда влезла. И хотя меня в их царстве не было, я не могу быть уверен, что он не воспримет твоё явление как нарушение договора.

Ведунья смотрела в ледяные глаза Богдана, трудно общаться с тем, кто сильнее тебя. Людскую ложь она сразу чувствовала, даже не напрягаясь, а тут такие барьеры, не подберёшься.

— Что может сделать змей, если ты потревожишь его мир, по вашему договору.

— Он меня убьёт, — просто ответил колдун.

— Значит, он хотел убить меня, — задумчиво произнесла Меланья. — Почему тогда не душил, а поместил в какую-то слизь. А он может из своего мира попасть в наш?

— Нет, это исключено, ничего из тех миров к нам не попадает, я пробовал. Ты говорила про слизь, а вынырнула оттуда совершенно сухая.

Да, это было правдой. Мила осмотрела свою одежду, ни малейшего намёка на пребывание в странном пузыре.

— А как же ты туда можешь проносить вещи?

— О, сколько вопросов, у меня уже голова пухнет, давай заканчивать, — Богдан поднял руки кверху и изобразил на лице вселенскую усталость.

— Нет, — уверенно сказала она, — пока ты мне всё не расскажешь, я от тебя не отстану, ты меня знаешь. Поэтому, чтобы не тянуть время, выкладывай всё.

— Хорошо, я тебя понял, но у меня есть другое предложение.

— Какое?

— Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, так? Пойдем со мной, я покажу тебе пустой мир, в котором нет никаких сущностей.

Предложение было таким заманчивым, но внутри всё естество ведьмы отзывалось страхом и отвержением. На лице явно отразилось смятение, в глазах замер ужас от неестественности происходящего.

— Воспринимай это, как часть обучения, легче, не надо так серьёзно реагировать, — успокаивал её Богдан. — Подумай, а вдруг тебе даже понравится. Готова?

Он накрыл её руку своей и пристально посмотрел в глаза. Она кивнула.

— Сейчас ты закрываешь глаза и сливаешься со мной, как делала тогда, перед попаданием к змеям. Руку мою не отпускай, я скажу, когда открывать глаза.

— Хорошо, — Мила крепко зажмурилась и начала ловить поле Богдана, она видела обрывки незнакомых ей картинок, почувствовала неземной холод, воздух будто сгустился и

стал похож на желе, дышать стало труднее. И вдруг резко отпустило.

— Смотри, — услышала она голос колдуна и открыла глаза.

Это было что-то нереальное, от увиденного у Милки даже дух перехватило. Богдан держал её за руку и самодовольно улыбался.

— Я назвал его «Хрусталь», это мой самый любимый мир, как тебе?

— Я даже не знаю, что и сказать, его можно трогать?

Колдун кивнул, и Мила, отпустив его руку, присела на корточки. Под ногами была совершенно прозрачная поверхность, похожая на лёд, но не мутная и без вкраплений. Потрогав рукой эту «землю», она ощутила тепло. Поверхность была тёплой? Удивительно.

Стеклянная твердь простиралась во все стороны далеко за горизонт. Там и тут из толщи этого стекла торчали тонкие стебли, похожие на растения, но тоже совершенно прозрачные. Хрусталь? Да, подходящее название. На удивление, стебли были гибкими как земная трава.

— Что это? — удивлялась ведунья, прикасаясь, то к одному, то к другому растению. — Это растёт? Удивительно.

— Смотри, — Богдан подошёл к ней ближе, в руке у него была канистра с родниковой водой.

Он открутил крышку и попросил её сложить ладони, чтобы налить туда воду. Когда жидкость коснулась пальцев, Меланья ощутила лёгкое жжение.

— Бросай её вверх, — скомандовал мужчина.

Мила удивлённо посмотрела на него, но послушалась. Вода взмыла вверх большой каплей и разбилась на тысячи брызг, которые плавно паря в воздухе, медленно опустились на землю. Девушка наклонилась ниже, чтобы рассмотреть эти брызги, но увидела, как из мельчайших капель выросла молодая хрустальная травка. Это было ни с чем не сравнимо и так красиво. Потом Богдан плеснул из канистры воду прямо вниз, и за перу секунд в небо взмыл толстый сильный росток, на высоте пары метров он замедлил свой рост, и, распушившись на макушке, стал похож на нашу берёзку.

— А что там? — Мила указала рукой на огромную гору поодаль.

— Моя крепость, пойдём, покажу, — и Богдан зашагал в сторону своего творения. — Я сделал её из воды, представляешь, здесь вообще из воды можно сделать всё что угодно.

Крепость была похожа на огромный шалаш из множества согнутых стеблей, в которых брали своё начало другие ростки. Вместо двери был просто проход, внутри было чуть темнее, чем снаружи, прозрачное нагромождение стеблей затеняло пространство. Посредине помещения стоял большой стеклянный куб и два маленьких.

— Что-то непохожее на стебли здесь делать труднее, но я научился, как с этим справляться, — гордо похвалился он.

— А зачем тебе всё это? — искренне удивилась Меланья. — Неужели ты хочешь здесь жить?

— А ты бы не захотела? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет, — с полной уверенностью заявила она и вышла наружу. — Вообще не понимаю, как можно хотеть этого? Даже солнца нет. Что здесь делать? Эта прозрачность восхищает, ей любуешься, но она пустая.

Над ними было ровное лиловое небо.

— А ночь? Здесь есть ночь?

— Ночь есть, но она неинтересна. А вот если бы ты увидела здешнее утро, то точно влюбилась.

Богдан поливал стеклянную землю из канистры, выращивая огромный толстый стебель.

— Зачем ты это делаешь?

— Это доставляет мне удовольствие, — ответил он. — Хочешь узнать, что из этого получится?

— Я хочу домой, мне здесь некомфортно.

Колдун сверкнул на неё разочарованным взглядом. Он хотел её поразить и восхитить, а нарвался на полное непонимание. Глупая женщина, что она в этом понимает...

— Я хотел провести тебя в горы, — в голосе сквозили нотки просьбы разделить с ним этот прекрасный мир, но Милка не собиралась здесь больше задерживаться.

— Богдан, верни меня домой, мне не нравится здесь.

— Хорошо, как скажешь.

Он взял её за руку и повёл в то же место, откуда они пришли. Сейчас Меланья разглядела под ногами нацарапанные на стекле символы. Похоже здесь портал. Ну что ж, теперь она знает, как это работает. Эх, Богдан...

— Закрывай глаза, — скомандовал он.

— А если не закрою?

— Лучше закрой, а иначе я могу тебя потерять и потом очень долго искать. Закрой, пожалуйста.

Мила решила не испытывать судьбу и сделала, как он просил. Через минуту они уже были дома, за тем же столом, из-за которого и начинали свой путь.

— Неужели тебе там не понравилось? Я хотел так много рассказать, ведь когда я попал туда впервые, там вообще ничего не было. Всё что растёт в Хрустале — это моих рук дело. В моих планах сделать там полноценное место для жизни.

— А почему ты хочешь жить там, где нет жизни? Богдан, там мёртвый мир. Это неправильно. Твоё место здесь, — она с укором смотрела ему в глаза.

— Ты меня не понимаешь, — не желая слушать её доводы, Богдан встал из-за стола. — Ничего, пройдёт время, возможно поймёшь. Я в лес, вернусь через пару часов, приготовь ужин.

Стремительно покинув избу, он оставил её одну.

— Вот и поговорили, — усмехнувшись, вслух сказала Мила и занялась домашними делами.

3. Силы природы

Богдан вернулся заметно повеселевший. Он обнял Меланью и спокойно извинился за свой вспыльчивый характер. Ругаться с ведуньей он не хотел, просто не ожидал резкого отрицания, поэтому психанул. Сказал, что он совершенно не в обиде на ученицу, она вольна воспринимать его миры так, как ей хочется. Если не нравится, он настаивать не будет, но в конце добавил:

— Я живу так уже давно, это часть меня, и отказываться от этого я не собираюсь.

— Я не буду тебе препятствовать, — ответила Мила, хотя внутри её разрывало начать ему доказывать, как он не прав. — Но прошу тебя, не путай тот и наш мир. Если там ты ощущаешь себя единственным вершителем, то здесь ты один из многих. Ты сильный, не спорю, но кроме того, что ты колдун, ты ещё и человек, и ничего человеческого тебе не чуждо. И мне тоже. Застревая в своих мирах, помни обо мне, я только здесь, там меня нет, и не будет.

Он смотрел на неё, откуда в этом хрупком теле столько силы? Слова будто каменные

плиты вылетали из её рта и складывались в твёрдый и основательный фундамент. Просто подойти и расшвырять эту основу ни за что не получится. Твердь, тяжёлая и могучая. Маленький вздёрнутый носик, пухлые губки, огненная грива кудрей, не зря он её выбрал. Со строптивыми даже интереснее. Богдан перешагнул все воздвигнутые ей обоснования, не прислушиваясь к смыслу и пропуская мимо твердую решимость Меланьи, просто по-мужски сгрёб её в охапку и прервал монолог жарким поцелуем.

Она сначала сопротивлялась, он чувствовал отталкивающие вибрации, исходящие из её тела. Но потом сдалась, покорившись его силе. И так будет всегда. Он её сильнее. Кто знает, возможно, потом она сможет не просто смириться с его укладом, а захочет его с ним разделить. Во всяком случае, он будет вести её в этом направлении.

— Я знаю, что ты здесь, — хрипло произнёс он, оторвавшись от её губ. — Ты моя женщина, я об этом помню, и отказываться не собираюсь. Обещаю, что буду делать всё, чтобы наша с тобой жизнь была счастливой.

Милка улыбнулась.

* * *

Утром встали рано. Сегодня значимый день — Весеннее равноденствие. Именно сегодня Мила проснётся вместе с природой и получит всё то, что ей до сих пор было недоступно. Предвкушение нового адреналином гоняло кровь по венам, заставляя сердце биться чаще. Глоток воды и больше ничего не нужно. Идти в лес она должна одна, так Богдан сказал, указал направление и попросил не заходить далеко, чтобы не заблудиться.

Мила медленно шла между высоких стволов елей и сосен, прислушиваясь ко внутренним ощущениям. Здесь она будет полагаться только на себя. Она женщина, и её естество не доступно Богдану. Пусть он думает, что видит её насквозь, что во многом превосходит, что имеет над ней власть, но всё это не так. Она ему позволяет ровно столько, сколько считает нужным.

За деревьями показался просвет, да, это то, что она искала. Мила вышла на небольшую опушку, край которой был обрывом. За ним широкий луг укрытый белоснежной пеленой снега. Всё это великолепие обрамлял темными стволами хвойный лес. Красота! Она поняла, что нашла свое место силы.

Плечи распрямились, голова поднялась вверх, глаза закрыты. Дыхание стало глубоким и расслабляющим, руки с раскрытыми ладонями развернулись как крылья, готовые прямо сейчас взмыть в небо. Сколько прошло времени? Минута, десять, полчаса, она не замечала. Сейчас ей казалось, что она полностью слилась с окружающим её миром. Природа приняла её в объятия, подняла на бережных ладонях и ждала восхода, чтобы одарить первозданными силами.

И вот момент настал! За обрывом из-за кромки леса показали первые лучи утреннего солнца. Вдох-выдох, вдох-выдох, светило показывается наполовину, лучи ослепляют сквозь закрытые веки и пронзают насквозь. По щекам текут слёзы радости, сердце, наполненное до краёв благодарностью, выплёскивает её наружу, и кажется, что две волны света встречаются, сливаются и, кружась вихрями, танцуют в первобытном никому не известном танце.

Вокруг тишина, но внутри ведунья наполнена грохотом и раскатами. Оглушающие звуки рвут барабанные перепонки, и Меланья оказывается в пустом вакууме. От неожиданной смены ощущений возникает желание открыть глаза. Ничего вокруг не поменялось, всё то же место, солнце уже полностью вышло из-за леса, снег сверкает, легкий ветер царапает морозом мокрые щеки. Она смотрела на свои ладони и ощущала в них невероятное

количество тёплой энергии. Мила интуитивным движением подняла их над головой и почувствовала, как столбы света из ладоней взмывают вверх и соединяют её с космосом, а ступни, выпуская длинные, гибкие корни, крепко сцепляются с землёй. Она единое целое с этим миром. Ей нет начала и конца. Она в моменте. Только здесь и только сейчас.

Возвращение из состояния наполнения было медленным и плавным. Сначала она почувствовала своё тело и попробовала движения. Потом начало возвращаться сознание, дыхание из почти отсутствующего стало глубоким и ритмичным. Глаза осматривали всё вокруг, вглядываясь в мелочи и пытаясь увидеть что-то новое. Мила хотела понять, что изменилось, но снаружи было всё как прежде. Внутри тоже всё улеглось, осталось только ощущение невидимой оболочки, покрывающей тело с кончиков пальцев до самой головы.

Идти домой не хотелось. Она заметила невдалеке поваленное дерево и присела. Сейчас её обнимало чувство спокойствия и умиротворения, как никогда раньше не было. Вселенская любовь, пройдя насквозь, оставила тёплый след. Хотелось запомнить это состояние надолго, проникнуться им и по возможности не упускать.

Пока ведунья смаковала послевкусие обрётённой, но пока неизведанной силы, человеческое тело напомнило о себе громким урчанием в животе и немеющими от холода пальцами. Пора. Обратный путь был недолгим, желая согреться, Мила шагала быстро.

Богдан почувствовал её приближение задолго до появления в воротах. Он знал, что природные силы могущественны, но не думал, что ей дадут так много. В ноздри буквально пахло упругим светом. С приближением ведуньи ему становилось теснее в собственном доме, а когда она шагнула на порог, то захотелось убежать.

— Поздравляю, — не решаясь приблизиться к Меланье, произнёс колдун.

— Благодарю, — она протянула к печи замёрзшие пальцы и начала меняться.

Огромный ореол силы из рыхлого превращался в плотный и тонкий. Это было похоже на птицу, которая в моменте распушила свои перья, став необъятной, а потом успокоилась и снова превратилась в обычную пичужку, сложив оперенье. Но кто хоть раз видел такие метаморфозы, тот знает, что всё может повториться и не единожды.

Богдан подошёл сзади и обнял её за плечи. По пальцам пробежал разряд, отозвавшись во всём теле. Она молчала. Казалось, что чего-то ждёт, может одобрения, может поддержки.

— Что ты чувствуешь? — спросил её он.

— Я чувствую... — она снова замерла. — Я чувствую, что я очень сильно проголодалась, есть хочу, — весело рассмеялась она, повернувшись к нему лицом.

Задорная зелень глаз излучала столько любви и добра, сколько он никогда в жизни не видел. Вот чем её наградили, она светлая. Колдун с облегчением вздохнул, значит смогут жить вместе, Богдан был серым.

4. Каменная твердь

— Скажи мне, как я смогу применять то, что получила?

Весь день Милка была молчаливой и задумчивой, а сейчас её прорвало на вопросы. Спальные лавки были сдвинуты, колдун нежно поглаживал молодое, красивое тело любимой вдоль позвоночника и думал о чём-то далёком, совсем не связанным с этим миром.

— Богдан, ты заснул что ли? Почему не отвечаешь?

Она повернулась на бок и попыталась посмотреть ему в глаза, но темнота скрывала любимого, Мила видела лишь очертания тела и слышала ровное дыхание.

— Заснёшь с тобой, — усмехнулся колдун. — Это не тот вопрос, над которым тебе следует размышлять. Всё что приходит к нам и наполняет послано не просто так, когда

придёт время, ты сама почувствуешь, как этим распорядиться. Не старайся знать головой, чувствуй сердцем. И вообще, в нашем случае голова плохой помощник, нам надо полагаться на другие ощущения, ты же понимаешь о чём я?

— Понимаю, — ответила она и положила свою ладонь ему на грудь. — Что ты чувствуешь?

— Я чувствую твою любовь и благодарность, — закрыв глаза, он смаковал густые сладкие волны исходящие от ведуньи.

Это было непередаваемое удовольствие, несравнимое ни с чем земным. Богдан даже почувствовал на языке её солоноватый привкус, запах огненно рыжих волос окутал его плотным слоем, тепло ведьмы обнимало и заставляло прижимать её крепче к груди, хотелось полностью слиться и не отпускать никогда.

— А знаешь, что чувствую я? — в голосе Меланьи не было той теплоты, которая исходила от её тела.

— Расскажи, — ему не хотелось выныривать из этих волшебных ощущений, глубже зарываясь в её кудри, он не хотел ничего слушать, но понимал, что ей важно выговориться.

— Богдан, я чувствую в твоей груди холодную каменную твердь, ты говоришь, что любишь меня, но не пускаешь в себя, почему?

Мила ждала ответа. Волшебные теплые волны её чувств остывали, меняясь на холодный запрос разума. Разочарование. Сейчас начнутся манипуляции. Ну почему нельзя так, чтобы было просто хорошо, почему нужно до всего докапываться. Не ответить он не мог, игнор она не примет, а перевести на другую тему точно не получится, нужно попробовать отшутиться.

— Это глубоко внутри, там нет для тебя ничего интересного, там мои страхи и разочарования, я похоронил их и не желаю больше вспоминать.

— Скажи, ты чувствуешь мой страх?

— Да, только теперь он тебе уже не страшен, у тебя полно сил, чтобы его победить.

— А когда ты меня обнимаешь, ты улавливаешь мои мысли, настроение, желания?

— Мила, я понимаю, куда ты клонишь, я чувствую тебя прекрасно, но я не готов дать тебе полный доступ к своим секретам.

— Почему? Почему ты скрываешься от меня? Ты понимаешь, что твои тайны заставляют меня напрягаться и пытаться снова и снова докопаться до истины. И поверь мне, я смогу это сделать.

— Не сможешь, — холодным тоном остудил её пылкость колдун. — Я запрещаю тебе это делать. Я действительно полюбил тебя и открыт пред тобой максимально, я даже рассказал и показал тебе то, чего никому ещё не показывал, но глубоко в душу не лезь. Прошу тебя.

— Там личное? — озвучила она свою догадку.

— Там то, что тебе знать не надо. Точка.

Меланья фыркнула и отвернулась к Богдану спиной. Он чувствовал её обиду, она доверилась ему от и до, а он держит секреты. Но сейчас он совершенно не готов посвящать её во всё, что там лежит. Для её же блага. С этой неуёмной энергией и диким любопытством она может таких дел натворить, не разгребёшь.

Рыжая ведьмочка давно уже тихо сопела, в темном окне были видны звёзды на небе, а Богдану не спалось. Чтобы скоротать бессонницу, он ушёл в свой любимый прозрачный мир. Там много чего можно делать, строительство не единственное занятие. Уже который раз он пытался дойти до гор, маячивших вдалеке, но что-то постоянно мешало. Колдун даже привёл

Милу в Хрусталь, он думал, что её сила поможет дойти туда, куда его будто не пускали. Но ведунья отказалась. Что ж, пойдёт один.

По стеклянной земле шагать легко, сокращать расстояние быстро нельзя, чревато последствиями. Горы очень далеко, но это не страшно, он умеет здесь сужать пространство. Богдан начал понемногу подкручивать невидимые настройки, дело пошло легче. Ноги всё также отмеряли шаги, только земля подалась навстречу и прокручивалась быстрее. Не зря он искупался в благодати своей женщины, сил стало больше, он ещё ни разу так не приближался.

Великолепие стеклянных гор поражало, вершины громоздились одна за другой, всё выше и выше устремляясь в небо. Хорошо, что здесь нет солнца, подумал колдун, если бы оно отразилось от всех этих граней, глаза бы точно ослепли. Любуясь видом, он замедлился. Шаги стали короче, а вскоре он совсем остановился. В преломлениях прозрачных глыб Богдан разглядел пещеру. Раньше он не приближался так и не замечал её. Сейчас же видел проём отчётливо и чувствовал смятение. Зайти или не зайти?

Мужчина обернулся назад, чтобы понять насколько далеко он ушёл от портала, удивлению не было предела. Он не просто дошёл до гор, он подтянул их к своей крепости. До портала было рукой подать, и его строение из прозрачных стеблей было совсем рядом. Восторг! Такого эффекта он не ожидал. Раз так получилось, то можно и выходить, на сегодня хватит. Завтра он проверит, останется ли всё так, как сейчас, или примет первоначальный вид. Чувствуя внутри небывалый подъём и радость от своего нового открытия, Богдан вынырнул из хрустального мира в земной и оказался рядом с любимой. Как хорошо. Он аккуратно прижал её спину к своей груди, стараясь не разбудить, и мгновенно заснул.

* * *

Утро ударило в уши свистящим чайником и обдало холодом нахмуренных бровей Меланьи.

— Надо же, проснулся, я уже и печь растопила и на родник сбегала, а ты всё дрыхнешь.

— Ты ж моя умничка, — он поднялся с постели и направился к ней, даже не одевшись.

— Богдан, замёрзнешь, — пыталась оттолкнуть его она, но крепкие мужские руки не выпускали из объятий.

— Как же я замёрзну, если у меня такой рыжий огонёк живет. С тобой мне холод не страшен.

Колдун ласково смотрел в глаза любимой, настроение — просто космос, хотелось сотворить что-нибудь эдакое. Сделать ей приятно, удивить, вызвать восхищение.

— Богдан, дай хоть чайник с огня сниму, громко свистит, — вернула она его в реальность.

Против чайника не поспоришь, он выпустил Милу из объятий и пошёл натягивать штаны. Когда вернулся в кухню, на столе уже ждал завтрак.

— Знаешь что? — хитро улыбнулась она ему, почувствовав настрой любимого. — А не съездить ли нам в гости к моему папе? Силу я получила, а в учёбе можно и перерыв сделать. Богдан, я соскучилась.

Вот и начало, он резко выдохнул, отменяя все сомнения, и согласно кивнул головой. К папе, так к папе. Можно ещё и к Машке в Москву съездить, как раз месяц заканчивается, за квартиру платить пора. Да и проверить нужно, как там они с её парнем, не натворили ли глупостей.

— Я согласен, поедем!

— Ура, — она подбежала и радостно повисла у него на шее.

Как это не вязалось с её сутью. Но ничего, мудрой и размеренной женщиной она ещё успеет стать, а сейчас пусть побудет лёгкой и непосредственной девчонкой. Ехать решили на утро следующего дня.

5. Два одиночества

С вечера собрались, а наутро сразу поехали. Милка не стала отцу про приезд сообщать, хотела сюрприз сделать. Михаил до вечера на работе должен был быть, заехали в магазин, накупили чего нужно и с полными сумками поднялись в квартиру.

Отперев дверь, Меланья застыла на пороге.

— Ты чего? — не понял Богдан вмиг поменявшегося настроения любимой.

— Здесь другая женщина. Отец привёл к нам в дом другую женщину... — девушка была в таком растерянном состоянии, что Богдану пришлось буквально протолкнуть её через порог и закрыть за собой дверь.

Поставив на пол сумки, он потёр руки и быстро просканировал пространство.

— Это женщина твоего отца, они вместе несколько месяцев, ты об этом не знала?

— Нет, — тихо ответила она.

Присев на пуфик в прихожей, Милка по-детски шмыгнула носом. Ей враз расхотелось готовить вкусный ужин, мысли о тёплом семейном вечере начали затягиваться протестом, брови нахмурились, в душе появилась злость.

— Подожди-подожди, — Богдан присел перед ней на корточки и взял её хрупкие руки в свои большие ладони. — Успокойся, отойди от этой ситуации в сторону, продышись, помнишь, как я учил?

Она кивнула.

— Мы сейчас вместе всё проверим, если начнёшь злиться — нанесёшь вред родному человеку, этого делать не нужно, согласна?

— Да, — одними губами прошелестела она.

— Пойдём пока сумки разбирать, не гоняй внутри обиду, выпусти. Я уверен, что здесь ничего страшного не произошло, — он смотрел ей прямо в глаза, не выпуская её пальцы из рук. — Пойдём.

Разделись, прошли на кухню, разложили купленные продукты по местам. Богдан внимательно наблюдал за любимой, она старалась, очень старалась не злиться, но язычки ярости зарождались в сердце снова и снова. Колдун помогал ей, остужал, перетягивал на себя, но она не успокаивалась.

Наконец они сели в гостиной на диван, это было любимое место Михаила, здесь он был как на ладони, и прочитать его не составляло никакого труда. Здесь же чувствовался яркий свежий след той женщины, которую Мила уже почти возненавидела.

— Расскажи про неё, что ты видишь, — пытаюсь переключить эмоции ведуньи на практику, руководил Богдан.

— Ничего не чувствую, — буркнула она, потрянув руками. — Как он мог, а как же мама? Ведь они любили друг друга, по-настоящему любили, я знаю.

— Но ведь мамы уже давно нет, — отозвался колдун.

— Ну и что, — обиженно надула она губки.

— А он живой, и любому живому рядом тоже живой нужен, долго с мёртвым на сердце не проживёшь, к себе утянет. У тебя же молодой ещё отец, — он не спрашивал, а утверждал.

— Молодой, — Милка посмотрела на Богдана и про себя подметила, что они с папой почти одного возраста.

— Вот, ты же не хочешь, чтобы он рядом с мамой лежал?

— Не хочу.

— Тогда разреши ему жить своей жизнью, он же человек, мужчина, ему однозначно нужна женщина, — при этих словах Меланья фыркнула. — Давай настраивайся и говори мне, как ты её видишь, я буду смотреть вместе с тобой, сейчас ты поймёшь, что она хорошая.

«Он надо мной издевается», — подумала Милка, но спорить не стала, прикрыла веки и начала считать.

— Она добрая, очень весёлая, прямо хохотушка, — девушка открыла глаза и удивлённо посмотрела на своего мужчину. Он кивнул и жестом попросил не останавливаться. — У неё двое детей, уже совсем взрослый сын и дочь школьница. Она вдова, мужа похоронила лет пять назад, она его очень любила...

Ведунья снова прервалась. Проникаясь той, кого читала, она понимала, что женщина действительно хорошая, и ничего за спиной не держит. Обычная судьба обычного человека. Притянулись два одиночества, в принципе, если трезво подумать, то никого лучше она бы отцу не пожелала.

— Ну вот видишь, — притянул её к себе Богдан и чмокнул в макушку. — Всё хорошо же?

— Спасибо, — поблагодарила его Мила. — Умеешь ты меня направлять.

Усмехнувшись сама над собой, девушка достала из рюкзака мобильник и поставила на зарядку. Вот они прелести жизни, сейчас позвонит и просто поговорит с папой, сообщит о своём приезде и предложит познакомиться с его новой спутницей жизни. Она уже ни на кого не злилась, даже радость в душе появилась. На подъеме замариновала мясо и начистила картошки. Всё будет хорошо!

Увидев входящий от дочери, Михаил подпрыгнул от радости, наконец-то. А услышав, что она дома и ждёт его на ужин в компании спутницы, вообще обомлел. Он так долго скрывал от неё свою новую любовь, очень боялся, что дочь агрессивно отреагирует, а тут такой сюрприз.

Со Светланой он познакомился на выезде, скромная женщина сразу его зацепила. Она была такой позитивной, излучала столько добра, что ему никак не хотелось уходить из её дома. Сеть он наладил быстро и теперь бесцельно щёлкал по настройкам компьютера, чтобы максимально растянуть время. А женщина по-простому пригласила его на чай, так и познакомились. И ведь не было никакой страсти, просто тянуло, по-хорошему, по-доброму, отпускать не хотелось.

Он рассказал ей про свою жизнь, она про свою, нашлось много общего: вкусы, увлечения, взгляды на жизнь. Вместе рассуждали про детей, про их реакцию на их связь, решали, что спешить не стоит, пусть пока никто ни о чём не знает. А Милка узнала, кто бы сомневался.

Михаил, закончив разговор с дочерью, набрал Светлане и сообщил новость. Женщина отреагировала спокойно, уже все взрослые, понимают, что да как. Значит, пора пришла из тени выходить, семьями знакомиться.

Вечером в дверной личине щёлкнул ключ, и Мила, крепко держа за руку Богдана, пошла встречать отца.

Михаил вошёл первым, за ним в дверь шагнула Светлана. Она была небольшого роста и

чуть полновата, но это нисколько её не портило. Светлые волнистые волосы лёгким облачком лежали по плечам, в глазах искорки, на лице добрая милая улыбка.

— Знакомьтесь, это Светлана, это Меланья...

— Это Богдан, — перехватив вопросительный взгляд отца, представила она своего мужчину.

Богдан кивнул Светлане и протянул руку для рукопожатия Михаилу. Тот сжал ладонь колдуна, и кончики пальцев закололо от отцовской ревности. Колдун это предполагал, он хорошо считал папу Милы и знал, что хоть дочь не родная, а любит тот её по-настоящему. Ничего, всё устаканится.

Ужин прошёл тепло и по-семейному. Никто не задавал лишних вопросов, Михаил делился новостями, что накопились за время отсутствия дочери, радовался её полному восстановлению, скупно похвалил Богдана за помощь в деле, которое выбрала Мила. Богдан вёл себя учтиво, но не откровенничал, Меланья сама рассказала об их отношениях, планах на будущее и прочем.

Разошлись по комнатам ближе к полуночи.

— Богдан, давай завтра перед отъездом в Москву на кладбище заедем?

— Как скажешь, любимая, — просто согласился он.

Милка благодарно прижалась к широкой груди своего избранника и счастливая заснула. Она конечно чувствовала, как в отце бурлит неприятие её выбора, но также знала, что это временно. Отец оценит её выбор позже, обязательно оценит.

6. Ждал тебя

Михаилу не спалось. Просто не шёл сон и всё. Мысли были только о Богдане. Это же надо, каков сюрприз. Он же реально ровесник ему, почему Милка решила остановить свой выбор именно на нём?

— Миш, ну чего ты всё вздыхаешь, — Светлана оказывается тоже не спала.

— Как тебе Богдан? — сразу в лоб задал он вопрос.

— Ну как? — замялась женщина. — Симпатичный, культурный, как мне показалось по-настоящему любит Меланью. Во мне он не вызвал ни единого отталкивающего чувства, а тебе?

— А мне кажется, что для моей девочки это слишком древний вариант, она же такая молодая, умница, красавица, неужели не сможет помоложе найти?

Светлана молчала. Она сама была уже в такой ситуации, однажды её взрослый сын Валерка открыл дверь в дом и познакомил её с Викой. Ох какую бурю в душе она выдержала, шторм, торнадо, ураган, это не описать словами. Но главное здесь — выдержала. Она поняла сразу, сын настроен серьёзно и плясать под дуду матери не будет. Значит, пусть будет так. Конечно же она много психовала, даже грешным делом навела справки про новую девушку сыночка, нашла там неоднозначную буйную юность Виктории, рассказала об этом Валерке. Но сын сразу закрыл тему, пояснив, что прошлое на то и прошлое, что его не изменить. А сейчас ничего, живут уже второй год, Вика обучение заканчивает, Валерка на квартиру зарабатывает, всё как у людей.

— Чего молчишь? — прервал череду её воспоминаний Михаил. — Заснула?

— Нет, не заснула, а вот тебе бы уже пора отпустить дочь в свободное плавание. Она же взрослая, ей пора свою ячейку общества образовывать. Сама выберет кто ей по душе. К тому ж выбирает не только глазами, думаю, она своего Богдана уже насквозь прощупала и жизнь с ним предвидит.

— А если нет? Если он ей мозги запудрил и погубит мою девочку, что тогда будет? — не успокаивался Миша.

— Что будет, то и будет, тебе этого не предугадать. И не советую даже думать об этом, живи как живёшь, радуйся, что Мила счастлива, смотри какая красавица приехала, значит, на пользу всё идёт, во благо.

— На пользу, во благо, — передразнил её Миша, но Светлана не обиделась, а тихонько рассмеялась и нежно обняла его. — Пойду, воды попью, может смогу заснуть.

Отец Милы тихо пошёл на кухню, стараясь не шуметь, чтобы никого не разбудить. Свет решил не включать. На автомате повернул к раковине, взял с полки стакан и налил воды из фильтра.

— Не спится? — раздалось из угла.

Михаил аж подпрыгнул от неожиданности, но быстро собрался и повернулся лицом к угловому дивану. Богдан сидел за столом, и в темноте казалось, что глаза у него светятся голубым.

— Смотрю тебе тоже? — ответил мужчина вопросом на вопрос.

— Ждал тебя, понимаю, что за дочь беспокоишься, садись, поговорим.

Миша молча сел рядом с избранником Меланьи, что тот может сказать отцу? Как успокоит сердце того, кто эту малышку с младенчества растил, оберегал, защищал, считал своей принцессой, холил и лелеял.

— Я понимаю, слова в этом деле пустое, — будто ответив на его внутренние вопросы, произнёс Богдан. — Я много говорить и не буду, я тебе просто покажу и дам слово колдуна, что буду беречь твою дочь до самой смерти.

— А вы ещё и умираете? — почему-то Мише хотелось съязвить побольнее, уколоть собеседника, вывести его на эмоции.

Но Богдан на провокацию не поддался, а продолжил спокойным ровным тоном. Стало немного стыдно за своё поведение. Михаил чувствовал превосходство этого мужчины, чувствовал, что тот может одним взглядом размазать его, уж что-что, а колдовство благодаря дочери он научился узнавать, но уязвлённое мужское начало отца требовало «быть на коне». Колдун же протянул руку своему будущему тестю, и крепко сжал его запястье.

— Закрой глаза и расслабься, всё что ты увидишь — это то, что было. За эти полгода, пока я её учил было многое. В душу она мне запала крепко, да и я у неё в сердце, так что помешать нам быть вместе ты всё равно не сможешь. Смотри, видишь её улыбку?

Михаил выхватывал картинки из потоком идущей информации, это было так странно, будто бесконечная лента фотографий постоянно мельтешит перед глазами, а вытягиваешь одну и уже можно рассмотреть. Он так и делал, останавливал, брал кадр, рассматривал, везде была его любимая дочурка. Вот она хмурится, вот злится, вот губки от обиды надула, а здесь старается, а здесь... На этом кадре он задержался дольше, здесь он увидел робкий влюблённый взгляд. Дальше снова разные эмоции, обучение идёт, знания закрепляются практикой, учитель и хвалит и журит, а Милка смотрит на него и улыбается, светится изнутри, счастлива.

Пока Михаил разглядывал то, что показывал ему колдун, тот продолжал говорить.

— Мы пережили с ней многое, а переживём ещё больше. Характер у Милы взбалмошный, но я умею её направлять. Сила у неё большая, но я помогу использовать её правильно и не во вред. Я научил многому, но смогу дать ей ещё больше.

Михаил видел, как его дочь трепетно прижимается к груди своего учителя, отдавая ему

частичку себя, раньше она так прижималась к нему. Теперь у неё появился тот, кто в её жизни будет главнее отца. Скупая мужская слеза блеснула в уголке глаза, но не пролилась. Конечно же он примет, у него нет другого выбора. Вздохнув, Миша разжал свои пальцы с запястья Богдана и встал.

— Хорошо, — согласился он. — Я не буду вам препятствовать.

— Благодарю, — коротко ответил колдун.

Мужчины тихо разошлись по комнатам, оставшаяся часть ночи пролетела легко и быстро.

Утро порадовало солнышком, бодрящий запах кофе распутывал сонные мысли, хрустящие тосты и тонкая ветчина с сыром вкусно укладывались в желудки.

— А теперь куда? — спросил Михаил молодых о планах.

— Сейчас на кладбище съездим и в Москву, — отвечала Меланья. — Проведаем Вадечку и Машу.

— А Маша это кто? — про крестника Михаил знал, а про Машу ещё не слышал.

— Это племянница Богдана, — легко ответила Милка. — У них с Лёхой любовь, а Богдану нужно всё под контролем держать, — рассмеялась она.

Богдан при этих словах поморщился, что не скрылось от внимательных глаз Михаила. Вот, так то, порадовался мужчина, понимаешь значит, как тяжело своих девочек чужим мужикам отдавать.

Потом были сборы на работу и в дорогу, все разъехались, квартира опустела. В зале тихо тикали большие часы в натуральной деревянной оправе, на кухне мерно гудел вечно работающий холодильник, жизнь не останавливалась ни на секунду.

7. Ты рвёшь мои миры

Богдан за пять часов дороги устал, хотелось полежать. А Милка во дворе дома Марии увидела своего крестника, которого папа вывез на прогулку.

— Я буду в квартире, — не желая сейчас ни с кем разговаривать, колдун быстро скрылся в подъезде.

Мила же осталась на улице с Лёхой и Вадимом. Маша была ещё на учёбе, на отдых пара часов точно есть. Увидев, как коляску повезли в сторону парка, колдун улёгся на кровать и закрыл глаза, просто сна не хотелось.

Мысленно он перебирал места, куда можно отправиться отдохнуть, очень манила пещера в Хрустале, но решил отложить её, там возможно понадобится длительное пребывание. Сейчас же нужно что-то лёгкое и расслабляющее. Остров, самое то!

Плотно стиснув веки, до характерных искорок, Богдан начал накладывать на себя ощущения присутствия. Первой подключилась кожа, и он почувствовал лёгкий бриз. Сразу же подтянулось обоняние, и вдох солёного свежего воздуха наполнил лёгкие. Следующими включились мышцы тела, колдун шёл и свободно размахивал руками. Яркое тропическое солнце ударило в глаза, всё можно открывать веки.

Наблюдая перед собой совершенную картину рая на земле, Богдан вспомнил Милу. Может, надо было сначала её сюда привести, может, Хрусталь для неё слишком сложен и непонятен, а здесь всё просто и как в жизни. Присев на мокрый песок возле кромки океана, колдун вытянул ноги и наслаждался волнами. Эти пушистые пенные барашки сначала убегали, а потом смело накатывали, разбиваясь о его пятки и запутываясь песчинками в волосах на ногах. Приятно.

Нет, он должен обязательно прийти сюда с любимой, такого отдыха просто сном не

получишь. Колдун откинулся на спину и посмотрел на чистое голубое небо. Ни облачка. Релакс. Хотелось закрыть глаза и погрузиться только в ощущения, но нельзя, если разорвёт связь с картинкой, то и ощущения уйдут. Будет смотреть, просто смотреть, слушать и чувствовать волны.

Сзади раздался странный треск. Вставать не хотелось, и Богдан продолжал наслаждаться. Шум повторился, и колдун увидел, как голубое небо рвётся надвое, обнажая глубокую черную впадину. Он быстро сел и обернулся назад. Острова уже не было, разорвало. Стон негодования вырвался из груди. Надо уходить. Ну почему так? Это был уже третий мир, который рвался таким образом. Что именно провоцировало разрыв, он не понимал, но восстановлению он теперь не подлежит. Жаль остров.

Богдан закрыл глаза и буквально вышвырнул себя из приятной неги. Ощувив спиной мягкое покрывало и подушку под головой, он медленно открыл глаза. На кровати рядом с ним сидела Мила и улыбалась.

— Давно ты здесь?

— Нет, только вернулась, я не хотела тебя будить, ты так мило улыбался во сне, извини.

В голове беспокойно мельтешила страшная догадка, он отчаянно пытался вспомнить, в какой момент порвался первый и второй мир. Неужели это она? Такого не может быть, не должно быть, он этого не хочет.

— А что ты делала, когда я спал?

— Ничего, просто смотрела на тебя и посылала лучики своей любви. Тебе снился хороший сон, ты расстроился?

Она прилегла рядом, положив свою голову ему на плечо. Как кошка, прижалась к тёплому боку, не хватало только мерного урчания.

— Сколько сейчас времени? — спросил колдун.

— Два часа, — посмотрела она на часы.

— Машка только через час придёт, — прикинул он. — Тогда мы сейчас с тобой сходим к хозяину квартиры, это недалеко, а там по пути есть кафе, зайдём, пообедаем, не против?

— Я думала, мы обедать все вместе будем, когда Маша вернётся, — удивилась Мила.

— Поужинаем вместе, а потом поедем обратно.

— Как, даже не переночуем?

— А ты хотела в гостиницу ехать? Или у своего крестника собралась ночевать, — усмехнулся он.

Ладно, говорить о том, что Маша давно уже живёт с Лёшкой, и квартира пустует, не хотелось. Это их дело, сами пусть разбираются. Милке показалось, что Богдан сам чувствует это, но почему-то отрицает и делает вид, что не видит. Итак, злой проснулся, чего ещё больше нагнетать.

* * *

Весь день и вечер голова Богдана была занята лишь одним: Мила рвёт его миры. Специально или не нарочно, он еще не разобрался, но рвёт легко и безвозвратно это факт. Он сопоставил моменты разрывов двух предыдущих картинок с третьей, всё волшебным образом складывалось один к одному. Почему он раньше не понял? Списывал на странности, частые посещения, необъяснимые причины, но всё было не так. Причина одна, и это его любимая девушка. Жестоко.

Во время ужина он даже не сразу понял, что Маша ему сообщила, про их совместную с Лёхой жизнь. Рассеяно кивнув, он продолжал мысленно искать объяснение своему

открытию. Почему тогда она не разорвала Хрусталь, когда была там, почему сама не смогла выбраться из царства Змеев. Зачем ей рвать безобидный остров, луг и деревню. Какая между ними связь?

— Конечно, ночуйте, я у Лёшки останусь, как раз Вадик сегодня у нас, а он любит, когда я его укачиваю, — донеслись до ушей Богдана слова Маши.

Колдун начал переключаться с размышлений на разговор. Они ночуют у Маши, а та с этим ловеласом? Да, дела. Богдан потряс головой, концентрируясь в моменте, и быстро считал всю историю своей племянницы и бывшего Милки. Такая себе история, но притяжение прослеживается с двух сторон. Ладно, чего уж там, пусть живут. Всё равно его мнения спрашивать никто не будет.

За окном темнело, малыш уже начал капризничать, пора было расходиться. Вдоволь наигравшись с Вадимом Мила довольная шла под руку с любимым и мечтала о их счастливом будущем. Не зря же ей детские голоса слышались, значит будут у них малыши.

Прейдя в квартиру, Богдан усадил Милу за стол и начал дотошно расспрашивать. Сначала она вообще не понимала о чём он, но когда прозвучало обвинение «Ты рвёшь мои миры», то психанула. Да, она чувствовала его отрыв от реальности, иногда даже ей казалось, что она видит его переход. Но сегодня думала, что он спит. Ничего она не разрушает, в эту часть его жизни не лезет, к чему эти пустые обвинения.

— Я всё сопоставил, не знаю, как у тебя это получается, но это делаешь именно ты, — колдун был настроен агрессивно. — Я хочу лишь добиться от тебя — как ты это делаешь? Может, зовёшь меня, или заговариваешь? Я не поверю, что это просто случайность.

— Богдан, успокойся, услышь сам то, в чём ты меня обвиняешь. Я непричастна к твоим фантазиям, ты сам их создаёшь и сам рушишь, не нужно перекладывать вину на меня.

— Хорошо, я понял, признаваться ты не будешь. Но тогда я сам всё узнаю, дай руку и закрой глаза.

— Зачем? — внутри зарождалась тревога. — Что ты хочешь сделать?

— Не переживай, тебе не грозит никакая опасность, но если ты права, я это увижу и мы навсегда закроем эту тему.

Меланья доверчиво протянула ему руку и прикрыла веки. Переход был быстрым, от этого тело будто пробило небольшим разрядом тока.

— Я тебя очень люблю, но мои миры — это неотъемлемая часть моей сущности. Без них я не я. Тебя об этом я предупреждал сразу. Всё, просто будь здесь и помни, что я за тобой наблюдаю.

Богдан исчез, а Меланья осталась совершенно одна в Хрустальном мире. Зачем он сюда её привёл? Почему ушёл? Что хочет проверить и как? Бесконечная вереница вопросов крутилась в голове, не давая телу расслабиться. Ощувив боль в ладонях, Мила увидела, что настолько сильно сжимала кулаки, что ногти до крови впились в кожу.

8. Не трогай его!

Милка огляделась по сторонам. Здесь тоже потемнело, по сравнению с тем, когда она сюда являлась впервые. Богдан говорил, что ночь в этом мире прекрасна. Лиловое небо сейчас было тёмно фиолетовым, а от прозрачной земли исходило лёгкое желтоватое свечение. Сколько ей здесь нужно пробыть, чтобы Богдан успокоился.

Ведунья отправилась к строению, которое сделал колдун, там присядет и будет ждать, а может даже и поспит. Здесь тепло, свет создаёт ощущение уюта и спокойствия. Меланья дошла до шалаша и увидела за ним пещеру. В тот раз её здесь не было. Неужели Богдан и её

создал?

Стало любопытно, что там внутри, и Мила пошла к прозрачной арке входа. Шагнув в проход, она ахнула от непередаваемой красоты внутреннего убранства. Прозрачные стены сверкали многочисленными гранями, своды тоннеля отражали и частично выпускали свет идущий изнутри. Дорожка, на которую ступила девушка светилась ярче, чем земля снаружи. Делая шаги вглубь пещеры, Милке даже показалось, что там дальше свет становится ярче.

Обернувшись назад, она увидела выход и через него тёмно-фиолетовое небо.

«Вернуться всегда успею», — подумала она, и смело зашагала дальше.

Примерно пять минут пути по хрустальному тоннелю, и ведунья ощутила, что тропинка приобрела уклон, похоже, она спускается под землю. Постепенно стены пещеры перестали пропускать свет, и глаза начали уставать от ярких бликов по граням. Ещё Мила заметила, что теперь гораздо теплее, она сняла толстовку и обвязала её вокруг талии. Выхода уже не было видно, но дорожка была одна и ярко светилась, поэтому заблудиться она не боялась.

Сколько прошло времени, она не ощущала, идти приходилось, сощурившись, чтобы не ослепнуть. Уклон стал круче, и впереди замаячило оранжевое свечение.

* * *

Богдана разрывало от противоречий. Наблюдая за мимикой своей девушки, перенесённой в Хрусталь, он не видел ничего необычного. Полностью расслабленное выражение лица, может она там заснула? А может он зря так с ней? Но ему же нужно понять, как она влияет на его творения. А вдруг она разрушит и Хрусталь? Нет, не может такого быть, в прошлый раз же не разрушила. Но тогда она торопила его покинуть этот мир, а сейчас он не дал ей этой возможности. Неосмотрительно с его стороны, надо идти за ней, хотя бы наблюдать оттуда, а то вдруг не успеет.

Холодный пот прошиб от мысли, что будет, если она будет внутри, и Хрусталь начнёт рваться. Вдруг он не сумеет её оттуда забрать, а если она потеряется, застрянет.

— Вот я дурак, — Богдан выругался и, сев за стол, начал переход в другой мир за своей любимой.

Попав на стеклянную землю, он сразу же направился к своей крепости, которую Милка окрестила шалашом. Внутри было пусто. Так и знал, что не будет просто. Обзывая себя по всякому, колдун бежал к пещере. Как он мог про неё забыть? Пообещал Милке полную безопасность, а сам не знал, что может ждать внутри этой хрустальной горы.

Вбежав в арку входа он растерялся, тропинка раздваивалась, одна уходила резко в право, другая в противоположную сторону. Так, что делать? Громко позвав девушку, он, как и предполагал, не получил ответа. Нужно настроиться на Меланью. Колдовать в этом мире было трудно. Законы, которыми он прекрасно пользовался на земле, здесь не поддавались. Чтобы почувствовать след любимой пришлось изрядно попотеть, но и итог не обрадовал. След одинаково шёл в обе стороны.

«Хорошо, пойду налево, если что, то вернусь», — мысленно решил колдун и быстро побежал на тропинке в глубь пещеры. Каково же было его удивление, когда спустя совсем немного времени, он вернулся туда, откуда и начал своё движение.

— Вот почему след и там и там, она скорее всего тоже обошла гору по кругу, вот только куда она двинулась дальше?

Выйдя из тоннеля, Богдан решил обойти гору снаружи, возможно, Милка тоже так сделала. Но снаружи след совсем не ощущался. Может здесь её энергия рассеялась, пространство большое, такое можно предположить. Но куда же она могла пойти? Кроме

горы, пещеры и крепости здесь ничего больше нет. Потерял?

От такой мысли в груди барабанной дробью забилося сердце, в горле поднимался шершавый комок паники. Нужно залезть наверх, на гору, оттуда будет легче увидеть. Стараясь не хвататься за острые грани стекла, Богдан тщательно подбирал места, на которые можно было опереться и ухватиться. Подъем был невероятно долгим. Правую руку он не уберёт, на ладони был длинный порез.

«Хорошо, что не глубокий», — подумал колдун взбираясь выше.

Кровь на стеклянной поверхности горы вела себя не так, как в физическом мире. Красные капли разъедали её подобно кислоте, расплзаясь вширь и вглубь коррозионными пятнами. Но Богдан этого не видел, он лез на вершину.

Очередной выступ порадовал, здесь была ещё одна пещера, с низкими сводами, узким проходом, но была. Прозрачная тропинка была одна и вела вглубь. Что ж, другого пути нет, значит туда. Не успев пройти и нескольких шагов, Богдан явно почувствовал Меланью. Её след был ярким, но странным было то, что исходил он будто из-под земли. Колдун ускорился, нужно скорее её догнать.

Пригнувшись, он бежал по узкому проходу, не обращая внимания на торчащие из стен острые шипы. Рукава рубашки порвались, плечи были все исцарапаны, из небольших ранок сочилась кровь. Появился уклон, похоже, он спускается вниз. Свечение становится ярче, впереди оранжевый свет. Богдан выбежал на небольшую круглую площадку. Потолок здесь был выше, а пол идеально прозрачным. Там, под полом он увидел свою девушку. Она находилась в таком же круглом зале, но ниже ярусом. Вот почему он чувствовал её из под земли.

Топот и прыжки по стеклу не давали результата. Пол не то чтобы ломался, он даже не трескался. Его криков Меланья не слышала, она спокойно ходила вокруг большого хрустального камня, установленного в центре того зала. Камень был круглым и весь изрезан причудливыми узорами, не похожими на обычные грани. Что это? Милка несмело тронула его. От лёгкого прикосновения камень вспыхнул светом и погас. Девушка повторила своё действие, теперь камень светился дольше.

— Не трогай его! Не прикасайся к нему! — кричал сверху Богдан и в бессилии бил ладонью по гладкой поверхности стеклянного пола.

Вдруг он заметил, как следы крови от ладони меняют структуру стекла, превращая его в подобие ржавого железа. Не думая больше, он рассёк руку о торчащий из стены пещеры шип и начал размазывать текущую кровь по полу. Действие было практически мгновенным. Прозрачность потеряна, плотная твердь становилась рыхлой, наконец, при очередном ударе кулака, потолок треснул, и в нём образовалась дыра.

— Мила, не трогай его, иди скорее ко мне, надо уходить! — что есть силы, закричал мужчина.

Ведунья удивлённо подняла голову и увидела Богдана, разбивавшего потолок пещеры окровавленными руками.

— Что с тобой, почему ты весь в крови, спускайся, я тебе помогу, — Мила подошла ближе.

— Спускаться нельзя, выход перекрыт, иди сюда, я сейчас тебя подниму.

— Богдан, а можно взять его с собой? Мне кажется, он со мной разговаривает.

— Ни в коем случае, он должен остаться здесь, а нам надо срочно покидать этот мир, быстрее.

Пожав плечами Милка схватилась за опущенную вниз руку колдуна и, спустя мгновение, уже была ярусом выше. Тоннель пещеры, которую нужно было срочно покинуть, весь был покрыт ржавчиной.

— Что это? — удивилась девушка, потрогав пальчиком рассыпающуюся под нажатием стену.

— Потом объясню, пошли!

9. Подумай о чём просишь...

Оказавшись дома на кухне, Богдан начал приводить свои руки в порядок. Смыл кровь, залечил рану. Мила наблюдала, как под голубым свечением, идущим от его ладони, кожа стягивается, и образуется рубец.

Подождав, когда он закончит самолечение, Меланья спросила:

— Скажи, зачем ты это сделал?

Её голос был спокоен, она была уставшей и просто хотела знать причину его поступка.

— Мне нужно было проверить, — угрюмо ответил колдун, не глядя ей в глаза.

— Что проверить? — уточнила Мила.

— Проверить, как ты влияешь на мои миры, сегодня я уже потерял один, и думаю, виновата в этом именно ты. Возможно, ты делаешь это не нарочно, я хотел понаблюдать за тобой, увидеть, как это происходит.

— Понаблюдал? — разочаровано спросила она.

— Не успел, испугался, что случится страшное.

— Что же страшного могло со мной случиться в твоём любимом, совершенно безопасном для меня мире, — она говорила с явной издёвкой, акцентируя внимание на слове «безопасном».

Богдан молчал, чем её унять: подобрать понятное объяснение, или просто успокоить на ментальном уровне, пожалуй, второе будет проще. Он подошёл ближе к сидящей на кровати Меланье и присел на корточки. Взяв её ладони в руки, он прижал их к своим щекам и долгим взглядом посмотрел ей в глаза.

— Я больше никогда так не сделаю, обещаю. Я злился, очень злился, прости.

Ведунья была совершенно спокойна, то чем он пытался затуманить её сознание, не подействовало. Он хотел плавно нагреть до страсти поток нежности, оказаться в постели с любимой и забыть к чёрту эту пещеру, но Мила была, как скала.

— Богдан, этот камень говорил со мной, он хотел мне что-то рассказать или спросить, или попросить. Я до сих пор ощущаю его волны, мне трудно разобрать эти вибрации, но я справлюсь. Этот мир живой, там есть сознание, возможно, оно заключено в этом хрустальном шаре, мне нужно туда вернуться.

— Это исключено, — ответил колдун. — После того, как кровь начала разъедать стекло, возвращаться туда очень опасно.

— Почему?

— Ты видела эти пятна ржавчины по всему тоннелю? А ведь они образовались оттого, что я просто царапал плечи о шипы, выступающие из стен. Там, где я тебя вытаскивал, вообще неизвестно что произойдёт, я растирал свою кровь по стеклу, чтобы добраться до тебя.

— Почему кровь так действует на этот мир?

— Без понятия, я сам только узнал об этом, раньше не приходилось там раниться, — колдун на мгновение задумался, и Милка ухватила еле заметный след лжи.

— Ты меня обманываешь, я чувствую это, ты мне врешь, — доверяя любимому, как самой себе, для неё стало ударом его враньё. Глаза зажгло от обиды и горечи, но это сейчас было не самым важным.

— Богдан, мы обязаны вернуться туда и спасти его. Нужно вернуть этому миру первоначальный вид, смыть твою кровь. Ты же сам говорил, что большие изменения там — это плохо.

— Нет, — категорично отказал он.

— Богдан? — зелень её глаз, казалось, прожжёт насквозь, она упорно шла к своей цели, продавливая его волю.

— Нет, — уже громче ответил он. — Давай спать, завтра поедем домой.

— Трус, — Милка будто кислотой выплеснула разъедающую обиду и удалилась в ванную.

Он долго ждал её возвращения, но звуки воды из душа незаметно убаюкали и отправили в сон.

Меланья стояла под теплыми струями воды и думала. Камень явно обращался там к ней, он чувствовал её прикосновения, он хотел ей что-то донести, но испугался. Испугался тогда, когда появился Богдан. Богдан, что-то не договаривает, это точно, узнать у него правду напрямую не получится, нужно действовать по-хитрому. Кровь разъедает стекло быстро, вопрос соотношения, сколько коррозии может причинить капля крови, этот процесс останавливается или же нет. Если нет, то мир в ближайшее время полностью погибнет, и с миром погибнет яйцо.

Она назвала его яйцом, да, очень символично. Учитывая, что там внутри пульсирует сознание, то возможно там есть и реальное существо. Мила улыбнулась, представив, как из хрустальной скорлупы вылупляется маленький птенчик. И тут же поморщилась, вспомнив, что из яиц вылупляются и змеи. Ладно, надо найти способ отправиться туда снова и спасти яйцо. Если она этого не сделает, то не сможет себя простить до конца жизни.

Высушив тело пушистым баннным полотенцем, ведунья направилась в кровать, было уже далеко за полночь, Богдан не дождавшись её заснул. Ну и хорошо, так даже лучше. Она легла рядом и начала настраиваться на его сон. Раньше она этого не делала, не было нужды, да и лезть к нему в душу не хотелось. Но сейчас это был единственный выход. Главное сделать всё так, чтобы колдун ничего не заметил.

Сонастройка прошла легко, Мила оказалась на большом ромашковом поле, оказывается Богдан романтик, интересно и неожиданно. Мужчина лежал на земле, подмяв тонкие стебли цветов, и смотрел в небо. Там, на чистом голубом полотне плыли белые облака различных форм и размеров, приглядевшись внимательнее, она разглядела, что в каждом облаке своя картинка.

— Ложись рядом, — заметил её колдун, — я знал, что ты придёшь. Я тебя ждал.

План, сделать всё незаметно для него, с треском провалился. И почему она думала, что будет всё легко. Он же не просто человек, возможно, пока она строила планы в душе, он тоже её считывал. В который раз она убеждалась в том, что их отношения должны строиться на абсолютном доверии друг другу. Но он точно её обманывает, он не успел это скрыть, засветился, почему он ей не доверяет, не расскажет как есть на самом деле, не откроет все свои тайны.

— Ты хочешь попасть в мой мир без моего разрешения, так? — спросил её колдун.

— Это не твой мир, это мир живой, там есть жизнь, и значит он не твой! — уверенно

парировала Меланья.

— Почему ты так уверена, что это жизнь? Я думаю, тебе всё это просто показалось, давай забудем про это навсегда и продолжим жить, будто ничего не было.

От волны возмущения ведунью чуть не выкинуло из сна, вовремя спохватившись, она провела руками по окружающим её ромашкам, почувствовав кончиками пальцев бархатистые лепестки, уравнивала свои эмоции и продолжила:

— Богдан, ты знаешь, кто я, отличить живое от мёртвого точно могу. Я не прошу тебя о многом, мы просто восстановим то, что ты разрушил. Возможно, яйцо никогда и не вылупится, но оно определённо живое. А разрушения и коррозия могут его убить. Разве ты сможешь жить с тем, что вместо того, чтобы спасти, ты всё погубил.

— Яйцо, — усмехнулся мужчина. — Я ничего не губил и вытащил тебя оттуда вовремя, откуда тебе знать какие намерения у этого яйца? А может это оно хочет тебя погубить?

— Если ты не хочешь мне помочь, отправь меня туда одну. И мой тебе совет, сделай это скорее, чем дальше будешь тянуть, тем больше я тебя буду доставать.

— Такая смелая и такая благородная, — засмеялся колдун. — Даже я, так долго изучающий эти миры, не знаю их досконально. Уйдёшь в Хрусталь, затуманит тебе голову это яйцо, что будешь делать? Ты даже не смогла точно понять, что оно тебе говорит, почему ты уверена, что его следует спасти? Подумай хорошенько, о чём просишь. Неужели вместо спокойной жизни здесь ты выберешь неизвестность там? Ты же была всегда против моих миров, тебе они не нравились, ты хотела, чтобы я от них отказался, я же прав! Прав?

Богдан поднялся с земли и теперь стоял, возвышаясь над ней, и продолжал расти в размерах.

— Сон окончен, прочь! — он махнул рукой, и Меланья проснулась.

10. Это самое лучшее, что со мной случилось...

Она открыла глаза, и сразу же встретилась взглядом с Богданом. Он нежно смотрел на неё своими серо-ледяными глазами, заправил за ухо упавший на лоб локон, погладил по щеке и придвинулся ближе, чтобы поцеловать. За окном уже рассветало.

— Мила, иди ко мне, успокойся, — он переложил её голову себе на плечо и крепко обнял обеими руками. — Ты такая волшебная, как из сказки, а что в сказках всегда неизменно? Хэппи энд, правда? Каким будет наш? Давай сочиним нашу собственную сказку, — Богдан с промежутках между словами ласково касался её губ своими губами.

Как приятно, девушка растворялась в ласках своего мужчины, расслабляя и отпуская мучащие её мысли. От его прикосновений становилось легко и спокойно, думать уже не о чём не хотелось, и она полностью отдалась танцу желаний своего тела.

Колдун мастерски снял напряжение с них обоих и позвал любимую на утренний кофе. Чайник вскипел быстро, крутой кипяток заварил кристаллы растворимого напитка, и по кухне разлился бодрящий горьковатый аромат. Предусмотрительно купленные вчера булочки прекрасно дополнили завтрак в столице.

— Домой? Или может, хочешь здесь задержаться? — Богдан сидел с обнажённым торсом и распущенными волосами, его голос звучал бархатистым баритоном, прикасаясь к самым сокровенным струнам её сущности.

Милка явно чувствовала, что он сейчас околдовывает её, туманит взгляд, взывает к первородным желаниям. Маленькие глоточки кофе прокатывались по пищеводу, оставляя за собой приятную горечь. Колдун смотрел прямо в душу, нежно обнимая взглядом.

— Хочу здесь задержаться, — не в силах бороться с его магнетизмом шёпотом ответила

Меланья.

Задержались почти до вечера. В бешеном танце тел, они, то разгонялись, то медленно притормаживали. Их страсть и нежная любовь переплелись в один клубок, и они не остановились до тех пор, пока не размотали его до самого кончика. Обессиленные и наполненные друг другом до краёв, влюблённые физически лежали на кровати в съемной квартире столицы, а ментально были очень далеко отсюда.

— Восхитительное начало, — задумчиво проговорил колдун. — Как думаешь?

Милке ничего не хотелось отвечать, она сейчас ощущала себя драгоценным сосудом, в котором зарождается новая жизнь. Это были волшебные чувства, переполняющие и бьющие светом изнутри, расслабляющие и одновременно заряжающие такой силой, что сейчас ей казалось, что она может заставить планету вращаться вспять.

— Надеюсь, это твоё осознанное решение, — повернувшись к Богдану, задала она свой вопрос.

— Абсолютно, — уверенно кивнул он.

— Я стану другой, внутри будут происходить изменения, это отразится на моём поведении, восприятии, внешнем виде, — заглядывала она в его ледяные глаза.

— Я готов к этому.

— Ты будешь меня беречь?

— Несомненно, — и он снова крепко прижал её к груди.

* * *

Богдан решил возвращаться домой в ночь, зашли к Лёхе с Машей попрощаться и отправились в обратный путь. Милка несколько раз ловила себя на мысли, что она поступает неправильно, отпуская ситуацию с хрустальным яйцом на самотёк. Но мысли возникали и тут же пропадали, будто лопающиеся мыльные пузыри. То ли Богдан поставил защиту от них, то ли так действовала новая жизнь. В итоге на выезде из Москвы ведунья сладко заснула.

Увидев, что Меланья спит, Богдан расслабился и опустил градус очарования, вроде обошлось, какая же она горячая. Но ничего, теперь её силы будут закольцованы на ней самой, а после родов — на ребёнке. Про яйцо думать будет некогда.

Чтобы удостовериться и быть спокойным, колдун припарковался возле придорожной стоянки и ушёл проверять хрустальный мир.

Попав туда, Богдан разочаровано выдохнул, от бывшего великолепия, ничего не осталось. Колдовская кровь покрыла ржавчиной абсолютно всё, чистым остался лишь сделанный им портал. Наложённая на него защита не дала коррозии его разрушить.

Колдун попробовал одной ногой ступить на заржавевшую поверхность и тут же вернулся в круг портала. Земля легко крошилась от нажатия и проваливалась вниз. Какая там глубина, проверять не хотелось. Он ещё немного постоял, разглядывая гору с пещерой, добраться туда пешком, не представлялось возможным. Да, натворил он дел, второй раз на одни и те же грабли, непрослительно, для сильного мага. Но ничего, он всё исправит, главное не пускать сюда Меланью, а то она пробьёт брешь в его уже седеющей голове.

Богдан усмехнулся, представив разъярённое лицо любимой ведьмочки, и отправился обратно, в физический мир.

Милка спала, откинувшись на переднем сидении автомобиля, и улыбалась во сне. Сейчас ей должны сниться восхитительные сны, слегка позавидовал мужчина. Он погладил любимую взглядом и завел машину. Вырулив на трассу, колдун погнал к дому, у него тоже

сейчас прилив сил, он ощущает это не так как она, но несомненно ощущает.

Чёрный джип нёсся по тёмной дороге, время летело быстрее обычного, хотелось в родную берлогу, хлебнуть воды из родника и заснуть на любимой деревянной лавке. Суровые мужские условия. Скоро они будут меняться, он знал это, был готов, и уже скучал по старому, которое пока ещё даже не поменялось. Ну ничего, жизнь идёт вперёд, у него теперь настоящая семья, а это огромный шаг, за первым шагом последует череда следующих, так и доберутся до нового этапа.

Когда въехали в лес, автомобиль запрыгал по кочкам, и Меланья проснулась.

— Мы уже где? Я долго спала? — спросила она осипшим со сна голосом.

— Уже почти дома, пара минут осталась.

Вскоре свет фар упёрся в ворота и Богдан выскочил на улицу отпирать. Увидев, что Милка собирается с ним, он мягко запретил:

— Сиди пока здесь, движок глушить не буду, а я пока печь растоплю, через минут пятнадцать зайдём, будет уже теплее.

Мила кивнула и осталась ждать любимого в машине. Она ещё не до конца вырвалась из объятий морфея и пребывала в лёгкой дымке сна. То, что ей снилось, было прекрасным и необъяснимым, передать словами такое нельзя. Во сне не было привычного отражения реальности, действий, мыслей, там была непередаваемая игра света и цветов. Но и без привычных образов Меланья понимала, что там происходит. На её глазах создавался мир, и не один. Сливающиеся в одно энергии смешивались, переплетались, отталкивались и притягивались друг к другу. Ядро светилось, росло и заполняло собой всё вокруг, чтобы в нужное время раскрыться и подарить свободу зародившимся в нём мирам.

— Пойдём, — Богдан открыл её дверь и помог спуститься с подножки.

— Знаешь, что я видела? — Меланье хотелось скорее поделиться с любимым тем, что ей приснилось.

— Если ты скажешь, то узнаю, — хитро подмигнул он ей.

— Нет, это нельзя говорить так, это слишком торжественно, нужна соответствующая обстановка.

— Хорошо, пойдём в дом, скажешь мне там, где мы впервые впустили в себя нашу любовь.

— Да, это подходящее место, — кивнула она и загадочно улыбнулась.

— И к тому же самое тёплое в ближайшие полчаса, — подметил он, чувствуя, как учащается сердцебиение от догадки.

Колдун изо всех сил старался не соприкоснуться с полем любимой, пусть сама скажет, он хочет услышать это из её уст. Наконец они сняли уличную одежду и, обнявшись, уселись возле горячей топки печи. Огонь неистово облизывал сухие поленья, отвечающие ему сухим треском, и яростно гудел в трубе, показывая свою силу. Мужчина обнимал любимую за плечи и ждал.

— Богдан, я беременна, — она мило закусила нижнюю губу, нетерпеливо ожидая его реакции.

— Я так счастлив, — о сильнее прижал её к себе и нежно поцеловал в макушку.

— Знаешь, кто у нас родится? — зелёные искры в любимых глазах плясали счастливый танец.

— Мила, ну не тяни уже, конечно же я хочу знать, говори скорее, — ласково поторопил он любимую.

— Богдан, у нас будет двойня, представляешь? Сразу два малыша, мальчик и девочка, это так неожиданно, — она вся светилась.

— Это самое лучшее, что со мной случилось, — ответил он ей и нежно поцеловал в губы.

11. Довести дело до конца

Богдан рассчитал всё правильно, как только Милка почувствовала в себе малышкой, её уже практически ничего больше не интересовало. Все мысли ведуньи были направлены на создание подходящих условий для будущего поколения.

Колдун этого ожидал, поэтому ко всем запросам был готов, даже решение отстроить сгоревший дом в родной деревне своей любимой было принято согласием. Богдан делал для Милы всё, а она любила его и носила их будущих детей.

Однажды он застал её на кровати с испуганным выражением лица. Ведунья тщательно ощупывала живот.

— Что случилось? — подбежал он к ней и прижался ухом к ещё совсем незаметному пузику.

— Я её не чувствую, — прошептала Меланья.

— Как не чувствуешь? Почему не чувствуешь? — колдун прижал свои ладони, отодвинув её руки.

Там, внутри, бились два крошечных сердечка, он их слышал совершенно точно, что не так?

— Понимаешь, малыши всегда со мной, я не знаю, как это объяснить, но будто моё сознание и ещё два всегда рядом, а сейчас её сознания нет. Сердце бьётся, но я её не чувствую.

— Успокойся, возможно, малышка просто отдыхает.

— Да, но такого никогда раньше не было, — она смотрела на него глазами полными тревоги.

— Они же растут, развиваются, не забывай кто их родители, возможно, она просто спряталась от твоего чрезмерного внимания.

Последнее замечание немного встряхнуло Милку, и она почти успокоилась.

— Знаешь, я хочу всё-таки сходить в больницу.

— Зачем? — устало протянул он. — Ты не веришь себе и мне, и согласишься врачам?

— Мне так будет спокойнее, да и на будущее пригодится, всё же в двадцать первом веке живём, рожать же туда поеду.

— Ну не знаю, — пробурчал в ответ Богдан. — Делай, как считаешь нужным, я тебе полностью доверяю.

Лицо девушки озарила счастливая улыбка.

— Она вернулась, сейчас я снова её ощущаю.

— Ну вот и хорошо, больше так не нервничай. Мил, а может, поедешь со мной на стройку, посмотришь, какой фундамент залили, отвлечёшься.

Милка согласно кивнула и пошла собираться. Временно они жили у Михаила, отца Милки. Богдан конечно же от этого в восторге не был, поэтому практически всегда пропадал то на стройке, то по делам. Меланья его не дёргала, она знала, что мужчина ответственно подходит к их будущему, но в городе ей было комфортнее. Наличие благ цивилизации перевесило романтику в дремучем лесу, и до переезда в деревню, они решили жить здесь. Будущий дед тоже был не против, и даже «за». Квартира практически всегда пустовала,

потому что он съехался с Ольгой, и жил у неё.

В Становку домчали быстро, и девушка с замиранием сердца подошла к родному участку. Последний раз она была здесь месяц назад, когда приезжали смотреть место стройки. Тогда обгорелые стены и проваленная крыша сильно всколыхнули события тех дней, но Богдан крепко держал за руку и не дал раскиснуть.

Сейчас от головешек не осталось и следа, остатки дома снесли, участок расчистили и сделали новое основание.

— Какой он большой, — удивилась ведунья. — Ты уверен, что нам нужен именно такой?

— Конечно, уверен, — улыбался колдун. — Твоя бабушка хорошее место выбрала, это самая высокая точка в округе, все силы сюда стекаются, я теперь понимаю, почему тебя сюда так тянуло.

— А когда сам дом строиться будет? — Мила медленно шла вдоль фундамента, мысленно касаясь будущей стены их нового жилища.

— Сруб уже заказали, к июлю привезут, как раз и бетон выстоится. Всё будет как надо, думаю, в ноябре сможем уже сюда заехать жить.

— Как здорово, скорей бы, — Меланья от радости захлопала в ладоши.

Пока Богдан разговаривал с кем-то по телефону, девушка пошла в обход по небольшому бабулиному саду. Трава уже вошла в силу, требуя срочного покоса, вишни, как невесты, стояли в белоснежных нарядах, на яблонях тугие бутоны. Красота!

Взгляд Милы скользнул по земле и задержался на разлапистом кусте лопуха, вот не место ему здесь. Подойдя ближе, она наклонилась и протянула руку, чтобы сорвать сорняк, но тут же с криком её отдернула. Не веря своим глазам ведунья громко позвала мужа.

— Что случилось? — Богдан практически мгновенно оказался рядом, пытаясь выяснить, что так напугало Меланью.

— Там, в лопухах, смотри!

Приблизиться к тому, что она там увидела, Милка не хотела, пальцем тыкала на сорняк и дрожала от страха. Колдун обхватил руками куст репейника и вырвал с корнем. Под ним абсолютно ничего не было.

— Что ты здесь увидела? Что тебя так напугало? Здесь совсем ничего нет, — Богдан обнял испуганную Милу и нежно прижал к себе, успокаивающе поглаживая по спине.

— Мне показалось, — приходя в себя, прошептала ведунья, — просто показалось, извини.

И она направилась на лавку возле сарая.

— А что показалось то? — крикнул он ей в спину.

— Неважно, — махнула она рукой и, присев на скамью, прислонилась к шершавой деревянной стене сенника.

Прикрыв веки, она начала вспоминать, когда в последний раз видела то, что ей показалось в лопухах. Давно это было, больше полугода назад. Тогда она приезжала сюда с отцом и нашла клятвенную книжечку Вассы в несгоревшем комод. Мила её взяла и поехала на могилу в монастырь, а уже там, дух старушки пояснил, что это выход на демона.

Сейчас все пазлы складывались в одну большую картину: поехала к Богдану за помощью в борьбе с Демоном и свернула совсем не туда. Любовь накрыла, дети, совсем она про Чёрного забыла, похоже, напрасно. Просто так напоминалки не являются. Надо доделывать начатое.

От осознания того, что Демон может быть рядом, и понимания, что он скорее всего стал гораздо сильнее, стало страшно. Обеими руками она схватилась за край скамьи, будто это было её спасением. Где эта книжка? После монастыря она привезла её домой, в квартиру к отцу, значит, там она и лежит, нужно найти.

Меланья решительно встала и направилась к Богдану.

— Я устала, поедem домой.

Мужчина разговаривал про стройматериалы, стоимость работ, сроки. Коротко кивнув, он жестом попросил подождать его в машине, закончил разговор и тоже сел в автомобиль.

— Что-то случилось? — колдун сразу почувствовал в Миле перемену.

— Богдан, я совсем забыла о том, ради чего всё это начала.

— Что начала? — терпеливо переспросил он.

— Начала учиться у тебя в полной мере использовать свою силу. Этому была серьёзная причина.

— Я помню, — отозвался он.

— Сегодня в лопухах я увидела напоминание об этом. Богдан, я должна довести дело до конца, — Милка удивлялась сама себе, голос был уверенным и полным решимости.

— Нет, сейчас нельзя, ты же беременна, — запротестовал колдун. — Если это так важно сделать сейчас, то позволь мне с ним справиться.

— Нельзя! Ты же сам знаешь, что нельзя, это моя ноша, не искушай, — опустила она голову.

— Мила, это очень опасно, когда ты в последний раз видела его?

— Давно, когда лежала в реанимации после пожара.

— Вот видишь, прошло больше года, мы о нём совершенно ничего не знаем.

— Значит, пришло время узнать, — отозвалась Меланья.

— Хорошо, только позволь сначала мне его найти, пожалуйста, не показывайся ему неподготовленной.

Она кивнула, и Богдан завёл двигатель. Поехали домой.

12. Он сам меня нашёл...

Чёрный сидел на старом пластиковом стуле между самодельным алтарём, который воздвигли ему готы и входом в старинный склеп. Он давно уже не влезал в физические тела, они его больше не вмещали. Пора бы уже и к себе спускаться, на заслуженный отдых, но что-то будто держало.

После того, как его из преисподней вызвал доходяга Лещ, прошло больше года. Хорошее было тело, послушное. После него Чёрный сменил не менее десятка разных оболочек, но все были недостойными носить его силу. К чёрту! Теперь он просто демон, пусть так служат. Променяв качество на количество, он вконец расслабился.

Местные готы были особенными: тусовались на кладбище в заброшенном склепе, не гнушались обрядами с использованием мертвечины. Весёлые такие: сначала натворят дел, а потом отмечают, вакханалии устраивают, друг перед другом выпендриваются. А ему что? Его всё устраивает: команды выполняют, действуют толпой, всё что нужно приносят. Вернётся в преисподнюю, там расчёт только на себя, доверять никому нельзя, а здесь — сплошной релакс.

Сколько он ещё здесь пробудет, сам не знал. Вернее знал, что давно пора уходить, но не хотел. Исполнять мелкие желания людишек было нетрудно, за каждое он брал сполна по своим же расценкам. Никого не жалел, издевался и доводил до самоубийства. В кровь уже не

лез, нужды не было. Самодельный алтарь ему каждый день напиткивали, ну и что, что собачьей, жажда не мучила.

Но, как говорится у людей — счастье было не долгим.

Однажды готы расслабились и попались кладбищенскому сторожу, алтарь снесли, глупцов рассадили по камерам, Чёрному стало одиноко. Сначала он замел за собой следы, убрав всех, кто смог бы о нём хоть что-то рассказать. Устал конечно, но удовольствие испытал, давно он так не развлекался. Теперь можно и спускаться, запасов душ, для служения у него достаточно, не последнее место в аду занимать будет.

В памяти всплыла рыжая, эх, не перетянул её на свою сторону, силища в ней была огромная, жаль. Решил в одну из ночей посетить пепелище, хоть порадоваться, что он её уничтожил, душу не прибрал, а земное тело ликвидировал. Долго не планировал, решил, и сразу полетел, а как увидел, что сгоревший дом убрали, расстроился слегка. Ну и ладно, что тут есть? Фундамент новый?

Облетая вокруг строения, Демон почувствовал установленную под бетоном защиту. Не старая. Свежая. Кто сделал? Неужели рыжая выжила? Поводил лапищами над углами, почувствовал мужской след. Колдун на месте колдуньи? Интересная рокировка. Руки зачесались узнать, кто здесь будет жить, решил сутки в сарае посидеть, чтобы воочию увидеть.

Утром приехал на джипе рыжебородый. Уверенным шагом направился к бытовке с рабочими, поговорил с прорабом, рассчитался и встал у красного угла будущего дома. Вот он будущий хозяин, надо бы его пощупать. Демон откровенно разглядывал колдуна, но тот его совсем не почувствовал, походил вокруг фундамента и вскоре уехал. Ладно, ещё приедет, а пока он его след попробует.

Каково же было удивление Чёрного, когда он, шупая след колдуна, учуял запах рыжей ведьмы.

«Выжила, зараза, безнадёжная же была совсем, как смогла?» — удивлялся демон.

Теперь он отсюда ни ногой, будет ждать. В голове строились планы мести за строптивость. Он теперь сильнее, выследит, нападёт и придушит. Теперь ей от него точно не уйти, вся сила ему достанется. Демон в предвкушении тёр друг о друга ладони, источая запах серы.

* * *

— Где ты был? — встретила Мила мужа.

— С рабочими ездил рассчитывать, эти всё сделали, следующая бригада вместе со срубом приедет, будут устанавливать, пол настилать, крышу крыть, — Богдан разделся и обнял свою любимую ведьмочку. — Ну а ты как тут, не заскучала?

— Нет, тебя ждала, клубки мотала, смотри, — она протянула ему ладони, и колдун увидел не доступное обычному человеческому глазу.

— Много не делай, малышам защита нужна будет, но тебе нужнее, — назидательно посмотрел он ей в глаза. — Если у тебя силы достаточно, то и никаких рубашонок им не потребуется, а вот если слаба будешь, то и самые толстые нити их не спасут. Береги себя, копи силу, сама копи.

— Но про эти рубашки мне прародительница поведала, объяснила что к чему, я не сама придумала.

— Ну хорошо, делай как знаешь, только себя не истощай, будь наполненной.

— А я от тебя наполнюсь, — Мила ласково прижалась к широкой груди Богдана и,

обняв за шею, притянула для поцелуя.

Колдун ответил на нежность с жаркой страстью. Как же она его завораживала, ничего похожего у него раньше не было. Молодая, красивая, горячая, а теперь ещё и семя его носит. Богдан не отрываясь от губ любимой повёл её в комнату. Он всё сделает, чтобы её защитить, никому не отдаст и наполнит до краёв.

Вдруг Мила резко замерла и отодвинулась от разгорячённого мужчины.

— От тебя веет чем-то чужим, — задумчиво произнесла она.

— Ну мало ли, что хватанул, пока мотался туда сюда, ерунда, иди ко мне, — отмахнулся колдун, возвращая в объятия любимую.

— Богдан, ты разве не чувствуешь, — уверенно остудила она его пыл. — Тебя кто-то смотрит, прислушайся.

Когда Милка начинала говорить таким тоном, он слушался. Понимал, что многое перед его взглядом замыливается, а она со свежими силами ощущает острее. Мужчина сел, успокоил дыхание и заглянул в себя. Обалдеть, почему он не почувствовал это первым, да ещё и домой притащил.

— Я в душ, а ты здесь проветри, — он направился в ванную.

— Давай посмотрим, кто это, — крикнула вслед Меланья.

— Сам посмотрю, открой окна и зажги свечу, защиту себе поставь, чтобы тебя не увидели, — ответил он уже из-за двери, включая воду.

Встав под упругие струи, колдун посмотрел шире, вот остолоп, пропустить такое, как он мог. Старееет что ли? Или расслабился. Эх, эта семейная жизнь отозвалась на его собранности, раньше он бы в моменте уже пресёк чужое проникновение, а сейчас... Вода шумела в ушах, а мужчина ловил того, кто нарушил их покой. Это не человек, точно. Кто же? Увидев чёрную когтистую лапу, он всё понял. Демон!

Ну что ж, как говорить: на ловца и зверь бежит. Теперь искать не нужно, нужно понять насколько силён и приготовить план. Одну её он к нему не пустит, как бы не просила. Надо понять, где он демона подцепил, где тот скрывается? Стройка? Она тоже недавно там была, вот засада. Теперь демон точно знает, что Мила жива, скорее всего, и по нему считал, что связаны они. Что же придумать? Как ему лучше глаза отвести?

Выйдя из душа, Богдан увидел Милу сидящую возле окна с раскрытыми настежь фрамугами.

— Не продует? — заботливо поинтересовался он, подойдя и обняв её за плечи.

— Я увидела, кто это, — коротко ответила она. — Он сам меня нашёл.

13. Не ввязывайся, погибнешь...

Утром Богдан в дверях поймал уже обутую Милу.

— Ты куда?

— Он меня ждёт, — она посмотрела на мужа отсутствующим взглядом.

— Где он тебя ждёт? Куда именно ты направляешься, — Богдан слегка встряхнул Милку за плечи, возвращая в сознание.

Глаза ведуньи медленно сфокусировались, взгляд обрёл чёткость, она вернулась.

— Сколько сейчас времени?

— Половина седьмого, он пришёл к тебе во сне? — расспрашивал колдун, чтобы понять как этот демон воздействует.

— Да, — обессилено выдохнула Меланья и села на пуфик разуваться. — Он и раньше приходил ко мне во сне, потом как-то в дом к бабуле проник. Там на пороге была щель

небольшая, представляешь, пролез. Я после этого заново защиту на весь дом делала. Он знает Становку, туда меня зовёт, прям вытягивает.

— Понятно, значит, я там его подцепил. Тебе туда пока нельзя, нужно подготовиться.

— Богдан, как готовиться? Чему быть, того не миновать, поеду и буду с ним бороться. Ты меня многому научил, я вступила в силу, я не смогу проиграть, я его обязательно уничтожу.

— Демоны очень хитрые и беспринципные. Ты такая вся благородная, будешь его темноту светом выжигать, а он возьмёт и не вступит в схватку в удобное тебе время. Скорее всего, он тебя изматывать будет, а как покроет землю ночь, так и вылезет из своего логова. Нельзя сейчас ехать.

Мила задумалась, её силы солнышком подпитываются, на утренней зорьке она пышет светом, а к вечеру, чтобы собрать всё что есть, нужно напрячься, ночью тем более. Верно Богдан говорит, чего это она геройствовать решила.

— А как ты предлагаешь действовать? — спросила она у мужа.

— Днём здесь подготовиться, собраться, никуда себя не расточать, а ближе к ночи ехать. Он такого от тебя не ждёт, эффект неожиданности сработает. Да и расслабится он, почувствует за собой силу и захочет напасть на тебя. А ты должна будешь до утра выдержать, ну а там рассвет, сама знаешь, как он тебя наполняет.

Так просто и так логично, почему она сама до этого не додумалась. А ответ то на поверхности: потому что не думала. С благодарностью Милка прижалась к мужу и направила ему свою любовь, на что Богдан резко отодвинул её от себя и повторил ещё раз:

— Не расточай себя, впитывай всё что идёт, сейчас я тебе давать буду, а ты просто бери, забирай столько, сколько сможешь, не думаю, что демон за год остался с прежней силой. Скорее всего, он её в разы преумножил и уверен, что тебя победит.

— Хорошо, — согласилась ведунья и внутренне собралась. Сейчас было утро, но сам рассвет она сегодня проспала, до последнего демон её во сне держал. За нос водил, речи свои толковал, про себя хвалился, а потом позвал, выдернул из сновидения. Она сама не заметила, как к дверям побежала. Хорошо муж поймал.

— Пойдём завтракать, — позвал он на кухню, и Мила пошла за ним следом.

* * *

День провела в молитвах, в медитациях и глубоких погружениях в себя. Подготовка к предстоящей схватке настолько захватила, что Меланья даже на малышей не отвлекалась. Богдан наставлял её, рассказывал про хитрости демонов, про то, как они равновесие выбивают, как могут разговорами в сторону увести. Милка всё это знала, но была очень благодарна за повторение. Одно дело, когда всё в голове по полочкам разложено, а другое, когда тебе достают и носом тыкают.

— Тебе главное себя не терять, он будет обманывать, провоцировать, пугать, а ты стой на своём. Помнишь, зачем идёшь к нему?

— Иду его уничтожить, — чётко ответила ведунья.

— Помни об этом и никуда не сворачивай, дай себе слово, что сначала ты его уничтожишь, а потом разгребать последствия будешь. Хорошо?

— Да, обещаю, — кивнула Меланья.

— А сейчас ко мне иди, сумерки, моё время, — Богдан обнял жену и долго и ласково отдавал ей то, что поможет в борьбе с Чёрным.

Милка помнила наставления и брала, брала всё, что от него идёт и ещё чуть больше.

— Эй, — хитро погрозил он ей пальцем, — не перебарщивай, оставь мне на жизнь.

Они дружно рассмеялись. Пора. На часах половина десятого вечера, сейчас соберутся, доедут, совсем темно будет. Богдан пообещал, что выходить на улицу не будет, а дождётся её в машине. В крайнем случае, если что-то пойдёт совсем не так, тогда вмешается, но они оба понимали, что справиться Мила должна сама.

На въезде в деревню фонари начали беспорядочно мигать, а потом совсем погасли. Деревенские высypали на улицу, и поняв, что свет отключили во всей Становке, разошлись по домам спать, благо время подходящее. Богдан подъехал к участку с выключенными фарами.

— Готова?

— Нет, — в голосе Милки промелькнуло лёгкое смятение.

— Будь в себе уверена, ты сможешь его пересилить, и случится это на рассвете, а пока тебе придётся выдержать всё то, чем он планирует тебя извести. Я верю в тебя, ничего не бойся, я рядом, я с тобой!

Меланья прыгнула на землю с подножки автомобиля и сразу же почувствовала холод от земли. Чёрный был рядом, совсем близко, где же?

Войдя в калитку, ведунья направилась в сторону нового фундамента. Сегодня луна светила ярко, и фонарей не надо. На месте крыльца девушка заметила призрачный сгусток, напоминающий сидящего человека. Бабушка! Милка ускорила шаг и подойдя ближе увидела Марфу. Та подняла руку и прижала палец к губам, призывая к молчанию. Мила остановилась, приготовившись слушать любимую бабулечку, и та начала тихо говорить.

— Вижу, внученька, сильная ты стала, но только не достаточно этого. Погубит он тебя. Не вступай с ним в борьбу, хитрый он, сильный, изведёт.

Из-за спины Марфы показалась сухонькая фигурка Василисы в монашеском облачении:

— Послушай нас, Милочка, не ввязывайся в эту борьбу, погибнешь.

Меланья была так удивлена, что даже ответить ничего не могла. Она ожидала от бабушек поддержки, наставлений, помощи, а они в один голос гнали, убеждая, что нельзя Чёрного победить.

— Но у меня же нет другого выхода, либо я его пересилю, либо он меня поглотит, что же вы мне советуете? Убежать? Он меня уже нашёл, теперь не отстанет.

— Бежать тебе некуда, это понятно, — Марфа, с присущей ей рассудительностью, крепко задумалась. — Хочешь жить? Детей своих сберечь? Отдайся ему, заберёт твою силу, но жизнь оставит. И детишек погубить не сможет.

— Бабушка, ты в своём уме? Что ты мне предлагаешь? Это же совсем не то! — Мила заметила неподалёку призрачную фигуру своей прародительницы. Рыжая ведьма стояла и призывно махала ей рукой.

— Не веришь мне, у неё спроси, может она тебя образумит, — Марфа махнула в сторону ведьмы.

По холодной земле идти было сложно, с каждым шагом будто силы холод высасывал. Наконец она приблизилась к своей прародительнице.

— А ты здесь зачем? — сразу задала она свой вопрос. — Тоже меня отговаривать будешь? Или pomoжешь чем?

Ведьма нахмурилась.

— Самонадеянность ещё никого не спасала, больше чем они, я тебе ничего не скажу, дай руку, покажу, как будет.

Милка доверчиво протянула руку, и могильный холод обжёг ладонь, что это? Раньше такого не было при общении с призраками. Меланья ощутила, что из неё выкачивают то, что она сегодня весь день копила.

— Хватит! — закричала она и выдернула руку из ледяной хватки. — Прочь, уходите, не помогаете, так хоть не мешайте.

Призраки почернели и разлетелись кусками темноты в разные стороны. Стало сразу теплее. Чтобы энергия не уходила в землю, Милка встала на фундамент. Вот, теперь другое дело, Богдан постарался, хорошую защиту поставил.

— Ну, сам выйдешь или ещё кого-нибудь подошлешь?

Теперь ведунья догадалась, что призраки ненастоящие, это Чёрный её ослабить старается. Ну ничего, сейчас посмотрим кто кого. Со стороны сараев раздался скрежет и разрывающий барабанные перепонки скрип. Руки автоматом прижались к ушам, а глаза пытались в лунном свете разглядеть, что же ей покажется.

14. Готовься к смерти!

Скрип и скрежет становились всё громче, казалось, что мир сейчас взорвётся и распадётся на тысячи атомов. Но звуки были только в голове Меланьи. Для всех остальных жителей деревни эта лунная ночь была тихой, как и многие другие. Ведунья это понимала и старалась изо всех сил отбить атаку или хотя бы игнорировать. Получалось плохо. Демон, оглушая жертву, пытался затуманить сознание, спутать мысли, не дать выставить достаточную защиту.

Руки, прижатые к ушам, не спасали от зарождающегося, холодящего страха. Нужно что-то другое, нужно исчезнуть из этого поля, сменить частоту, на мгновение уйти в другой мир и вернуться обратно, сменив местоположение. Точно, так она выйдет из под прямого удара и сможет сделать ответный по врагу. Как же уйти, как провалиться в колодец перехода, как там вынырнуть и тут же вернуться?

Кто-то словно прочитал её мысли, и Мила начала плавно погружаться в тягучую влажную зелень. Скрежет тут же стих, и девушку начала плотно укутывать прозрачная слизь. Тело расслабилось, руки повисли вдоль тела плетями, взгляд устремился вверх, где она увидела тёмно-зелёное небо с яркими белыми звёздами.

И вдруг резкий выдох, толчок, и ведунья снова стоит на фундаменте своего будущего дома в Становке. Тишина. Дьявольского скрежета нет, только сверчки. Собрав силы в ладошки, Милка умылась ими и распределила по телу сверху вниз. Ну вот, теперь будет легче, защита поставлена.

Сквозь неплотные стены сарая внутри были видны всполохи пламени. Поджог? Решил её второй раз огнём взять? Не получится, Мила уже победила эту боль, не купится теперь. Что ж подождём, посмотрим, что дальше будет делать.

Девушка стояла, стараясь не шевелиться, чтобы не привлекать внимания, и потянуть время. На руке предательски пискнули часы. Богдан уговорил её поставить будильники на час, два и три ночи. Он объяснил, что так легче будет во времени сориентироваться, когда знаешь, сколько осталось, проще стратегию выстраивать. Сейчас час ночи, а приехали они сюда примерно около полуночи, до рассвета три часа. Похоже, Чёрный её потерял, пора о себе напомнить, нужно, чтобы в два ночи он начал атаку, чтобы не затаился, не спрятался под утро.

— Это всё, на что ты способен? — крикнула она в сторону сараев.

Пламя внутри тут же взвилось к самой крыше, дверь распахнулась и демон, весь

объятый огненными всполохами вышел наружу. Двухметровая громадина сделала пару шагов в сторону ведуньи и остановилась.

— Вернулась? — скрипучим голосом заговорил Чёрный. — Я уж подумал, что совсем сбежала.

Демонический хохот сотряс прохладный ночной воздух.

— Зачем снова сюда явился? — болтать с демонами Мила не умела, но помнила, что Богдан рассказывал, как любят они собой хвалиться и почитания жаждут. — Больше жертв себе не смог найти, кроме меня?

— Да у меня жертв было, тебе и не снилось, весело год провёл. А ты, я смотрю, тоже время не теряла. Восстановилась, жениха себе нашла не из простых, только тебе это не поможет, не спасёт тебя твой колдун, даже не надейся.

— А почему ты в этом так уверен?

— Да потому, что я уже узнал про него всё. Он с нашей стороной тоже дружбу водил, так что ввязываться в борьбу не будет.

— А меня ты совсем в расчёт не берёшь? Думаешь, слаба перед тобой?

— Я не думаю, я ощущаю. Была бы сильной, сразу бы прихлопнула, а ты сбежала. Колдун научил испаряться?

Слова демона задели ведунью, хотелось хлёстко ответить, но подходящие слова на ум не шли. Молча, стояла и смотрела на горящее чёрное тело с рогами на голове.

— Слезай вниз, чего чужой защитой прикрываешься, свою показывай, или совсем разучилась колдовать?

Из пасти Чёрного, как из рога изобилия, полились нескончаемым потоком оскорбления и унижения в сторону ведьмы. Слушать такое неприятно, демотивирует. Но с другой стороны, противник расслабляется, сам себя расхваливая, становится излишне самоуверенным, что может сыграть ей на руку.

— Молчишь? — довольно потирая лапы, прервал свою тираду демон. — Ответить совсем нечего? А может договоримся? Ты мне нравишься, убивать не буду, силу добровольно отдай, и разойдёмся с миром. Как тебе моё предложение?

Этот ход Мелана тоже ожидала, не зря он сначала через образы бабушек и прародительницы убеждал силу отдать. Но вид сделала, что испугалась. Почувствовав трепет страха, Чёрный совсем расхарахорился, потерял всякую бдительность и расхаживал вдоль стены, на которой стояла Милка, как король.

Меланья не прерывала речи демона, ждала сигнала будильника, наконец, раздался писк с часов. Пора начинать действовать.

— Ладно, хватит трепаться, бери мою силу и расходимся, — уверенно протянула она руку демону, спрыгнув с фундамента.

— Вот это другое дело, — обрадовался Чёрный, уверенно подошёл к ведунье, не ожидая подвоха, и протянул свою горящую ладонь.

Дальше всё начало происходить так стремительно, что демон не сразу успел отбиться от нападения ведуньи. Выросший из ладони Меланьи белый хлыст энергии больно резанул по полыхающему телу врага. Не снижая темпа, она била ещё и ещё, оставляя после ударов глубокие голубоватые раны.

Демон заревел, оглушающие звуки, исходящие из пасти сущности, сотрясали воздух, на физическом уровне заставляя покрываться тело мурашками. Но до ушей ведуньи они не доходили, защита работала. Саднящие раны от белой силы Меланьи вызвали огненную

ярость. Всполохи пламени, облизывающие тело Чёрного, взревели. Теперь двухметровая громадина превратилась в огромный столб огня, стало невыносимо жарко, Мила отступила пару шагов назад.

Почувствовав своё преимущество, демон начал жечь ведунью. Хлыст не работал, нужно что-то другое, Мила снова и снова отступала. Проваливаться в другой мир сейчас нельзя, нужно бороться до первых лучей.

— Не надоело ещё круги наматывать вокруг дома? — хохотал Чёрный. — Жара боишься, сейчас я тебя ещё и пеплом засыплю, готовься к смерти!

Милка почувствовала лёгкое дуновение ветра, которое с каждой секундой крепчало и превращалось в сильнейший ураган. Выставив перед собой руки, она из последних сил сдерживала эту атаку, перебирая в уме варианты ответного воздействия. И вдруг она почувствовала, что её обнимают и гладят по голове маленькие ладошки. Боже, это же её малыши!

«Только не проявляйтесь, только не показывайтесь ему!» — мысленно упрашивала их она.

Из ладоней ведьмы вырвались ледяные струи, рассыпаясь в мельчайшие капли от ураганного ветра, они превращались в крепкую прозрачную стену. Как же это было вовремя. Вслед за ветром, с неба нескончаемым потоком начал падать пепел, плотно покрывая всю поверхность и препятствуя дыханию.

«Мама, присядь», — раздалось в голове, и Мила быстро послушалась.

Сейчас она была будто в стеклянном яйце, пепел мешал рассматривать происходящее, но она ощущала, как демон преждевременно радуется своей победе. До ушей донёсся его скрипучий хохот:

— Пепел залепит глаза, заткнёт нос и проникнет в рот. Тебе нечем больше дышать, силы покидают тебя, у меня есть ещё время, я подожду и возьму то, зачем пришёл. Умри, ведьма!

Но планам Чёрного не суждено было сбыться, дети помогли матери, а на горизонте уже появилась светлая полоска. Мила почувствовала прилив сил, ждать больше нельзя. Разбив защитное стекло, ведунья лёгким вихрем раздула кучу пепла и встала перед тёмным из преисподней. Раскинув руки, она оторвалась от земли и, собрав всё, что к ней шло от просыпающейся природы, ярким лучом отправила в демона. Свет разъедал тьму, словно кислота. Скрежет и хрип демона затихал в предсмертных конвульсиях, она его сожгла, победила. Битва закончена.

Обессиленная и довольная она упала на колени посреди двора. Влажная трава приятно холодила руки, которыми она упиралась в землю. Спасибо, матушка! Спасибо, солнышко! Беззвучно благодаря силы природы, Меланья отдыхала после тяжёлой схватки.

15. Складно получилось

Постепенно силы возвращались. Солнце уже полностью встало над линией горизонта и, не смотря на мощный выплеск энергии в битве с демоном, Милка чувствовала идущую к ней подпитку.

Со стороны калитки спешил Богдан.

— Как ты? Справилась? С тобой всё в порядке?

Меланья улыбалась, глядя на своего мужчину. Он помог подняться и заключил в согревающие объятия.

— Ты меня прости, не смог помочь, меня словно выключили. Только ты ушла на

участок, и у меня провал, я не был к такому готов, думал вся сила на тебя пойдёт, а вот как вышло.

— Ничего, у нас всё получилось, мы его победили. Надеюсь теперь он там, где ему и место.

— Ты сказала «у нас получилось»? Тебе кто-то помог? Бабушка приходила? — он вопросительно смотрел ей в глаза.

— Нет, мне помогли наши малыши, они такие молодцы!

Мила нежно погладила свой живот и по дороге к машине начала рассказывать Богдану подробности происходящего. Колдун крепко держал её за руку и слушал, хмуря брови.

— Ты знаешь, мне кажется, что наш сын как-то связан с тем хрустальным миром, это он помог сделать защиту от удушения пеплом законченной, и она мне напомнила яйцо из того мира. Твёрдое, прозрачное, с жизнью внутри. Богдан, нам нужно вернуться туда, нужно посмотреть, как там, исправить разрушения.

— Мила, это игры твоего разума, — отмахнулся от её фантазий колдун. — Того, что дети тебя наполняют, я не отрицаю. Возможно, в них зарождается сила, что тоже логично. Но то, что они тебе помогли в битве — это неправда. Тебе легче так воспринимать себя, легче самой себе объяснять свои действия, но это ты победила демона, ты выставила защиту, ты собрала силы и нанесла последний удар.

— Богдан, я их слышала! Я слышала голос сына, почему ты мне не веришь? — Милка даже возмутилась от таких слов.

— Я тебе верю и очень понимаю, я тоже много чего слышу, но это не говорит от том, что всё правда. Наше сознание очень глубоко, оно цепкое и помнит всё, что когда-либо с нами происходило. Ты сражалась не только за себя, но и за детей, именно поэтому, тебе пригрезились их голоса. Ощущение ответственности за малышей вызвало прилив сил, отчего у тебя получилось поставить барьер от пепла.

— А как же яйцо? Почему защита была в форме стеклянного яйца?

— Это сработала память, вытасила тебе наружу удобный образ, вот и всё.

— Нет, ты не прав, это не просто образ, это напоминание. А я знаю, что все эти случайные «образы», как ты выражаешься, совсем не случайны. И приходят не для того, чтобы их игнорировать, нам нужно снова в хрустальный мир, я чувствую это.

— Перестань, всё что тебе сейчас нужно, это тёплая мягкая постель и крепкий сон. Давай доедем до дома, ты отдохнёшь и, если захочешь, мы снова вернёмся к этому разговору.

Ведуныя обиженно надула губы, но примиряющий взгляд любимых серо-ледяных глаз мужа успокоил.

— Ладно, — согласилась она, — поедem домой. Но не надейся, что я отступлю.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — усмехнулся колдун, и, довольные результатом, они покатали в город.

* * *

Тёплый успокаивающий чай, мягкая постель и крепкие объятия любимого мужа сделали своё дело. Уставшая Меланья заснула быстро и крепко. Сны не снились, просто провал и глубокий отдых. Проснулась, когда на часах было девять утра, Богдана уже рядом не было. Она вышла из спальни и заглянула в зал, он с закрытыми глазами сидел на диване, откинув на спинку голову. По ровному дыханию она поняла, что муж спит.

Решив его не будить, девушка направилась в ванную. Хотелось омыть тело горячими струями, расслабить, а потом резко включить холодную воду. Она любила контрастный душ,

резкой сменой температур он мгновенно будил, ярко бодрил и придавал силы после сна. Раздеваясь, Мила заметила на полке с бритвенными принадлежностями мужа небольшой чёрный мешочек. Он выглядел одним уголком, и, похоже, его здесь прятали. Неужели Богдан? Интересно, что там?

Любопытства девушке было не занимать, поэтому она, не раздумывая, растянула верёвки, затягивающие тёмную материю, и заглянула внутрь. Камни и кристаллы разных цветов, наверняка атрибуты для какого-нибудь колдовства. Она бесстрашно высыпала содержимое мешочка себе на ладонь и принялась внимательно разглядывать. Все камни были разными, они отличались по цвету, размеру, форме и структуре. Один прозрачный с множеством граней она узнала сразу, это явно из стеклянного мира, который ей показывал Богдан. Но он говорил, что из того мира ничего сюда принести нельзя, неужели обманул? Но зачем?

Пока Мелана разглядывала камни, в коридоре послышался шум шагов.

— Мила, ты проснулась? Где ты?

— Я в душе, — крикнула она через дверь, пустила по сильнее воду и, собрав камни обратно в мешочек, залезла под острые струи.

Если она сейчас начнёт его расспрашивать, то он точно спрячет камни подальше и съедет с темы. А если попробовать самой? В детстве бабуля учила выведывать у камней, кто по ним ходил, у Милки это легко получалось. Точно, так и сделает, сначала сама поговорит с ними, а потом уже Богдана трести начнёт. Довольная своим придуманным планом она крутила ручку крана, включая то горячую, то холодную воду.

Из душа Мила попала сразу в заботливые мужские руки. Богдан накормил завтраком и налил ароматного кофе. Ведунья млела от удовольствия, вкусно, приятно, с любовью. На время она даже забыла про тяжёлую ночь, про хрустальный мир и про найденные камни. Иногда можно на всё забыть и почувствовать себя просто любимой девочкой, как в детстве с папой, сидя у него на коленях.

— Алло, — плавное течение мыслей прервал звонок на телефон Богдана. — Да, думаю смогу, когда нужно подъехать? Хорошо, ждите.

Вопросительно приподняв бровь, Милка посмотрела на мужа, ожидая объяснений.

— Да, отец твой просит приехать помочь по-мужски. Они там шкаф двигают, а тот тяжёлый. Поеду, помогу. Ты со мной?

— Не, я тут останусь, если что, приглашай их в гости, я ужин приготовлю, посидим.

— Ладно, передам, я недолго, — чмокнув на прощание Меланью, колдун вышел за дверь.

Как всё складно получилось. Мешочек с камнями на месте, Богдан уехал, пока он доедет до квартиры Светланы, пока подвинут шкаф, потом обязательно чаепитие будет, и ещё дорога обратно.

В общем, у Милы точно есть целый час, и она успеет спокойно изучить найденное.

16. Это камни деда

Перекатывая камни на ладонях, Меланья прислушивалась. Сильнее всего шёл след от прозрачного камня, но и другие тоже говорили о Богдане. Единственный камень, от которого шёл запрет и сильный страх, это был малахитово-зелёный. Интересно...

Внимание привлёк розовый кварц, в принципе он не был ничем примечателен, след старый, камешек посредственный, мутноватый, но глаз лёг именно на него. Решив отодвинуть временно стеклянный и все остальные, Мила сконцентрировалась на кварце. Она

ушла поглубже в себя, оставив здесь лишь ладони с камнем и начала мысленно разговаривать с природным материалом.

Сначала камень был холодным и безжизненным, но лишь первые несколько минут, потом от него пошло тепло, и он завибрировал на своей частоте. От такого неожиданного и яркого контакта, Мила чуть из рук его не выронила, но удержала. А камень вибрировал уже так, что будто сонастраивался с телом Меланьи. Ведьма зажмурила глаза, в ожидании картинок от розового кварца, и произошло то, чего она совсем не ожидала.

В детстве она часто брала в руки прибрежные речные камни, закрывала глаза и смотрела на картинки лета и тех, кто по ним проходил. Камни много помнили, если посидеть подольше, можно было увидеть времена древние, других людей, другие одежды. Милка была маленькой девочкой, и её тогда не интересовало поглубже, посмотрит немного и дальше в реку ножки мочить. А бабушка бывало подолгу сидела с закрытыми глазами, иногда приходилось тормошить, из-за чего получала порцию ворчания от старушки.

В этот раз перед глазами была полная чернота. Но зато, когда недождавшись ответа, она открыла веки, то вздрогнула от неожиданности. Она попала в другой мир.

Первой реакцией было скорее оттуда исчезнуть, она запаниковала, стала тереть глаза, смаргивать и пытаться прогрузиться обратно. И у неё почти получилось, сквозь дымку она начала видеть свою комнату, но передумала. Раз она сюда попала и даже может вернуться обратно, то почему бы не исследовать такую красоту.

Красота здесь была невероятная. Мила очутилась в пещере из этого камня. Каменные своды были разной структуры, где-то кварц оставался угловатым с неровными краями, а где-то гладким и блестящим, как леденец. Прикасаясь пальцами к стенам, Мила чувствовала прилив сил и какую-то удивительную нежность, разливающуюся по телу. Это ощущение грело и вызывало на лице мягкую улыбку. Здесь не было детской беззаботности и лёгкости, скорее глубокая мудрость и обнимающие тайны.

Настолько приятно ей давно не было, решив ещё немного удлинить своё пребывание здесь, девушка села прямо на камни, бессмысленно вода руками по кварцу и самозабвенно принимая идущую к ней ласку. Так хорошо, так волшебно. Время шло плавно и тягуче, казалось, что она здесь всего несколько минут, но откуда-то раздавался настойчивый шум, который сбивал с расслабляющей волны.

— Вернись, вернись, — несильно тряс Меланью за плечи Богдан.

Он уже помог тестю, выпил кружку чая, заботливо заваренного Светланой, вернулся домой к любимой и обнаружил её в состоянии транса. Вокруг лежали дедовы камни, которыми он пользовался для путешествия по мирам. Красный, зелёный, голубой, прозрачный, чёрный и другие, одного не хватало. Вот торопыга, никогда не спросит, всё сама, везде сама. И он, тоже хорош, надо же было их забыть на полке, теперь от допроса не отвертеться.

Не хватало розового камня и, судя по плотно сжатым кулакам ведуньи, он был в одном из них. Хорошо, что красный не взяла, усмехнулся колдун и начал мягко выводить свою любимую обратно в наш мир.

Милка вернулась в комнату и сначала непонимающе хлопала ресницами по сторонам, пока не увидела сидящего на стуле Богдана.

— Это ты меня вернул? Ругать будешь?

Она осознавала свою неправоту, сейчас она даже ощутила возможную опасность и волну негодования, исходящую от колдуна.

— Мил, так нельзя. Ведь ты сама понимаешь, что нельзя, почему ты так делаешь?

Он с укором смотрел на неё, и хотелось провалиться сквозь землю. Почему она не успела, почему он так быстро вернулся? Взглянув на часы, она отметила, что с момента его ухода прошло чуть больше двух часов. Вот это да! А ей казалось, что совсем чуть-чуть, значит там время по другому идёт?

— Ты мне хоть что-нибудь скажешь? — муж сидел и, глядя в упор, ждал ответа.

— А не надо было от меня ничего скрывать! — решив, что лучшая защита — это нападения, Милка смело шагнула в атаку. — Если бы ты мне сразу всё рассказал и показал, у меня не возникло бы больше вопросов. Богдан, я же тебя просила доверять мне, почему ты от меня всё скрываешь? Ты уже не мой учитель, ты мой мужчина, я хочу знать тебя полностью, а мне постоянно, то там, то тут попадаются твои «шкафы со скелетами». Я не хочу так!

— Мил, успокойся, не нападай, — с удивительной лёгкостью ответил он. — Сразу раскрывать всё опасно, там много, ты закопаешься, не торопись, всему своё время.

— Хорошо, допустим, ты так обо мне заботишься, но зачем ты мне врешь? Почему ты сразу не рассказал про камни, к чему такая загадочность? «Я умею открывать миры», — передразнила она его. — Теперь я тоже умею открывать миры, почему ты это скрывал? Не хотел делиться? Не хотел, чтобы я играла в твои игрушки? Боялся, что сломаю? Что тобой двигало?

Мужчину переполняло желание схватить эту вздорную девчонку и хорошенько отшлёпать, чтобы неповадно было, но она не просто непослушная женщина, она его любимая ведьмочка и будущая мама их детей. Погасив в себе волну ярости, Богдан направил разговор в другое русло.

— Мила, давай вместе успокоимся и пойдём пообедаем, я всё тебе расскажу в своё время, обещаю, клянусь! — он крепко прижал ладонь к груди в закрепительном жесте. — Но и ты мне пообещай, пожалуйста, не лазить в неизвестные места без моего ведома, очень прошу.

Милка чувствовала за собой вину, червяк сомнений скрёбся в груди, убеждая закончить разговор именно сейчас и не лезть дальше. Но вздорная голова уже открыла рот и сказала:

— Обещаю, если про камни расскажешь как есть, без выдумок и вранья.

— Хорошо, — улыбнулся Богдан. — Расскажу.

Сидя за кухонным столом он рассказывал ей про своё детство. Он был единственным внуком, остальные девчонки, принимать силу деда готовили с мальства, скучное это было занятие, но дед имел подход к внуку. Вот тогда то он и научил в камушки играть. Сначала был только белый опал доступен, по нему мальчишкой ещё на ромашковое поле попадал, небо голубое, облака кучевые, огромные, всегда тепло и хорошо.

— Этот мир ты от меня закрыла, — с нотками сожаления в голосе промолвил колдун.

— Я даже не трогала этот камень, — пыталась оправдаться Меланья.

Но Богдан махнул рукой и продолжил свой рассказ.

Дед ему про свойства остальных камней не рассказывал, да и не показывал их вообще, этот мешочек мужчина обнаружил уже потом, когда силу принял и похоронил старика. Вот тогда и заигрался не на шутку, проверял, исследовал, испытывал.

— А почему ты мне сразу об этом не рассказал? — обиженно надула губки Мила.

— Расскажи тебе, — Богдан в голос засмеялся. — Ты от меня не отстала бы, пока я тебе все не показал, так?

— Так, — она тоже улыбалась. — Показал бы и дело к стороне, всё равно всё

вскрылось.

— Эх, торопыга, пообещай, что без меня никогда к ним больше не прикоснёшься.

— А то что? — нарочно испытывала она его терпение, хитро заглядывая в глаза.

— А то залюблю до изнеможения, — шутливо-угрожающим тоном прошептал он ей прямо в ухо и подхватив на руки закружил, закрыв её рот своими губами.

17. Почему уезжаешь?

Богдану не спалось. Мила сопела рядом, разметав по подушке свои огненные кудри, а он уже целый час рассматривал белый потолок. Мыслей было много, за время его проживания здесь они копились и наслаивались друг на друга, не давая концентрироваться как раньше. Он всё делает неправильно. Он вообще живёт неправильно. Всё должно было быть по-другому.

Колдун почему-то вспомнил свою юность, крепкого ещё тогда деда, его учение, силу. Там в далёком прошлом старик пророчил ему идти за предками, придерживаться традиций, завести семью, воспитать детей, а потом выбрать внука. Так в их роду делалось поколениями, сильный род, древний. А Богдан решил всё поломать, молодой, кровь горячая, бунтарь. Хотелось яркости, эмоций, удовольствий.

Сбежал от своей судьбы в двадцать, не подхватил её на руки в тридцать, а сейчас в сорок с лишним с ведьмой связался. О каких внуках может быть речь? Как сейчас на него оттуда смотрят?

Милку он любил, очень страстно и одновременно нежно, но всё чаще стал ловить себя на том, что рядом с ней становится слабее. Тогда, когда они жили в лесу, и он давал ей знания, а его мир давал ему силы. А здесь, в этой тесной квартире, будто сжимает, давит со всех сторон, не даёт дышать глубоко. Светлая сторона любимой стирает его тень, бытовые дела и заботы о будущем перетягивают, не давая думать о важном. И аскеза... Как сильно он тогда на ней поднялся, а сейчас плотские утехи разбили вдребезги его стержень. Он стал мягким, послушным, ласковым.

Поморщившись от своих умозаключений, Богдан встал с кровати и направился в ванную. Нужно очистить голову, на свежий ум легче правильные мысли приходят. Из зеркала на него смотрели уставшие глаза, сильные руки упёрлись в края тумбы под раковиной, взгляд пробежался по лицу, зацепился за изломы на коже и медленно пошёл внутрь, погружаясь всё глубже и глубже.

Очнулся он тогда, когда в дверь раздался настойчивый стук. Не отвечая, он окончательно вернулся в настоящий мир и плеснул на лицо холодной воды. Решение принято, ему нужен восстановительный период.

— С тобой всё в порядке, — заботливо спросила Меланья, обратив внимание на суровый вид Богдана.

В последнее время он был с ней нежен и заботлив, а сейчас, будто в прошлое вернулась, в день их первой встречи.

— Всё в порядке, пойдём спать, — он слегка подтолкнул её по коридору, придавая направление, что тоже удивило.

— Что-то случилось? Ты какой-то другой, потерянный будто, давай я тебе помогу, — Милка обняла своего мужчину, желая сгладить энергетические неровности, идущие от него.

— Всё нормально, я же сказал, спи, утром всё решим.

— Богдан, какой утром? — не унималась она, начиная нервничать. — Ты сам не свой, от тебя холод как от могилы, что случилось? Давай я тебя согрею.

Вот так всегда. Только он пытается вернуть себе былое ровное состояние, она сразу же начинает это исправлять. Ей это непривычно, неудобно, не нравится, бесит... Чем руководствуется, неизвестно, но власть над ним имеет. Один сморщенный носик чего стоит, так и хочется чмокнуть в самый кончик.

— Мил, всё хорошо, не беспокойся, мне помогать не нужно, а ты давай спи, — пришлось вернуться в любящего и заботливого мужа.

Прижав к себе крепче молодое тело рыжей ведьмочки, колдун разочарованно выдохнул. Ладно, утром он ей скажет о своём решении и отдохнёт, а сейчас ещё немного побудет в тёплых облаках её любви.

— Как уезжаешь? Почему уезжаешь? А как же я, я с тобой хочу.

— Нет, тебя с собой брать не буду, ты спокойно без меня справишься неделю-другую.

— Так ты ещё и на две недели собрался, Богдан, что за тайны? Меня одну бросишь и поедешь отдыхать? Куда ты собрался?

— Я в лес, в дом, нужно посмотреть, как там дела, кое-что подделать.

— А почему я не могу поехать? Я тоже хочу в лес, мне там нравилось, давай поедем вместе.

— Мил, ты беременна, там нет подходящих для тебя условий, зачем это всё?

— Ты от меня сбегаешь? — её зелёные глаза сверлили дырку в его голове.

— Мне нужно отдохнуть, восстановить силы, здесь я не могу этого сделать.

— Ты хочешь сказать, что я у тебя всё отнимаю и ты не чувствуешь себя «на коне», так?

Она методично вытаскивала всё то, что копошилось в его душе и не озвучивалось, чтобы не обидеть.

— Я этого не говорил, — спокойно ответил он.

— Но ты об этом подумал, — уверенно постановила Меланья. — Я слышала тебя.

Богдан оторвался от сумки, куда он складывал вещи, и подошёл к любимой. Как ей объяснить, чтобы не обидеть, чтобы не потерять доверие, чтобы их близость не рухнула. Взяв её за плечи, он посмотрел в глаза и прижал к груди.

— Мила, родная, я просто побуду один, мне это очень нужно, действительно нужно, понимаешь?

— Понимаю, — тихо ответила она.

— Я уверен, что ты найдёшь, чем себя занять в эти дни, они пройдут очень быстро, ты даже не успеешь соскучиться, я обещаю, — он нежно гладил её по спине.

— Ладно, я поняла, — как она не старалась сдерживаться, но обида на лице вырисовывалась очень ярко. — На связь будешь выходить?

— Не обещаю, — уклонился он от ответа.

Мила проводила мужа до дверей, поцеловала и из окна смотрела, как тот садится в машину и уезжает. Где она перегнула? Конечно, она давно заметила, что жить в квартире — это трудно для Богдана, но она не думала, что она его тоже тяготит. Она считала, что их отношения идеальны, а ему оказывается надо побыть в одиночестве. Что за...

Чтобы попусту не гонять мысли туда-сюда, Меланья решила пойти прогуляться по городу. Бесцельное хождение по улицам расслабляло и успокаивало, спешащие и не очень люди фоном проходили мимо, кто-то был окрашен ярче, кто-то бледнее, разные эмоции, разные чувства. Милка не вникала, она просто смотрела на всё это, как на рябь на воде, и шагала. Шагала по гладкому тротуару, по фактурной брусчатке, пока не дошла до

небольшого сквера, где с удовольствием плюхнулась на деревянную лавку, расслабилась и прикрыла глаза.

Зачем она себя накручивает, сомневаться в Богдане причин не было, а быть колдуном та ещё задача. Чего она хотела? Глупо было предполагать, что всё как у людей будет. На этих мыслях Милка вслух усмехнулась и, успокоившись окончательно, открыла глаза.

18. Как это возможно?

Меланья открыла глаза и увидела перед собой незнакомого молодого человека.

— Помоги нам, — он обратился к ней голосом, полным отчаяния. Тело парня на глазах приобретало сероватый оттенок и становилось полупрозрачным. Мила увидела, как по нему пробежала рябь, как помехи на экране, будто он не человек, а голограмма. Его голос в этот момент тоже дрогнул и неестественным образом растянулся.

Милка быстро огляделась по сторонам. Кто-то над ней пытается подшутить? Она в родном городе, здесь её знает каждая собака, не говоря уже про людей. За такие шутки она может наказать обидчика. Кто здесь такой смелый? Но сквер был абсолютно пуст. Более того, девушке показалось, что пространство вокруг будто покрылось тонким слоем льда, но холода не было.

— Кто ты? — решила спросить она, не зная к чему отнести такое явление, встала с лавки и подняла ладонь, пытаясь считать поле этой сущности.

Парень открывал рот, продолжая просить о помощи, но звука не было. Человеческие очертания меняли форму, тело вытягивалось и выгибалось неестественным образом, рябь пробегала всё чаще, обледенение вокруг подтягивалось к центру происходящего. Мила неотрывно смотрела на это представление и ждала, чем всё закончится. На призрака он точно не похож, от призраков холод и тоска, а от этого жизнью веет и отчаянием. Что же это?

Тем временем лёд, который она заметила вокруг, начал откалываться от всего, что покрывал, и прозрачными осколками закружился вокруг просителя. Радиус, по которому частички летали, постепенно уменьшался, слой льда становился плотнее, а фигура сущности уменьшалась.

Длилась эта круговерть не более двух минут, вконец уменьшившись, на брусчатку рядом с лавкой Милы упал не большой прозрачный камешек. Переваривая в голове произошедшее, Меланья снова присела и задумавшись, устала на этот кусочек непонятного. Внутри были странные ощущения, не страх, не любопытство, а тревожность и дикое желание спасти.

Сквер снова наполнился земной жизнью: щебетали птички, проходили люди, бегали дети. При виде детей Милка всегда млела. Вот и сейчас она автоматически положила руку на свой живот. Там внутри неё сидят два прекрасных малыша. И пусть они ещё совсем маленькие, но вскоре родятся, вырастут и станут полноценными личностями.

«Возьми его!»

В голове чётко сформировалась мысль о камне. Полупрозрачный шарик неровной формы сам просился в руки. Мила послушала внутренний импульс и быстро подобрала камень с дорожки. Держа его на ладони, она вглядывалась, пытаясь понять, что он ей напоминает. Камень был твёрдым и тёплым. По структуре похож на лёд, с причудливыми рисунками внутри.

«Ему нужна помощь, мы должны ему помочь!»

Это был голос её сына, она это чувствовала. И пусть Богдан сколь угодно пытается её разубедить в том, что она слышит голоса детей, но это не так.

«Как мы сможем ему помочь?», — мысленно послала она запрос.

«Мы пойдём туда сами»

«Куда пойдём?»

«Ты знаешь куда»

От догадки о том, куда её зовёт ребёнок, Мила похолодела. Теперь она точно поняла, что это. Этот камень из хрустального мира. Но как такое вообще могла произойти? Как он смог сам проявиться здесь? Что же там твориться, что её зовут на помощь таким кардинальным способом? Похоже, нужно идти срочно. Но Богдан строго-настрого запретил без него заходить в те миры. Это может быть опасным, может погубить её и их ещё не рождённых детей. В голове метались противоречивые мысли, сталкиваясь и отскакивая друг от друга, как бильярдные шары. Надо связаться с мужем и предупредить его, нужно рассказать, он поймёт, и они вместе справятся с этой проблемой.

«Не зови отца, мы пойдём туда сами», — вновь уверенно повторил голос сына.

«Нет, так нельзя, это неправильно»

Чтобы не плутать в сомнениях, Мелана быстро сунула камень в сумку и уверенно зашагала к дому. Придёт, ещё раз всё взвесит и решит. Не нужно торопиться, нужно принимать решения спокойно, как её всегда учил Богдан. Тогда можно продумать разные варианты, увидеть возможности, придумать, как избежать сложностей.

До дома добралась быстро, но камень брать не стала, а сначала пошла к картам. Мелькавшие в ладонях картинки колоды успокаивали, вводили в состояние подобное трансу, раскрывали чувствительность к идущей информации. Милка начала расклад, она поочередно вытягивала карты одну за другой и раскладывала их узором на кухонном столе. То, что показывали картинки, полностью отражало её внутренние переживания, точь-в-точь, как зеркало. Но запросы на исход и будущее были покрыты плотной завесой, ничего не понятно. На вопрос «идти или не стоит» высвечивался однозначный запрет, причём запрет не ситуации, а внутренний. Страх, которым щедро поделился Богдан, вот что её тормозит. Она боится, боится неизвестности, боится того, что заблудится и не сможет вернуться. Подстраховки нет, вытянуть обратно в случае чего — некому. Что же делать?

— Говорила же ему, нужно вернуться, нужно всё исправить, — рассуждала вслух ведьма, наворачивая бесцельные круги по квартире. — А он всё тянул, всё откладывал, а теперь и вовсе уехал. Я не могу проигнорировать просьбу о помощи, а вдруг мы опоздаем. Как этот мир сюда пробился? Чего ему это стоило? Не могу же я это просто забыть и жить спокойно.

В голове зрел план, медленно и уверенно приходило осознание оправданности риска, с каждым шагом она приближалась к принятию решения. Голос сына торопил, снова и снова сбивая мысли.

«А вдруг это действительно не сын со мной разговаривает, почему он так настойчиво ведёт меня в опасность, ведь риску подвергаюсь не только я, но и он, и его сестра»

Внезапное сомнение зацепилось в сознании, делая коктейль беспорядочных мыслей острее и запутанней. Меланья села на диван в надежде успокоиться и услышать мнение дочери по этому поводу, но та не проявлялась. Сердце ребёнка билось, она это чувствовала, но голоса малыша в отличии от брата не подавала.

«Ну где же ты? Скажи мамочке хоть что-нибудь», — призывала она к ответу, но слышала только молчание и торопливые просьбы сына.

— Зачем ты меня торопишь, почему это так важно для тебя? — спрашивала Мила вслух.

А в голове эхом отзывалось: «Срочно, срочно, нам нужно идти туда прямо сейчас!»

19. Ты должна им помочь

Натура Меланьи взывала послушать сына и скорее идти на помощь тому, кто её зовёт, но где-то в глубине скрёбся червяк сомнений. Она взяла камень из сумки и пошла с ним на кухню. Сейчас попьёт чаю и решит, точно решит.

Мила поставила на газ чайник, достала с полки банку с ароматным сбором трав, сыпанула щепоть прямо в чашку и стала ждать. Камень лежал перед ней на белой поверхности столешницы. Точь-в-точь кусочек льда, только не тает, внутри застывшие белые всполохи, снаружи гладкий и прозрачный как стекло. Его вид завораживал и тянул к себе, необычные рисунки удерживали взгляд, на давая отвернуться. В какой-то момент Меланье показалось, что внутри камня что-то пульсирует, будто небольшой светло жёлтый огонёк пробивается светом сквозь толщу и снова гаснет. Показалось?

Она протянула руку к камню и коснулась его указательным пальцем, погладив идеально гладкий бок. В тот же момент её со страшной силой начало затягивать в другой мир. Стены кухни потемнели, всё вокруг заволокло туманом, и поднялся сильный ветер. Милка попыталась сморгнуть, стряхнуть с себя морок, она не хотела идти вот так, она хотела подумать, приготовиться, но морок затягивал в воронку, не обращая внимания на сопротивление. Выход был один, и она расслабилась.

Сразу стало легче, ветер стих, туман рассеялся и обнажил перед собой вид на ржаво-красную пустынную долину. Это не хрустальный мир, куда она попала? Ведунья начала оглядываться по сторонам, недалеко от неё был низкий холм, больше похожий на кучу, а дальше тёмная гора. Ну ладно, раз уж попала, то осмотрится немного, а потом подумает, как возвращаться.

Опустив взгляд на свои ноги, ведунья увидела, что они по колению погружены в ржавую субстанцию. Она наклонилась, чтобы понять, что это за вещество и зачерпнула полную ладонь. На удивление это был не песок и не земля, по тактильным ощущениям она держала на ладони горсть пепла. Дунув себе на руку, Милка наблюдала, как ржаво-красные частички разлетаются пушистым облаком по сторонам, медленно опускаясь на землю.

Пепел был мягким и лёгким, подняв ногу повыше, Мила сделала осторожный шаг в сторону и почувствовала, как нога мягко погружается, утопая в этом пепле, и становится на что-то твёрдое. Значит под ржавой пылью что-то другое. Девушка наклонилась и попыталась докопаться до своих стоп, чтобы увидеть, что там, но это оказалось невозможным. Пепел, как вода, перетекая с места на место, тут же заполнял ямку, которую Милка пыталась выкопать.

Тогда ведунья опустилась на колени и окунула в пепел руки. Пальцы коснулись гладкой твёрдой поверхности. Что же это? Желание непременно разгадать загадку вызвало интуитивное решение — пепел надо сдуть. Но как сдуть то, что подобно зыбучему песку тут же занимает свое прежнее место. Не смотря на рациональные мысли в голове, Меланья сложила губы в трубочку и стала с силой выпускать из них воздух, направляя его прямо перед собой и создавая вокруг красные вихри пепла.

Сначала ей не хватало воздуха, и приходилось часто вдыхать, что тормозило процесс, откатывая его обратно. Но силы внутри будто крепили и требовали выхода, она выставила ладони перед собой, продолжая дуть ртом. Из рук, как по волшебству тоже пошёл поток направленного воздуха, но и этого было мало. Тогда ведунья собрала всё, что её наполняло, и с силой выплеснула это наружу. Сродни взрыву, сильный поток воздуха разнёс в стороны

красный пепел, подняв его кверху и обнажив земную твердь. Буквально на несколько секунд её взгляду открылась гладкая стеклянная поверхность под ногами. Разлетевшиеся частички ржавого пепла быстро оседали и не давали рассматривать то, что она увидела, пепел снова толстым слоем покрыл долину.

— Что же мы наделали, — Мила задумчиво смотрела на толщу ржавой пыли. — А ведь здесь была жизнь, я её чувствовала, точно чувствовала. А вдруг ещё не поздно, возможно мы сможем спасти этот мир, найти ту жизнь, что была здесь.

Взгляд переместился на низкий холм и на гору за ним. Гора ниже, чем была, а холм похож по форме на шалаш Богдана. Она уверенно встала и сделала шаг в ту сторону, чтобы проверить догадку, но в ушах раздался пронзительный свист. Откуда этот звук? Прикрыв уши ладонями, Мила, по колено в пепле, упорно шагала к возвышенностям. Пронзительный свист становился сильнее, ладони не помогали, от звука начала дико болеть голова. Что это за ерунда? Откуда это здесь?

Прикрыв глаза, Мила на минуту остановилась и попыталась максимально расслабиться, чтобы успокоить пульсирующую в висках боль. Но звук будто приближался, он совсем рядом, буквально в метре от неё. Что это может быть? Открыв глаза, ведунья обнаружила себя на кухне. На плите бешеным свистом разрывался чайник. Протянув руку, она выключила газ. Тишина.

Всё произошло настолько быстро, только что она была на кухне, потом резко очутилась в другом мире, и теперь снова вернулась в отправную точку. Весело. Хотя нет, это не то слово. После возвращения в эту реальность у Меланьи на душе кошки скреблись. Грусть попеременно с чувством вины за содеянное, тревога за оставленную там жизнь и радость за передышку на то, чтобы придумать, как действовать дальше. Чувства переполняли и давили. Нужно связаться с Богданом, нужно обязательно рассказать ему о случившемся.

Травяной сбор и вскипевший чайник ждали своей очереди. Мила налила кипятка в кружку и вдохнув аромат разнотравья подошла к окну. Сейчас она немного успокоится, переварит полученную информацию и позовёт мужа. Раз уж это его миры, то пусть и думает, как там наводить порядок. Горячий чай приятно прокатывался по пищеводу, согревая пальцы рук. На улице лето, а она вся ледяная после этого путешествия, да ещё и сил много на выброс потратила. Надо отдохнуть.

С такими мыслями ведьмочка пошла к дивану в комнату и уютно устроилась, поджав ноги и облокотившись на подушки. Чай закончился, она поставила кружку на журнальный столик и, откинув голову на спинку дивана, прикрыла веки.

Заснула она практически мгновенно, сон был ожидаемым продолжением путешествия в хрустальный мир. Та же ржаво-красная долина, впереди холм и гора, а там возле горы какое-то свечение. Мила пригляделась и поняла, что свечение прорывается из горы, из-под слоя пепла, изнутри.

«Помоги нам! Помоги!»

Донёсся до её ушей далёкий голос.

«Хорошо, мы поможем вам, обещаю. Только мне нужно обязательно рассказать всё Богдану, он давно знает ваш мир, он придумает, как помочь»

И тут Мила почувствовала, как маленькая ладошка крепко сжимает её руку.

«Мама, не говори отцу, он не должен знать»

Возле её ног, держа за руку, стоял маленький Илья, её пока ещё не родившийся сын.

«Почему?» — мысленно задала ему вопрос Мила.

«Они будут мстить ему, для отца дорога сюда закрыта»

«Но он же не специально это сделал, он думал, что спасает меня. Он не знал, что всё так получится, Богдан обязательно поможет и исправит разрушения, мы вместе всё исправим»

«Он знает, он был здесь, он ничего не собирается исправлять», — спокойно и уверенно говорил Илья. — «А Они знают об этом, и не простят его бездействие. А если бездействовать будешь и ты, то рано или поздно их гнев обратится на всю нашу семью. Мама, ты должна им помочь! Ты должна вернуть их миру первоначальный вид»

«Но как? Как я это сделаю?»

«У тебя есть время, придумай!»

Сон оборвался. Меланья сидела на диване и бешено соображала. Что же ей придумать, чтобы очистить огромный мир от почти полуметрового слоя пепла и вернуть ему прежний вид. Есть время — это сколько? Стоит ли слушать сына и скрывать это от Богдана? Столько вопросов...

20. Помоги же, прошу

Ответы не приходили, сколько бы она не старалась их придумать. В голове чистый лист и абсолютная пустота. То, что помочь нужно, она понимала. То, что действовать нужно срочно, тоже приняла. А вот как это сделать?

Не найдя никакого конкретного решения, Мила решила ещё раз пойти в эту ржавую долину и дойти до горы, в которой она в первый раз обнаружила яйцо.

— Пойду, попробую сдуть пепел с горы, посмотрю что там, — рассуждала она вслух.

— Нужно обязательно подстраховку, то, что меня выдернет оттуда, если вдруг сама не смогу вернуться, — напоминала Милка себе о безопасности.

— Будильник, точно! А на будильник самую громкую мелодию, тогда точно услышу, чайник ведь помог, — решив вопрос с «якорем», тут же встал вопрос о времени пребывания в том мире.

— Для поиска решения достаточно пары часов, а потом я смогу вернуться, чтобы уже что-то делать, сейчас мне нужно понять, что именно поможет навести там порядок, а то я тут с ума сойду в постоянных блужданиях разума.

Всё, подготовка закончена, будильник установлен, несколько раз проверен, готова! Меланья взяла в руки камень и уселась в подушках на диване, приняв удобную позу. Камень она положила на ладонь и начала, как и в первый раз, внимательно вглядываться в его узоры, пока не заметила пульсирующий светло-жёлтый огонёк.

В этот раз она не сопротивлялась, и переход в хрустальный мир был быстрым и даже приятным. Никакого ветра, будто потянуло в воронку и тут же отступило, предоставив взору гору из пепла. Уже не заморачиваясь на сомнения, Мила уверенно зашагала к этой горе. По мере приближения, она заметила, куда именно нужно подобраться, в этом месте пульсация светом была ярче.

Протянув руку, Меланья осторожно начала стряхивать ржавый пепел с вертикальной стены, докапываясь до стеклянной грани. Пепел был рыхлым и от её манипуляций быстро опадал на землю, подтягивая слои, расположенные выше. Наконец, желание увидеть то, что внутри, пересилило осторожность. Мила, пронзив толщу пепла обеими руками и коснувшись гладкой поверхности под ним, с силой опустила руки вниз, сгребая толстый слой.

Как снег с крыши, пепел под своим хоть и небольшим весом начал съезжать с вершины горы на освобождённое место.

— Эх, жаль я не в деревне, — произнесла вслух Меланья. — Сейчас бы лопату взяла, да

и раскидала всё это безобразие.

Продолжая работать руками, она почувствовала, как удлиняются её пальцы, а ладони становятся больше. Визуально это не было заметно, но на энергетическом восприятии, теперь вместо рук были огромные лопасти, которые буквально чиркали своими невидимыми рёбрами о стеклянную поверхность горы.

Сделав два шага назад, Мила продолжила раскапывать, но уже физически не касаясь пепла. Она водила руками, имитируя разгребающие движения, и пепел волшебным образом разлетался в стороны. В руках была сила, ладони горели, в голове азарт. Представив, что она может дотянуться до вершины, ведунья одним махом сгребла всю ржавчину к подножию и выдохнула с облегчением. Вот она как может. Вот это да.

Мила встряхнула кистями рук, вернув им прежний вид, потёрла ладони друг об дружку. Здорово.

Перед ней стояла гора с мерцающим в глубине огоньком. В первый раз она заходила внутрь через пещеру, сейчас пещеры не было. Обойдя вокруг стеклянного изваяния, Мила не нашла даже трещины, не то чтобы входа. А тем не менее её ждали там и звали. Что делать?

Над вершиной Меланья заметила лёгкий красный дымок, как над вулканом. Проследив за клубами дыма, она догадалась, что пепел выходит изнутри горы и медленно оседает на всём вокруг. Если он оттуда выходит, значит, там точно есть отверстие, но как туда добраться? Думай Мелана, думай!

Пробравшись сквозь сугроб пепла ближе к горе, Мелана прижала ладони и лоб к гладкой поверхности стекла. Тёплая. Закрыв глаза, она стала прислушиваться. Кончики пальцев ощущали мерное подрагивание, а в ушах зазвучала тихая мелодия, напоминающая колыбельную. Мила мысленно повторяла простой мотив, сонастраивая своё дыхание с пульсом исходящим от горы. Это было очень приятно, по телу сверху донизу пробегали мурашки, будоража кровь и заставляя улыбаться. Из закрытого рта прорывалось мычание в такт музыке, а из глаз потекли слёзы, от переполняющих эмоций.

Что это? Любовь? Скорбь? Счастье? Мелодия захватила её полностью, и перед глазами открылся неведомый прекраснейший мир. Он был монохромным, цвета льда, но количество форм и конструкций поражало. Изгибы и преломления прозрачного материала создавали такую красоту, которую она в жизни никогда не видела и даже не могла себе представить. Поверхность хрустального мира покрывали искуснейшей формы кристаллы, уходящие своими вершинами в небо, высокие столбы с бесконечным количеством рёбер и рисунком из переплетающихся линий, арки, будто застывшие в момент выплеска и падения воды.

Вода! Точно, здесь же всё сделано из воды, так говорил Богдан. Почему она про это забыла, нужно взять с собой канистры, но это мало, очень мало. Что же придумать ещё?

Мила от пришедшей в голову догадки открыла глаза и обомлела. Каким-то волшебным образом она прошла сквозь стену горы и сейчас была внутри пещеры, рядом с круглым хрустальным яйцом. Стены пещеры были все изъедены ржавчиной, пол тоже, лишь небольшой участок вокруг кристалла ещё оставался прозрачным. Ведунья внимательно посмотрела на границы этого круга и поняла, что надолго его не хватит. По краям медленно подкрадывалась ржа, разъедая стеклянную поверхность. Пепел, как от тлеющего костра, красной дымкой поднимался вверх. Подняв голову она рассмотрела, что то отверстие, через которое её вытаскивал отсюда Богдан, исчезло, похоже, его полностью уничтожила химическая реакция на кровь. Ржавая изнутри гора своей вершиной уходила в небо, и его кусочек был виден через отверстие, которое Мила приняла за кратер.

— Помоги!

В голове отчётливо прозвучал уже знакомый голос.

— Как? Подскажи мне, что сделать, — мысленно просила она направление.

— Разбей лёд! Нужно разбить его, это освободит моих родителей. Разбей его, не бойся, это не нанесёт никакого вреда. Если ты не сделаешь этого сейчас, то мы погибнем навсегда. Кровь человека окончательно разрушит наш мир, помоги же, прошу!

Там, под стеклянной толщей его родители? Мне нужно разбить эту твердую прозрачную поверхность? Как это сделать?

— Нужна трещина, глубокая трещина, очень глубокая, — подсказывал голос в голове. — Ты сможешь это сделать, только отойди подальше от горы.

Мила понимала, что с ней разговаривает яйцо, она хотела подойти ближе и рассмотреть кто там внутри, но это была бы потеря драгоценного времени. Сейчас есть то, что она должна сделать, остальное оставим на потом.

— Как отсюда выйти? — Милка всё ещё была в пещере, а раскол нужно было делать снаружи.

— Все преграды в голове, выключи хитрый ум, доверься миру, просто иди и пройдёшь!

Она так и сделала, подойдя к стене, выставила руки вперёд и на секунду прикрыла веки, чтобы отпустить все мешающие мысли. Пара шагов и она уже снаружи. Теперь нужна трещина. Если у неё хватило сил, чтобы одним махом очистить наружную поверхность горы от пепла, значит, и раскол сделать сможет.

Она отошла подальше от горы и сосредоточилась на своих руках. Меланья чувствовала, как в ладонях собирается огромная сила. Ведунья, повинаясь внутреннему порыву, подняла руки над головой и сокрушительным ударом резко опустила их вниз. Получилось? Пепел быстрым ручейком побежал в образовавшуюся трещину. Она была неглубокой, но очень длинной. Нужно продолжать! Снова собрав в ладонях силы, Меланья раз за разом наносила свои удары по ледяной поверхности. В ушах стоял треск и скрежет ломающегося стекла. Пепел стекал вниз, освободив уже практически всю долину. До какой глубины она должна докопаться? Как понять, что цель достигнута? Когда уже можно остановиться?

Силы были на исходе, энергетические удары по стеклу не проходили для ведуньи бесследно, болели руки, кружилась голова, в ногах предательская дрожь.

— Я устала, я больше не могу!

— Мамочка, ещё чуть-чуть, — шептал в уши сын Илюшка. — Ты сильная, ты справишься, мы верим в тебя!

В последний удар она вложила всё, что могла, и в бессилии опустилась на землю.

— Спасибо, — тихо раздался в голове знакомый голос.

Сначала наступила тишина, последние звуки разрушающегося стекла утихли, то там, то тут одиночно раздавался звон, падающих вниз осколков. Мила тяжело дышала и думала о том, как бы она сейчас хотела вернуться в свой мир. Но мелодии, установленной на будильник, она не слышала, значит ещё рано.

Что делать? Ответом на вопрос была внезапная дрожь земли такой силы, что если бы Меланья стояла на ногах, то непременно бы упала. Трещина, которую разбила ведунья, начала расширяться, из глубины послышались треск, скрип и ни с чем несравнимые, клокочущие звуки, которые оглушали, холодя кровь. Из трещины с огромным облаком ржавого пепла взмыло в небо что-то большое, но невидимое глазу. Это что-то металось по небу, разгоняя клубы ржавчины и ужасно крича.

И тут Мила услышала свой будильник, какая же это была радость и облегчение, она закрыла уши руками, чтобы не слышать звуки этого мира и полностью ушла в себя. Девушка выныривала на звук громкой мелодии, которую она выбрала перед путешествием сюда. Пара секунд и она дома, ура! Дома!

21. Я спасла твой мир

«Тоже хорош, нет, чтобы поговорить спокойно, объяснить, успокоить, а ты взял и сбежал», — разговаривал Богдан сам с собой, крутя баранку по дороге к своему лесному дому.

Дорога не близкая, в голове много чего перемешалось, больно запала в душу обида в глазах любимой, такая настоящая, будто она всё поняла. А что поняла то? Что он устал так жить? Что ему нужен отдых от бытовухи? Что постоянная близость с людьми в городе его безумно напрягает?

Несмотря на свои молодые годы, Милка мудрая женщина, она не ухватится за первую реакцию, не будет её раскручивать, докопается до истины, поймёт. А он, не смотря на свои уже немолодые годы, ведёт себя как капризный ребёнок. Тяжело ему видите ли. Выбрал такую дорогу, так топай, никогда не бывает только гладко, шероховатостей хватает везде. Сам должен был понять, когда в отношения полез. Эх, зачем он это сделал?

Колдун вспомнил их первую встречу ещё в Москве, как же она его зацепила, сильная, строптивая, порвать хотелось, а не смог. Тогда нужно было всё закончить, а он захотел своё превосходство показать, начал силой мериться, давить её. Дурак. А когда согласился стать учителем, чем он думал? Дома от её присутствия крышу сносило, мотало от безумной ярости, до желания задушить в объятиях. Аскеза полетела к чертям собачьим. От воспоминаний о гладкой коже Милки, по телу пробежала приятная волна тепла. Слабак, даже сейчас на большом расстоянии от неё его тело ведёт себя, как отдельный организм. Соберись!

По полевой грунтовке до пролеска, немного вглубь и по просеке направо. Молодые елочки привычно склоняли свои макушки перед бампером его УАЗа. Лесной хмурый сумрак, густой хвойный воздух, тишина. Богдан почувствовал, как расслабляется голова и уходят беспокойные мысли. Нет фона, бесячего городского фона, который нельзя отключить ни на секунду. Как хорошо.

Вот и ворота, он вспомнил, как своими руками не спеша строил и обустроивал здесь жилище для себя. Как призывал на помощь силы, ему подвластные, как потом защиту ставил от чужих глаз. Металлические петли заскрипели, Богдан загнал машину под навес, задвинул засов на воротах и пошёл в дом. Сумку вместе с обувью бросил у порога и босой зашагал в комнату. Улёгшись на лавку, тупо уставился в потолок, отпустило. Зря он с ней так, чего взбеленился, взял бы с собой, хорошо же жили.

Меланья, оказавшись дома, с облегчением выдохнула. Силы потратила все, сейчас даже шевелиться не хотелось. Она откинулась на подушки и задумалась. Голос говорил, что с помощью трещины можно освободить его родителей. Неужели, вылетевшая оттуда невидимая сущность, громыхавшая своим клекотом на всё небо, и есть его мать или отец? Интересно, что это?

Ведунья чувствовала, что сделала всё правильно, пепел утянуло под землю, поверхность очищена, заключённый под слой стеклянной тверди освобождён. Но в голове зудел подвисший вопрос: «А что дальше?» Она сделала то, о чём её просили, не хватало логичного

завершения — благодарности. Неужели придётся снова возвращаться в хрустальный мир? Надо предупредить Богдана.

По её расчетам, он давно приехал в своё лесное убежище и должен был уже хорошенько от неё отдохнуть. Пора выходить на связь. Милка ещё глубже расслабилась и представила упрямый подбородок любимого. Густая борода, прямой нос, ледяные серые глаза.

«Посмотри на меня!» — призывала она Богдана.

Спустя немного времени, она почувствовала его улыбку. Не злится, значит уже отдохнул.

«Как ты? Что-то случилось?» — его беззвучные вопросы согревали.

«Всё в порядке, как у тебя?»

«Нормально», — Милка почувствовала его прикосновение, он провёл ладонью по её щеке. — «Почему ты так слаба? Я тебя почти не чувствую, опять кого-то спасала?»

Она увидела на его лице добрую усмешку, которая всегда появлялась, когда он хотел её пожалеть и пожуричь одновременно.

«Я спасла твой хрустальный мир», — улыбаясь ответила она.

Сейчас должна быть ожидаемая порция ярости с его стороны, но не сказать было нельзя, мало ли он туда захочет направиться и столкнётся с непредвиденным.

«В каком смысле спасла?» — голос колдуна заметно напрягся.

«Просто спасла и всё», — ответила она. — «Ты пока туда не ходи, я потом тебе всё объясню».

«Ты не пострадала?» — Меланья чувствовала, как он пытается прощупать её состояние, но из-за слабости их связь была очень тонкой.

«Нет, всё хорошо, только сил много потеряла. Но это не критично, отдохну и восстановлюсь. Не переживай!»

«Непослушная девочка, ты стащила у меня камень, как не стыдно? Ладно, отдыхай, я туда и без камня смогу пройти, посмотрю, что ты там наспасала».

«Нет, не ходи! Сын говорил, что они будут мстить тебе, я сделала трещину и выпустила оттуда какое-то существо. Яйцо говорило, что там были его родители», — сбивчиво объясняла Мила, но от слабости связь прервалась, образ Богдана исчез, вызвать повторно не получилось.

Опять поспешила. Когда же уже это кончится, когда она научится правильно распределять свои силы? Что услышал Богдан? Дошло ли до него предупреждение? А вдруг он пойдёт туда и нарвётся на неприятности, что делать?

Вторая половина дня — не её время, на восстановление понадобится целая ночь, до тех пор о попытках связаться с мужем можно забыть, только выбьешься из сил, а поговорить толком не сумеешь. Ждать до утра? А вдруг он не расслышал её последние слова? Сумерки его наполняют, если и пойдёт, то точно вечером. Что же делать?

Неожиданно раздался звонок мобильного. На экране определился номер Маши, племянницы Богдана.

— Привет, — поздоровалась в трубку Меланья.

— Привет, Мил, я не могу до Богдана дозвониться, он не рядом с тобой?

— Нет, он в лес на пару недель поехал, там связи нет. А что? Что-то случилось?

— Блин, — разочарованно протянула Машка. — Там у мамы в деревне со здоровьем проблемы, он раньше приезжал, лечил её, а сейчас что делать?

— Давай так, я только завтра утром смогу с ним связаться, только не спрашивай как и

почему не сейчас. Передам ему про твою маму, хорошо?

— Хорошо, — голос в трубке был подавленным. — Перезвонишь потом?

— Конечно, обязательно перезвоню, не переживай.

— Мама врача вызывала уже, вроде помогли немного, но Богдан с её болячками всегда быстрее справлялся.

— И в этот раз справится, завтра как сообщу ему, так тебе сразу наберу. Как у вас дела? Как Вадим?

— У нас ничего нового, всё как обычно. У Вадима зуб режется, по ночам по очереди его укачиваем.

— Ладно, зубы это проходящее, здоровья вам, завтра позвоню, пока!

— Пока!

Милка отключила вызов. Ну вот, беда не приходит одна, теперь до восхода как на иголках будет, надо бы себе что-нибудь успокаивающее заварить. Она тяжело встала и направилась в кухню готовить себе сбор. Сейчас перекусит, выпьет травки и спать.

В прихожей раздался настойчивый звук звонка. Кто-то в гости пожаловал, без приглашения только родные приходят, что ж, пошла открывать.

22. Буду тут хозяином

Последние слова Милки Богдан не расслышал, связь была совсем слабой. Она что-то говорила о том, что спасла его хрустальный мир. От чего спасла? Когда он последний раз туда навевался, там была сплошная ржавая пустыня, даже разбираться, как исправить не хотелось. Вернее он знал, как исправить, но просто заниматься этим не хотелось.

Ему нравился этот мир, очень. В нём можно было творить. Обычная вода принимала нужные формы, из искусственно созданных фигур можно было собирать всё, что захочется. Это был его личный релакс, конструктор для взрослых мальчиков, он уходил туда и строил, строил...

А сейчас там пепел, конечно же, его можно залить, но имеет ли это смысл? После встречи с Меланьей его жизнь сделала крутой поворот, и, войдя в отношения с женщиной, он всё больше увязал в них, а игры в другие миры отходили на второй план. Хрусталь уже не так восхищал, отдохнуть можно было и в других камнях, а тратить силы на этот не имело смысла.

Колдун достал мешочек с камнями и высыпал их на ладонь. Горный хрусталь здесь? Она его не брала? Как же тогда она туда попала? Может ей всё приснилось, или же она хотела его раззадорить? Не понятно... Надо бы действительно туда сходить. Не просто так ведь она упомянула этот мир в их разговоре. Богдан сел за стол, под которым было вычерчен портал, связывающий миры и начал переход.

Погружение далось не с первого раза, постоянно мешали помехи чужой энергии. Ну, Милка, ну, вредина, зачем опять без спросу полезла туда, куда не надо. Наконец перед глазами открылся вид на его «детище». Богдан замер. То, что он увидел, было совершенно неожиданным. Хрустальный мир был в своём первозданном виде. Сердце защемило от этой красоты, будто попал в прошлое, шагнул назад на пару лет, но этого не может быть...

Гладкую поверхность долины покрывала тончайшая прозрачная растительность, огромные резные кристаллы высились, поражая причудливыми формами, толстые стволы ледяных деревьев мощно раскинули свои ветви-кроны. Это было изумительное видение. Богдан боялся пошевелиться, чтобы не потерять эту красоту. Сколько он не пытался сделать здесь хоть что-то похожее, у него ничего не получалось. Из воды получались палки, камни,

подобие кубов, но все его изделия были топорными, простыми и без души. Сейчас же мир наполнился красотой, как и было раньше, когда он впервые сюда попал.

Неужели это Милка сотворила? Откуда она узнала, что здесь было до потопа? Она что-то говорила про яйцо, неужели ей всё показали? Насколько всё?

Когда Богдан первый раз вошёл в этот мир, его поразила удивительная живость по сути неживых материалов. Травянистые растения из стекла, ледяные деревья, покрытые корой причудливых узоров, воздушные арки из тончайшего хрусталя, гладкие грани кристаллов. Колдуну было интересно, что это за материал, в его привычном мире растения совсем другой структуры, да и камень выглядит по-другому. Чтобы понять, что внутри, он сорвал несколько травинок, попытался отломать ветку от дерева, опрокинул высокий кристалл, который при падении раскололся надвое, обнажив совершенно прозрачное нутро.

Вот тогда-то он и услышал раскатистый клёкот и леденящий кровь рёв. Колдун поднял голову на звук, но ничего не увидел. Тем не менее, сущность, издававшая эти звуки, явно приближалась. По небу проносился ветер и свист разрезаемого крыльями воздуха. На всякий случай Богдан приготовился обороняться. Что в этом мире может стать средством защиты, он не знал, но по опыту с малахитовым миром змеев, предполагал, что какая-то стихия. Нужно пробовать всё подряд. Невидимая сущность пролетела так близко, что задела колдуна крылом, и тот, сбитый с ног невероятной силой, упал на землю. Не пытаясь подняться, Богдан собрал силы в области лёгких и выпустил мощный поток воздуха в направлении предполагаемого врага. Волна воздуха не принесла эффекта, тогда колдун попробовал огонь. Пламяхватило очертание летящего прямо на него дракона. Страшная морда на длинной шее, гладкая чешуя, покрывающая тело, огромные крылья с шипами. Зверь пролетел ещё ближе, уже не просто толкнув, а раскромсав в кровь плечо колдуна длинным острым шипом крыла. Резкая боль вызвала ярость, огонь был здесь бесполезен, собрав силы, Богдан выстрелил в дракона струёй воды.

О, какой это был удар. Мощный, действенный и непередаваемо прекрасный. Вырвавшаяся с силой струя на лету твердела и превращалась в стекло с ажурным шлейфом брызг. Твердело быстрее там, где тоньше, поэтому основной поток долетел до головы страшного животного, разбился об неё вдребезги и тут же превратился в прочную ловушку для дракона. Существо рухнуло на землю, потеряв подвижность крыльев. Стекланный кокон разбился вдребезги, но Богдан времени не терял, он направлял струю воды на уже лежащего на земле дракона, лишая его всякой возможности двигаться. Огромное существо сопротивлялось, пытаясь освободиться, из его пасти вырывались оглушающие звуки, похожие на призыв к помощи.

Ждать помощи Богдан не стал, закончив с одним драконом, он почувствовал азарт и ощущение превосходства. Со зловещим смехом, он поднял руки и призвал грозу. Мощный ливень обрушился на этот мир, заливая всё и тут же твердея. Колдун стоял на расколоте кристалле и наблюдал за тем, как под водой исчезает вся красота этого мира, превращаясь в гладкую прозрачную поверхность.

— Я создам тебя заново и буду тут хозяином! — громко прокричал он.

Но его слова не сбылись. Сколько он не пытался воссоздать то, что было до ливня, у него ничего не получалось. Только тонкие травинки, длинные гладкие прутья и палки, жалкие подобиия деревьев, куски, булыжник и нечто похожее на кубы. Не было красоты, не было души, стекланных брызг и хрустального ажюра...

А теперь всё есть, всё волшебным образом вернулось назад, стекланный мир снова

заиграл своими гранями, наполнился красотой и будто обрёл жизнь. Как прекрасно! Богдан улыбался, наслаждаясь видом и, совсем забыв про осторожность, двинулся к толстому стволу дерева, стоявшего неподалёку, с желанием провести ладонью по его резной коре. Он старался не наступать на высокую поросль, но низкая травка мерно хрустела, рассыпаясь под каждым его шагом.

«Ничего страшного, если выросли могучие стволы, то и травка восстановится», — успокаивал себя колдун.

Подойдя к дереву и прикоснувшись к коре, он почувствовал именно то, что и ожидал. От дерева шло тепло, и веяло силой. Как дома, как от настоящего старого дуба, могучей, мудрой, непреодолимой силой. Душевно.

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, колдун обнял ствол и прижался к нему всем телом. Идущее от дерева тепло расслабляло, дико захотелось спать, глаза сами собой стали слипаться, тело слабело, ноги подкашивались, но к удивлению он не падал. Будто намертво приклеившись к резному стволу, Богдан отключился.

23. Лишь бы успеть

Мила открыла входную дверь. На пороге стояли отец и Светлана.

— Мы к тебе на чай, — весело проговорил Михаил, но Меланья почувствовала, что за напускной весёлостью стоит что-то серьёзное.

— На чай он пришёл, — проворчала, входя в квартиру Света. — Здравствуй Милочка, Мише плохо второй день, а к врачу идти не хочет, еле уговорила к тебе обратиться, посмотри его, сердечко шалит.

— Да ладно нагнетать, что я, больной что-ли? Ну подумаешь пару раз защемило, полежал и отошло, зачем преувеличиваешь? Мил, ставь чайник, посидим, поболтаем.

Меланья не спорила, чай так чай. Вместе расположились за кухонным столом.

— Пап, дай руку, — сил совсем мало, но общее состояние считать хватит.

— Да всё нормально говорю же, а где твой Богдан?

Мила держала руку отца в своих ладонях и прислушивалась к нему. Сердце билось, но ритм был какой-то неровный. Откат, снова откат, кровь, будто не идёт потоком, как положено, а возвращается обратно. Не вся, но часть стабильно застаивается. Что это? Заглянув глубже, поняла, что дело в клапане, травами не поможешь.

— Пап, Светлана правильно говорит, нужно к врачу обратиться. Я не смогу тебе помочь, как в больнице, лишь на время поправлю, а лечить нужно серьёзно.

— Не хочу я в эти больницы, — отмахнулся Михаил. — Намотался в своё время, никакого желания туда обращаться нет. Отец, Галя, ты... Даже не уговаривайте, не пойду ко врачам. Ты мне, дочь, поправь, что в твоих силах, а я уж как-нибудь справлюсь, не старик ведь ещё, в самом рассвете сил.

— Миш, тебе даже дочь говорит, что к врачу нужно идти, ну чего ты сопротивляешься, — устало возмущилась Света. — Мы уже с ним давно боремся на эту тему, а тут видно сильно прихватило, раз к тебе согласился пойти.

— Я бы не советовала тянуть, сегодня помочь точно не смогу, силы на другое израсходовала, — говорила Меланья. — А вот завтра утром приду, не ходи на работу, дождись меня дома.

— Ладно, уговорила, дождусь, — выдохнул с облегчением мужчина. — Вот видишь, Свет, а ты всё к врачу, к врачу...

Женщина в ответ на его слова только фыркнула с недовольным видом, вот ведь упрямый

какой. Чай попили, Милка дала с собой сбор сердечный, сказала на ночь обязательно выпить, на этом и разошлись. Проводив родных до дверей, ведунья вернулась на кухню, убирать со стола.

Коробочка проблем пополнилась, что ж такое. Эх, потратилась на другой мир, а тут в этом прибираться пора, вон как сыпется. Ладно, утром раненько встанет, напится от восхода, с Богданом поговорит, Машку успокоит и к отцу ходит, поможет, всё будет хорошо, всё наладится.

Говорят: «Благими намерениями дорога в ад вымощена». Кто это придумал, наверняка немало в своей жизни испытал. Мила легла пораньше, думала хорошенько выспаться, но бессонница напала, да такая, что встать было проще, чем лежать и мучиться. Чем себя занять до рассвета не знала, для успокоения взяла любимую бабулину колоду и начала расклад. Запроса не было, просто хотелось отвлечься от беспокойных мыслей о том, что она будет делать утром. Карта за картой ложились на расправленную поверхность одеяла, карта за картой рисовали в её голове картины одна страшнее другой. Мила мотала головой, отгоняя плохие мысли и списывая их на недосып, но хорошо перемешанные и вновь разложенные карты выдавали совсем не радостную картину.

Она всячески пыталась обойти прямо кричащую ей в голову информацию, не хотела верить, бросала колоду, снова брала. Но, не смотря на все манипуляции, результат оставался прежним. Карты пророчили тяжёлую потерю.

Меланья посмотрела на часы, стрелки показывали половину четвёртого. Куда идти, спят наверняка. Хотя как спать, если такое подсвечивается? А вдруг уже скорую вызвали, а может она помочь успеет? В Милке основательно укрепилась уверенность в том, что нужно идти к отцу прямо сейчас, не смотря на время и своё состояние. Поспала же она немного, физические силы восстановила, а там и рассвет не за горами. Точно, надо идти.

Натянув быстро одежду, Мелана сунула ноги в кроссы и вышла из квартиры. Мир встретил её влажной прохладой и тишиной. На шоссе было тихо, во дворах ни души, небо уже посветлело. Шагая по тротуару в направлении дома Светланы, Мила молилась, чтобы успеть. Дойдя до нужного дома, щёлкнула код на подъезде и вошла. Дверь нужной квартиры источала спокойствие и сон её хозяев. Мила прикоснулась к обивке и почувствовала сквозь преграду мерное дыхание Михаила.

Там не было боли, не было перебоев, обычный спокойный сон. Неужели она зря торопилась? То, что с отцом всё в порядке не вызывало никаких сомнений. Но что же за потерю ей показывали карты. Надо было внимательнее смотреть, а она сразу на отца подумала. Домой возвращаться?

Выйдя на улицу, Мила плюхнулась на лавку возле подъезда и, откинувшись на спинку, максимально расслабилась. Небо над горизонтом уже окрасилось в розовый цвет, совсем скоро она наполнится, и всё станет ясней и понятнее. Теперь торопиться некуда, будет замедляться.

Хлопнула подъездная дверь, и вышел мужчина с большим чемоданом, вслед за ним на улицу выбежали два мальчика, на вид погодки лет пяти-шести, замыкала процессию женщина с дорожной сумкой в руках. Они встали на краю тротуара, явно ожидая такси. Наверняка на вокзал, куда ж ещё с чемоданами? Мальчишки играли в какую-то свою игру и радостно смеялись, бегая друг за дружкой на маленьком клочке асфальта.

— А мы в Москву едем, — поделился с Милой радостным событием, тот, что

постарше. — А потом к бабуле в гости. А ты куда едешь?

— Я никуда, — улыбнувшись, ответила Мила.

— А зачем тогда здесь сидишь? Мама сказала, что сейчас ещё очень рано, и все спят, а ты почему не спишь?

— Не знаю, не спится что-то, — детская непосредственность во всей красе, скоро ей тоже предстоят сотни и тысячи вопросов, ответы на которые так близко и одновременно так глубоко.

— Артём, не приставай к тёте, иди сюда, вон уже такси подъезжает, — окликнула мать непоседливого сына.

— Пока! — помахал малыш Милке рукой и побежал на зов.

— Пока, — помахала она ему в ответ.

Семья ещё несколько минут грузилась в такси, а потом уехала. Розовая дымка на небе рассеивалась, уступая место золотым цветам. Тяжёлый огненный блин поднимался над тонкой кромкой земли. И пусть здесь, во дворе, за коробками многоэтажек, она не могла этого видеть, но она в полной мере чувствовала этот восход. Чувствовала силу восходящей звезды, чувствовала переполняющую благодарность этому источнику силы, чувствовала, как она до краёв наполняется и не смея брать лишнего, отдаёт обратно то, что не вместились.

Это было восхитительно. Каждый раз, встречая рассвет, Меланья принимала эту ослепляющую волну любви и света. С ног до головы умытая чистой энергией восхода она ощущала разрывающий прилив сил. Обычно Богдан в это время спал рядом, и она делилась с ним этим теплом, изо всех сил стараясь не разбудить. А он всегда морщился и хмурил свои брови, будто солнце мешало ему. Почему? Ведь он не был тёмным магом, не творил зла, почему он выбрал сумерки?

Сегодня Богдана рядом не было, но был отец, которому нужно помочь. Решив больше не ждать, Милка отправилась в квартиру Светланы и нажала на кнопку звонка. Дверь открылась не сразу, но на пороге был Михаил, чему Мила была очень рада.

— Пап, ты сейчас ничего не спрашивай, просто обними меня и расслабься, хорошо?

Миша, зная о необычных способностях дочери, только кивнул и принял свою любимую малышку в крепкие объятия.

— Закрой глаза, — прошептала Меланья и погрузила мужчину в состояние восторга и неги.

Миша чувствовал, как в него входит что-то необъяснимое, расширяя сердце и заставляя его биться немного чаще и ровнее. Воздуха в груди становилось больше, дыхание мощными потоками раскрывало лёгкие, давая мощный заряд бодрости и сил. Тело будто молодело, кровь играла, в голове ощущалось лёгкое головокружение.

— Ну вот, теперь тебе лучше, — с довольным видом отлепилась от него дочь.

— Ну ты даёшь, я себя сейчас чувствую так, будто готов марафон пробежать, — восхитился Михаил. — Пойдём что ли на кухню, правда все ещё спят, но мне теперь точно не уснуть.

— Нет, я домой, — отказалась Милка. — У меня ещё сегодня много дел, а ты с походом к врачам не тяни, я тебе временно помогла, а они вылечат, обещаешь?

— Обещаю, — кивнул Миша, ещё раз обнял дочь, чмокнул в щёку и попрощался.

Меланья, обрадованная тем, что смогла помочь отцу, зашагала к себе. Придёт домой, может даже вздремнёт, а часов в восемь свяжется с Богданом.

24. Потянулись минуты ожидания

«Ну давай же, давай!» — мысленно Меланья посылала призыв Богдану, но тот не отвечал.

Где же он, почему не отвечает, неужели ещё спит? На часах было уже десять часов утра. Битый час она пытается наладить контакт с любимым, и битый час ей отвечает полная тишина. Мила уже начинала нервничать, ей не верилось, что её колдун спит, возможно, пошёл в лес совершать свои ритуалы, поэтому и недоступен. Надо успокоиться и подождать, попробует ещё раз через часок.

Раздался звонок мобильного, высветился номер Маши, тоже беспокоится.

— Алло, привет Маш, — поздоровалась Милка.

— Привет, Мил, ты связывалась с дядей? Сможет он к маме моей доехать?

— Маш, тут не просто оказалось, Богдан на связь не выходит, думаю, своими делами занимается. Я целый час пыталась, теперь надо подождать.

— А долго ждать? И как ты с ним связываешься?

— Как, объяснить не буду, а подождём ещё примерно час, хотя не уверена. Когда я у него в лесу жила, он мог и на целый день уходить и пропадать из поля вообще. Так что даже не знаю что и сказать.

— Понятно, — разочарованно протянула Маша. — Мил, ну ты попробуй позже ещё раз, вдруг получится.

— Конечно попробую, не переживай, я не забуду.

— Ладно, пока.

— Пока.

Успокоив племянницу, сама ведунья не успокоилась, хотя всё, что она говорила Маше, было чистой правдой. Богдан действительно мог выпадать из общего поля на весь день, если отправлялся в лес по своим колдовским делам. Толи защиту он так себе ставил, чтобы не беспокоили, толи такого эффекта требовали ритуалы. В его дела она не лезла, вернулся и хорошо. Так что здесь скорее всего тоже самое. Сейчас наколдуется вдоволь, вернётся домой обедать и станет доступен.

Чтобы отвлечься, Милка принялась перебирать свои запасы трав. Прошлый год из-за пожара она не смогла заготовить сборы, осталось мало и не всё. Молодая ведунья достала старую тетрадь бабушки Марфы, чтобы сверить и освежить в памяти, что и когда нужно готовить. Сейчас самое время корней, трава уже в силе, но до цветения не скоро, а вот в июле можно и в луга за Становкой податься, там она всегда набирала всё, что было нужно. Сушила в специально отведённом месте в дровнике, стены со щелями, темно, сухо и продув хороший.

Поехать что ли? А то в четырёх стенах с ума сойдёшь, ожидая нужного часа. На улице было уже жарко, спрятав волосы под косынку и одев свободные льняные брюки с футболкой, Меланья собралась в деревню. До остановки близко, маршрутка полупустая, будни. Водитель домчал быстро, опережая расписание. Потом дорога к деревне вдоль пролеска и через поле, и наконец, родные края. Здесь всегда дышится глубже, улыбка самопроизвольно приклеивается на лицо, глаза щурятся от яркого солнца и удовольствия.

Одно конечно удручало, сильно удручало. Дом сгорел. Конечно же они с Богданом построят новый, и даже успеют до рождения детей, вот только сейчас на участке был только фундамент. Хорошо хозпостройки не пострадали от огня, есть где посидеть и инструмент необходимый хранить.

Войдя в калитку, Меланья сразу направилась к сараю, за лопатой и корзиной. Далеко

ходить не будет, на задворках много лопуха растёт, начнёт с него. Накопает корни, почистит от лишней земли, промоет и разложит сушить.

За делом время летит незаметно. Когда всё закончила, села в старое кресло в дровнике, расслабилась и снова начала призывать мужа. Ничего не изменилось, Богдан всё также молчал.

На мобильнике были пропущенные от Маши. Почему она так спешит, неужели там так всё серьёзно?

— Маша, привет ещё раз, пока не получается связаться. С мамой совсем плохо? Может врача пока.

— Мил, уже два раза скорая приезжала, в стационар её уговариваю лечь на время, она сопротивляется, корову оставить не на кого. Вообще не знаю, что делать, хоть самой приезжай.

— А можешь?

— В принципе могу, да, точно могу, приеду. Но ты всё равно дяде расскажи, как свяжешься с ним, ладно?

— Конечно, обязательно, как свяжусь, так сразу введу его в курс дел. Здоровья маме!

— Спасибо, — Маша повесила трубку, а Мила задумалась.

Вот так всегда, сначала родители нас наставляют на путь, учат жизни, помогают справиться с трудностями. А потом наступает наш черёд. Уже взрослые дети родителей наставляют и помогают справиться с трудностями. Где же этот Богдан? Так нужен и пропал.

Отдохнув ещё немного, Меланья отправилась на остановку. Пора в город.

В квартире она снова и снова тратила силы на призыв мужа, но до самого вечера была тишина. Отчаявшись, Мила схватила карты и быстро начала делать расклад. Увидев то, что ей подсветили, ведунья от безысходности заплакала. Здесь потеря. Не со стороны отца, а со стороны мужа. Как же так? Почему она сразу не разглядела, целый день потеряла, а ведь могла бы уже что-то сделать.

Голова пухла от обилия мыслей, нужно срочно попасть в лесной дом Богдана, скорее всего случилось какое-то несчастье. Кто поможет? Только отец, у него машина, но ему бы лучше не нервничать, кого попросить? Ещё и далеко очень, почти четыреста километров, на дорогах одни железнодорожные переезды, ехать четыре часа как минимум, это на машине, на поезде ещё дольше. Что придумать?

Меланья снова набрала Маше:

— Ты на чём поедешь? На поезде?

— Нет, меня Егор повезёт, друг Лёшки, помнишь его?

— Да помню. Когда выезжаете?

— Егор сказал утром, часов в пять, а что?

— Маш, мне кажется, с Богданом что-то случилось, он на связь не выходит, и карты показывают, что всё плохо, — неожиданно для себя самой Милка захлопала носом, старательно отгоняя слёзы.

— Ты уверена?

— Да, уверена. Сейчас буду искать с кем добраться туда, постараюсь сразу поехать, будьте на связи, возможно, ваша помощь понадобится.

— Так может нам тоже сейчас выехать, мы сейчас с Егором поговорим, подожди чуть-чуть, сейчас перезвоню, — и Маша отрубила звонок.

Потянулись долгие минуты ожидания.

25. Значит он там...

Почему мы так интересно воспринимаем время? Оно всегда идёт с одинаковой скоростью, но иногда кажется, что минуты просто пролетают с сумасшедшей скоростью, а иногда они тянутся, как густое варенье. Вот и сейчас, ожидая звонка Маши, минуты Милки тянулись, а когда та наконец позвонила, то эти же отрезки времени в панике замелькали перед глазами в дикой круговерти.

Маша сообщила, что Егор сможет отвезти только утром. Машину нужно искать самой, схватив телефон Меланья обзванивала подряд все объявления, более менее подходящие под её запрос. Везде был отказ, никто не хотел в ночь ехать в такую даль, да ещё и в лес. Не рассказывать о пункте назначения она не могла. Голос становился всё слабее, захлёстывала безысходность, один из водителей ей посоветовал попробовать найти машину с той деревни в которую она собралась ехать, но это значит потерять ещё четыре часа... Что же делать?

Раздался звонок мобильного телефона.

— Дочь, привет, как дела? — звонил Михаил.

— Нормально, а у тебя как? Ты записался ко врачу?

Мила изо всех сил старалась сдерживать слёзы. И если это кое-как получалось, то потухший голос отец распознал на раз-два.

— Да, Светка записала на послезавтра, а у тебя что случилось. Ты там плачешь что ли?

— Нет, тебе показалось, — но Михаил услышал предательский всхлип.

— Мил, давай признавайся, что случилось, — с нажимом в голосе потребовал отец.

— Пап, всё нормально, спокойной ночи, — выдавила она и повесила трубку.

Когда через двадцать минут в дверь настойчиво позвонили, Милка уже совсем расклеилась. Наскоро плеснув в лицо холодной воды, пошла открывать. Конечно же это был её папа.

— Собирай что нужно и поехали, — выслушав дочь, быстро сориентировался Михаил.

— Пап, твоя машина там не проедет, и дорога дальняя, у тебя же сердце, нельзя тебе...

Михаила было не остановить. Горящий взгляд и уверенные движения, он должен помочь дочери, чего бы ему это не стоило.

— Всё будет нормально, к дяде Тёме поедем, помнишь его? У него подходящая машина, договоримся.

Милка быстро оделась и они вместе поехали к другу отца. Артёма долго уговаривать не пришлось, поняв, что ситуация серьёзная, он сразу согласился помочь. Два взрослых мужчины и молодая ведьма ехали по сумеречной дороге в лес к колдуну. Через пару часов стемнело окончательно, Милка, сидя на заднем сидении автомобиля, всю приваживала удачу и отгоняла от мужчин сон. Она старалась держаться, не думать о плохом, переключила всё своё внимание на серое покрытие шоссе, стеля по нему тонкую паутинку добрых намерений. Никто ни разу не мелькнул в свете фар, все переезды были преодолены без остановок, даже встречные машины почти не попадались и не слепили ярким светом своих фар. Мужчины впереди тихо переговаривались, но она не слышала о чём, была полностью погружена в свои дела.

Въехали в Синьково, повернули налево, проехали по главной улице до самого конца. Там уже асфальт кончался, началась грунтовка.

— Мил, давай показывай, куда дальше?

— По этой дороге до самого леса, а там по просеке очень тихо надо будет ехать.

— Дорога плохая?

— Нет, там поворот направо очень резкий, его и днём то можно пропустить, а ночью тем более.

— Ладно, разберёмся.

Дядя Артём старался ехать быстрее, но грунтовка это не асфальт, пришлось замедлиться. В лесу Меланья вообще вышла и пешком пошла впереди машины, выглядывая нужную просеку. Нашли, свернули, упёрлись в запертые ворота. Мужчинам пришлось знатно повозиться, пока Артём закинул Михаила через забор, и тот открыл засов на воротах. Пока водитель заезжал во двор, Меланья уже мчалась в тёмный дом, освещая себе путь фонариком с мобильного телефона.

Свет нигде не горел, генератор был выключен, дверь не заперта. Хоть на этом спасибо.

— Мила, я с тобой, подожди, — окликнул её сзади отец, но она его не слышала.

Терраса, коридор, передняя с кухней. За столом, уронив голову на столешницу, сидел Богдан. Секунду помедлив, она тихо его позвала. Потом позвала громче, стоя на пороге и не решаясь подходить ближе. Сзади её догнал Михаил, не останавливаясь, пришёл мимо и коснулся рукой шеи колдуна, проверяя пульс.

— Живой, — уверенно произнёс он.

Эти слова словно спустили пружину с натянутых нервов ведуньи. Она в одну секунду подлетела к мужу и начала попытки разбудить. Богдан был не здесь. Почувствовала она это сразу, как только дотронулась его кожи. Застрял, не может выйти, нужно ему помочь. На столе россыпью валялись его магические камни в другие миры. Милка быстро их осмотрела, не хватало только горного хрусталя. Значит он там. Не послушал её. Нужно отправляться за ним.

Отец смотрел на манипуляции дочери и не понимал, что она делает. Сначала Милка положила руки на плечи Богдану, потом торопливо начала пересчитывать на столе разноцветные камни, потом вообще под стол нырнула.

— Ну, что у вас тут? — заходя в дом, спросил Артём.

— Живой, но не просыпается. Похоже, скорую нужно, — отвечал Миша.

— Пока мы её дождёмся, неизвестно сколько времени пройдёт, надо самим везти. Аккуратно на заднее положим, Милка как-нибудь рядом сядет. Смоленск близко, сразу в больницу поедem.

— Мил, давай помогай, мы будем его поднимать, а ты двери открывай и поддерживай.

Началась осторожная работа по переносу Богдана в машину. Справились, усадили, поехали. Мила всю дорогу пыталась достучаться до мужа. Она чувствовала, что с телом всё в порядке, но сознания нет, и чтобы его вернуть, нужно попасть в стеклянный мир. Но она не нашла камень. А её экземпляр остался дома в Сухиничах. Ладно, будем решать проблемы по мере их возникновения. Сейчас в больницу, потом за камнем.

Через час Богдана уже оформили в отделение. Произвели осмотр, сделали компьютерную томографию, взяли анализы, подтвердили, что кровоизлияния нет, дыхание и сердцебиение в норме, значит, срочных действий со стороны врачей не требуется. Оставили определение диагноза до утра.

— Миш, ну ты как? Со мной? — Артёму нужно было возвращаться домой.

— Спасибо, друг, помог! — в благодарность Миша крепко обнял друга и похлопал по спине. — Я наверное здесь останусь, да дочь?

Михаил посмотрел на Милку, но та отрицательно качала головой.

— Пап, ты тоже домой, спасибо большое за помощь, но здесь только я останусь, ни к

чему куча народу.

— Нас всего двое, какая куча? — попытался возразить Миша.

— Не надо, пап, — мягко отказалась она. — Тебе нужно отдыхать, а потом ко врачу. Не надо, здесь ты всё равно уже не сможешь.

— Ну а ты хоть знаешь, что с ним, — шёпотом на ухо спросил он дочь.

— Знаю, — грустно ответила Меланья, — знаю...

Мужчины попрощались и уехали. Милка осталась в коридоре приёмного отделения.

— Девушка, вы почему тут сидите? Здесь нельзя находиться, — проходящая мимо медсестра остановилась рядом с Милой.

— Мне некуда идти, — просто ответила ей ведунья.

— Совсем?

— Не совсем, — слабо улыбнулась Меланья. — Утром меня заберут, а пока можно я тут побуду.

— Нет, тут нельзя, — нахмурилась медсестра. — Пойдём, я тебя к себе возьму, но только до шести, там пересменка, придётся уйти.

— Хорошо, спасибо вам большое, — и Милка пошлёпала по гулкому коридору вслед за медсестрой.

26. Паразитка

В шесть Милка вышла во двор больницы и села на лавочку. Было уже светло, утренняя прохлада нежно ложилась на плечи, полностью поднявшееся из-за горизонта солнце настойчиво грело всё, что попадало ему под лучи. Ведунья подставила солнцу своё лицо с зажмуренными глазами и просто ждала, впитывая ласку светила. Маша уже отзвонилась, они выехали раньше и уже через полчаса подъедут за ней и возьмут в деревню.

Самым важным было попасть в тот мир, где застрял Богдан. Но попасть туда можно только через камень, потому что через самого Богдана перенестись у неё не получилось. Может конечно времени мало было, попробовать ещё раз? Но что скажут врачи? Пустят ли её в палату к мужу, она не знала. Медсестра, которая приютила на ночь, рассказала, что обход в девять, ближе к десяти уже будет всё ясно. Отдохнёт немного и вернётся.

— Мы около ворот, выйдешь? — звучал в трубке Машин голос.

— Да, сейчас, — ответила она и пошла по тротуару к проезднему пункту больницы.

Сев в машину, она поздоровалась и кратко рассказала Маше о состоянии дяди. Девушка заметно сникла.

— Мил, а ты сможешь мою маму посмотреть, пока обхода ждём? Её боли просто замучали, я так на дядю надеялась, а тут, так вышло...

— Да, конечно, посмотрю, — будто на автомате согласилась ведунья.

Милка сидела в машине, а мыслями была совсем не там, сказывалась бессонная ночь и давящая неопределённость. Хотелось скорее всё разрулить, и чтобы стало как прежде. Но...

Егор выехал на дорогу, и они помчались в Синьково. Дом Машиной мамы был на центральной улице, крепкий, ладный, с аккуратными клумбами перед фасадом. Не смотря на мучавшую её боль, женщина уже стояла у калитки, встречая дочь.

— Мам, ну ты чего встала то, тебе ж лежать надо, — журила родительницу Маша, обнимая и провожая в дом.

— Доча, я уж Зорьку подоила, как мне лежать? А ты с гостями? Чего ж не сказала, я б что-нибудь спекла.

Мария представила матери своих спутников и все пошли в дом. Тётя Алёна выглядела

очень бодро, не считая медленной поступи. На первый взгляд и не поймёшь, что болеет, но сев рядом за столом, Милка почувствовала сильные сдавливающие боли, так давит зависть. Когда взяла руку женщины, почувствовала, что снять сможет легко и защиту поставит. Отвела Алёну в другую комнату, велела пока никому не входить.

— Значит ты такая же, как и мой братец, — произнесла задумчиво женщина, когда они остались наедине.

— Да, — коротко согласилась Мила и присела за стол напротив Алёны.

— А с ним то, что случилось? Почему сам не приехал? Всегда сестру свою выручал, а тут звоню-звоню, а трубку не берёт.

— Дела у него важные, не может пока, — из разговора Милка поняла, что матери Маша ничего не рассказала про Богдана. Ну что ж, тогда она тоже пока расстраивать не будет, к тому же ничего толком неизвестно.

— Да, дела у него всегда важные, вечно занят, — проворчала Алёна и вдруг лицо её исказила гримаса боли. — Вот, опять, сейчас по нарастающей пойдёт, слава Богу корову успела подоить, а то вчера два часа изводило.

— Где боль?

— Будто опоясывает под грудью, затягивает, дышать и двигаться больно, помоги, Милочка!

Меланья уже зашла со сзади и коснулась ладонями нижней части спины Алёны, слегка надавила и начала пропускать сквозь пальцы в тело нужные волны. Женщине становилось легче, прерывистое дыхание выровнялось, тело расслабилось.

— А что вам врачи сказали, когда вы скорую вызывали? — решила уточнить Меланья, когда от Алёны окончательно отступила боль.

— А чего они скажут? Обезболивающее вкололи и предложили в стационар на обследование, а я не могу, у меня хозяйство. Отказ подписала и дальше пахать. Спасибо тебе большое, мне Богдан когда боли снимал, так на полгода почти хватало, а потом опять...

— Тётя Алён, расскажи мне, как брат тебя лечил?

— Да почти как ты, поводит руками, и я огурец. Потом вечно дверь чем-то мазал и говорил, чтобы чужих в дом не пускала.

— А ты пускала?

— Так ведь как чужие? Мы тут всей деревней как родня, что ж я отгораживаться буду? Скажут, Алёнка зазналась, итак из-за брата смотрят косо. А я простая, и Машка моя простая, и живём по-простому, как все.

— Ладно, понятно всё. Я отгораживаться и не прошу, вот только на тебя похоже регулярно что-то скидывают, вот боли и преследуют. На дверь Богдан защиту ставил, покажешь где?

— Ой, так я давеча красила там, обновить хотелось, чтобы красивее было. Совсем забыла, — охнула женщина.

— Давно?

— Да неделю назад почти.

— А кто после этого к тебе в гости пожаловал?

Тётя Алёна нахмурилась, явно вспоминая прошедшие дни.

— Нинка приходила, соседка, вон, дом напротив, — она вскинула руку, указывая направление, и продолжила. — Вот те раз, а ведь точно...

— Что точно? — уточнила Меланья.

— Нинка ко мне редко ходит, а тут с кульком конфет заявила, на жизнь свою жаловалась.

— А хотела чего? Просила её что-нибудь дать? — допытывалась ведунья.

— Да нет, так чаю попили, я её бредни про младшего сына послушала, пару советов дала, да и распрощались.

— А когда прощались, не поругались? Не было никакого негатива? — Милке хотелось докопаться до истины, чтобы раз и навсегда отвязать от Алёны паразитку.

— Да она никак уходить не хотела. Я уж и намекала, что дела у меня, что пора бы уже и до дому... А она сидит и сидит. Пришлось напрямую выпроваживать. Обиделась Нинка, назвала меня чёрствой и не способной сопереживать. Тут меня как волной окатило, говорю ей: «Мне б твои проблемы», и дверь закрыла, даже до калитки не проводила. Больше ко мне не заходит, даже здороваться перестала.

— Это ей теперь не к чему, я имею в виду здоровья тебе желать, она ж свои проблемы на тебя скинула по твоему добровольному желанию, без принуждения.

— Это как? — округлила глаза Алёна.

— Ты же сама ей сказала «Мне бы твои проблемы», вот и сбылось желание. Но ты не переживай, это мы сняли, боли больше не будет. А защиту мы возле калитки под плитку положим, там ты её не закрасишь, — улыбнулась Меланья.

— Ой, спасибо тебе Милочка, спасибо родная!

Милка сделала, как надо оберег, вручила хозяйке дома и рассказала с какими словами закладывать, куда и в какое время.

— Главное, чтобы никто не видел, что ты делаешь. Лучше всего конечно ночью, но и раннее утро тоже подойдёт, сама думай, когда у вас тут на улице безлюдно.

— Да, поняла, всё сделаю, как ты сказала, спасибо ещё раз.

Посидели ещё немного и стали собираться. Маша на неделю решила у мамы остаться, помочь и присмотреть, Мила в больницу к Богдану, Егор по просьбе Лёхи на сегодня водителем был. Попрощались с деревней и снова в город.

27. Мертвый камень

— Здравствуйте, мы пока не можем объявить вам диагноз, — официально ответил на вопрос Милы доктор. — Нужны дополнительные обследования, а это займёт определённое время. Но одно скажу точно — его жизни ничего не угрожает.

— Это я знаю, спасибо, — спокойно приняла информацию от врача Меланья. — Скажите, сколько вам времени понадобится на эти исследования?

— Сегодня начнём, но точных сроков я вам обозначить не могу. Есть у меня предположение, но оно требует доказательств, прежде чем его озвучивать.

— Понятно, вы сможете меня оповестить, когда будет что-либо известно.

— Несомненно, дежурный обязательно с вами свяжется.

Разговор был коротким, в палату не пустили, ловить здесь больше нечего. Больницы — здания жаркой надежды и глубокой скорби, пугающие длинными гулкими коридорами, захлёстывающие безнадёгой и отрезвляющие едким запахом хлора. Именно сюда привозят, когда человек не в силах справиться сам, именно здесь испытывают облегчение от простой фразы «состояние стабилизировалось», именно отсюда начинается буря в душе, если врач роняет «мы сделали всё, что могли...»

С Богданом было всё ясно, но врачи на то и врачи, чтобы досконально изучить, и только потом огласить вердикт. Сколько им на это понадобится времени? А вдруг медицинские

воздействия на тело смогут добить и до сознания? Может не стоит ехать пока домой, в Синьково побыть, здесь хотя бы до больницы рядом.

Пока шла к выходу, окончательно укрепились в выборе, пару дней тут проведёт, с Алёной договорится, не выгонят же. Возле выхода Милу нагнала медсестра.

— Девушка, вы же родственница Сорина? Вы сейчас с его доктором разговаривали.

— Да, я, а что?

— У него из руки выпал камень, вроде не драгоценный, но необычный. Я подумала, вдруг нужен, решила отдать вам.

Медсестра протягивала Милке кусочек горного хрусталя. Вот удача, теперь точно в Сухиничи не нужно, через камень Богдана она сможет пройти за ним в тот мир. Пройдёт, вытащит и всё будет хорошо!

— Спасибо вам большое, — ведунья от радости даже обняла медсестру и довольная выбежала к Егору, который ждал в машине.

— Всё в порядке? — заметил он улыбку на губах рыжей ведьмочки.

— Всё будет в порядке, — уверенно ответила она ему и попросила отвезти в Синьково.

Уточнив, что его помощь здесь больше не требуется, Егор укатил обратно в Москву. В деревенском доме остались три женщины. Милку без вопросов приютили, выделили маленькую горницу с кроватью и столом возле окна и, по просьбе самой гостьи, оставили одну. Не теряя времени, Меланья принялась греть в ладонях камень, изо всех сил, стучась в тот мир. Она старалась, сосредотачивалась, расслаблялась, пыталась максимально визуализировать, отпускала, снова возвращалась, прислушивалась... Но как ни странно, камень был будто мёртв. Ни единого шевеления, ни маленького касания, ни даже слабой картинки оттуда не было. Почему? Потратив на «пляски с бубном» больше часа, Милка решила передохнуть. Возможно камень нужно омыть? Проточная вода снимет с него блок и получится достучаться до той реальности.

Ведунья отправилась на кухню, где взяла блюдце и направила струю воды из крана прямо на камень.

— Чаю хочешь? — спросила Алёна, входя на кухню.

— Нет, спасибо, — вежливо отказалась Меланья.

— Красивый у тебя камень, напачкала что ли? — женщина с любопытством заглянула в раковину, где Милка омывала горный хрусталь.

— Вроде того, — расплывчато ответила ведунья, не прерывая своего занятия.

А Алёна села рядом за стол и начала вспоминать:

— У деда Степана много таких было, разные все, помню, когда маленькими были, он нам часто давал их поиграться. Я пыталась из них фигурки складывать, а Богдан в ладонях катал. Странно так катал, будто всматривался вглубь камня. Он в эти моменты прямо замирал, а дед трепал его по волосам, приводя в чувства, и, смеясь, собирал камни в мешок. Маленький он тогда был, года три наверное.

— А какая у вас разница в возрасте?

— Я его на десять лет старше, — со вздохом ответила Алёна. — Что же с ним случилось? Ты ведь знаешь, раз такая спокойная, знаешь?

— Знаю, только сделать пока ничего не могу, если камень очистится, то возможно смогу помочь вашему брату.

— А если не очистится?

— Придётся ехать домой, там у меня ещё один такой же.

— Так тебе лечить эти камни помогают?

— Нет, камни совсем для другого. Алён, зачем вам это? Я рассказывать не буду, а сами вы не поймёте, каждому своё...

— Да это я понимаю, — махнув рукой, ответила женщина. — Я просто хотела предложить на конец деревни в дом деда сходить, вдруг найдёшь там что полезное?

— А разве вы дом деда не продали?

— Нет, — хмыкнула Алёна. — Так и не нашёлся на него покупатель. Стоит, пустует. Богдан раньше приезжал туда, что-нибудь подправить, покосить. А последнее время совсем забил, благо дом в самом конце улицы, в глаза не бросается.

Меланья выключила воду и вытащила из раковины блюдо с камнем.

— Я сейчас ещё раз попробую, а если не получится, то мы сходим в дом вашего деда, хорошо?

Алёна кивнула, а Милка отправилась в свою комнату. Ещё полчаса она потратила на призывы, но так и не достучалась. Ладно. Не просто так дом деда всплыл, значит туда надо, значит пойдёт. Алёна ковырялась в грядках перед домом, пропалывая сорняки. Рядом с матерью трудилась и Машка. Вспомнив пальцами запах земли, Мила примкнула к женщинам. В детстве она часто помогала бабуле морковку полоть, глазами девчонка востра была, а Марфа уже слепла, но овощник не забрасывала, говорила, что возвращенное своей рукой в тысячу раз полезнее.

— Милочка, ну а ты куда ж? — увидев склонившуюся над свеклой гостью, запричитала Алёна. — Не хорошо так, ты ж к нам в гости приехала, а не работать.

— Мне это в радость, — улыбнулась Милка, продолжая дёргать мелкую травку. — Чего дома без дела сидеть, так и с ума сойти можно.

— Ну давай тогда в дом к деду пойдём, или тебе уже не надо?

— Надо, обязательно пойдём, но только вечером, в сумерки, сейчас там трудно искать будет.

Алёна сначала нахмурилась, не понимая логики, а потом пожала плечами, вечером так вечером.

День прошёл достаточно быстро. За делами время бежит незаметно, а забот в деревне хоть отбавляй. Просто так не посидишь. Алёна с дочкой и в огороде трудилась, и в сарае с коровой, и на поле на задворках. Мила с ними, втроём веселее. Алёна светлая женщина, стойкая, то расскажет что-то из молодости, то наставление дочери даст, то пошутит так, что слёзы от смеха выступают. Не было у Милки такого с матерью, целый день за Машу радовалась, а у самой сердце не на месте. Но судьбе виднее кому дать, а у кого взять. Значит так надо было.

28. Нужно искать вход

Вечером Алёна проводила Милку до конца улицы, где стоял дедов дом. Крепкое строение зарастало крапивой и лопухами. Сразу было видно, что здесь давным-давно никого не было.

— А ключ есть? — увидев издалека замок на двери, спросила Мила у Алёны.

— Конечно, вот, — та протянула железный холодный предмет.

— Можно я одна пойду? — вопрос звучал скорее как просьба, ведунья ждала разрешения.

— А мне тебя тут подождать?

— Нет, можете идти домой, я не заблужусь, дорога одна.

— Ладно, только там электричество отключили за ненадобностью, фонарь за дверью, как войдешь, сразу направо.

— Спасибо, — улыбнулась Меланья. — Он мне ни к чему, если здесь есть что, то и так найду, а если это скрыть от меня захотят, то и фонарь не поможет. Не волнуйтесь, я не долго.

Алёна смотрела, как Милка аккуратно, подняв руки высоко вверх, идет сквозь заросли сорняков к крыльцу. Вот она открыла замок и положила его рядом со ступенями. Звякнула откиннутая петля, дверь скрипнула, и рыжая ведьмочка помахала рукой, прощаясь с женщиной. Алёна махнула в ответ и пошла домой, не оборачиваясь. Дом деда всегда для неё оставался недоступным. И хотя после его смерти там долго жил брат, какой-то внутренний страх перед этим жилищем не покидал.

За дверью был коридор, слева холодная часть избы, направо тёплая. Медленным шагом Меланья направилась к двери в жилое помещение, в сенях шкафы и полки с разным хламом, там точно ничего нужного, искать будет в комнатах. Потянув за ручку, ей открылся вид на заброшенное помещение. Толстый слой пыли, тишина, одиноко стоящая старая мебель. Ведунья шагнула через порог и прикрыла за собой дверь. Мысленно поздоровалась с хозяином дома и задала свой вопрос. Дом молчал. Никакого отклика. Обычно нежилые помещения быстро отзываются на приветствия, реакция бывает разная, либо любопытство — «кто пришёл?», либо агрессия — «уходи, не звали!», а тут совершенная тишина.

Что ж, помогать ей не будут, значит сама. Комната небольшая, закуток кухни, ещё спальня, особо смотреть и нечего. Вещей тоже практически нет, на полках пусто, в шкафах лишь откровенное старьё. Где может быть то, что ей сможет пригодиться? Окинув взглядом стены, Милка зацепилась глазами за старое фото крепкого бородатого старика. Похоже, это и есть хозяин дома. Она подошла ближе, сняла со стены фотографию и, подойдя к окну, всмотрелась в пожелтевшую от времени карточку.

— Помоги! — шёпотом обратилась она к деду Степану. — Помоги отыскать путь к Богдану! Это твои камни, ты ему их оставил, помоги вытащить, подскажи как!

Призывать пришлось долго, прежде чем ответ пришёл, видно не хотел дед Степан помогать своему внуку, но упрямство молодой ведуньи победило.

— Сам виноват, Богдашка, не спасти его! — раздалось из дальнего угла комнаты, где стояло старое кресло.

Меланья боковым зрением видела там сгустившийся полумрак.

— Спасти всегда можно, — упрямо произнесла она. — Мне лишь дорога туда нужна, помоги найти вход, ты же знаешь как.

— Дочь потеряла и сына лишишься, не лезь, говорю.

Дымка в углу становилась темнее, Милка почувствовала, что её гонят.

— Он же внук твой, он продолжатель рода, неужели не поможешь?

— Богдашка не шёл по стопам деда, всё что я ему завещал, он променял на другое. Он свернул не туда, не хочу ему помогать! Не буду! Уходи, ничего здесь не найдешь! Прочь! Убирайся!

Мрак в углу с громким шипением выплевывал слова, чтоб прогнать призвавшую его ведьму. Но Милка не собиралась так легко сдаваться.

— Что же ты ему завещал, раз он так легко свернул? Что в наследство оставил — искушение? Зачем показал то, чему противиться сложно? А раз оставил, то почему не обучил правильно обращаться? Где твоя сила и знания?

После гневной тирады в доме стало тихо. Дед Степан молчал, замерев в тёмном углу.

— Камни эти должно было беречь, от чужих глаз, от дурных людей, до поры до времени. Вот что Богдашке завещал, а не то, куда он полез. Не пришло ещё их время, рано...

— Так если рано, то нужно защитить его от их воздействия, подскажи как? Камень не пускает меня. У тебя в доме есть другие? Мне нужно войти туда, помоги, — Меланья просила, вкладывая в свои слова нужный посыл и энергию, но отклика не дождалась.

— Сам виноват, не спасти, не лезь, камней больше нет... — прошелестело в углу, и сгустившийся там мрак начал рассеиваться.

— Подожди, — крикнула ведунья. — Что ты имел ввиду, когда сказал, что я «дочь потеряла»?

— Ровно то, что сказал. Дочь твоя другому миру завещана, и благодари за это Богдашку. А коли меня сейчас не слушаешь и будешь вход в тот мир искать, то и сына потеряешь. Бравый парень родится, в тебя упрямством, себя за отца отдаст, но толку от этого не будет. Богдана уже нет, смирись.

— Ты всё врешь, — обида, страх и ненависть разом накатили на молодую ведунью.

Что он такое говорит? Как она может потерять детей, если они ещё даже не родились. Они с ней, никто их никуда не заберёт, а если и попытается, то она не позволит. Она сможет их защитить, у неё хватит на это сил.

— Богдана смогла защитить? А спасти смогла? Тело принадлежит этому миру, а душа бестелесна, удержать её не в твоих силах, — словно прочитав её мысли, призрак старика тихо ответил и исчез.

Она ещё долго стояла, будто пригвожденная к полу. Мысли метались в голове, как стая беспокойных птиц. Находится в доме, больше не имело смысла. Мила вышла на крыльцо, навесила на петли замок, заперла ключом и направилась к Алёне.

— Ну как? — спросили с порога две пары глаз, ожидающие её в доме.

— Никак, — опустив голову, ответила ведунья и пошла в свою комнатку.

Она устала, устала не только от того, что призывала и общалась с умершим дедом Богдана, устала от всего, что на неё навалилось. Почему так? Хорошо ведь всё было, жили спокойно, любили друг друга, детей зачали, зачем ему сдались эти миры. А она тоже хороша, полезла, куда не просили, спасти ей нужно было. Вот, теперь пожинай плоды от своего спасательства.

Мила села за стол и, поставив локти на столешницу, обхватила голову руками, пытаясь привести мысли в порядок. Что теперь делать? Слушать деда она точно не будет. Если она сдастся сейчас, то по его словам у неё точно не будет ни дочери, ни мужа. Нужно бороться, обязательно бороться, нужно найти выход из этой ситуации, нужно искать вход в хрустальный мир. Точно. Это единственно правильное решение.

29. Она справится

Сон никак не шёл, Меланья вышла из комнаты и прошла на кухню, попить воды. За столом в темноте сидела Алёна.

— Тоже не спится? — спросила она.

— Да, — коротко ответила Милка, направляя в стакан холодную струю.

— И мне не спится. Знаешь, я тут деда вспоминаю. Перед смертью он злился на Богдана, брата спрашивала, чем старику насолил, а он лишь отмахивался. Я что сказать-то хотела, может он мстит?

— Кто? — не сразу поняла Мила, витавшая в своих мыслях и слушавшая Алёну в пол-

уха.

— Дед Степан, — женщина в упор смотрела на ведунью. — Если ему не нравилось что-то перед смертью, может Богдан повторил это, и ему привет «оттуда» прилетел?

— Нет, дед здесь не причём, — успокоила она Алёну. — Он ушёл спокойно, ничего его здесь не держит. Но Богдана он не одобряет и явно дал понять, что помогать не будет.

— И что делать будем?

— В больницу завтра поедем, врач сказал, сегодня должны были обследования начать делать, может уже что известно.

— А если неизвестно?

— Если неизвестно, то подождём ещё, пока будет известно, — Милка начала раздражаться, она не понимала, чего хочет от неё сестра Богдана.

— Мил, но ты ведь гадать умеешь, посмотри что там, в будущем...

Меланья устало села за стол и поставила стакан с водой рядом.

— Понимаете, Алёна, ваш брат не простой человек, посмотреть его будущее сложно очень.

— Но ты же сказала, что с ним всё в порядке, значит смотрела?

— В порядке физическое тело, повреждений нет никаких, я это точно чувствую. А вот где его душа блуждает, и как её оттуда достать, я могу только догадываться.

Женщина сидела, подперев подбородок одной рукой, и задумчиво накручивала на палец прядь волос.

— А ты можешь свою судьбу посмотреть? Посмотри, там и увидишь рядом он или нет.

Милка шумно фыркнула, давая понять, что тема закрыта, встала из-за стола и, пожелав хозяйке дома доброй ночи, отправилась спать. Пустой разговор, никогда не любила переливать из пустого в порожнее. Неужели Алёна могла подумать, что она свое будущее не смотрит, да ещё в такой ситуации. Бабулины карты уже до дыр затёрты от постоянного тасования. Только туманно там и много страхов. Чтобы разобраться, нужно расслабиться, погрузиться, рассмотреть. А как тут расслабишься, когда такое?

Плюхнувшись на мягкую кровать, ведунья устала в тёмный потолок и незаметно уснула.

Утром вопросов о будущем уже не было, закончив с домашними делами, Алёна возвестила, что тоже поедет к Богдану. Собрались втроём, на маршрутке добрались до Смоленска, там пересели на другую, в больнице оказались уже после десяти, как раз вовремя. Врач к посетителям вышел сразу и огорошил тем, что пациента можно забирать домой.

— В медицинском наблюдении он не нуждается, все физиологические процессы в норме, Сорин просто спит.

— Как спит? А разбудить не пробовали? — налетела с вопросами на доктора Алёна.

— Почему же не пробовали? Пробовали, но безрезультатно. Летаргический сон непредсказуем, проснуться может и завтра, и через неделю, и через несколько лет.

Женщины стояли явно ошарашенные этой новостью.

— А почему его под наблюдением нельзя оставить? Вовремя оказать помощь, когда проснётся, — первой спросила Маша.

— Такой диагноз не предполагает содержания в стационаре. Сегодня Сорин ещё может остаться здесь, мы понимаем, что вам нужно подготовиться. А завтра выписка. Кстати, можем предоставить машину, для транспортировки больного домой.

— В Сухиничи? — непроизвольно вырвалось у Милки.

— Нет, так далеко не повезём, — дал заднюю доктор.

— А в Синьково отвезёте? — переспросила Алёна.

— Это далеко?

— Нет, это близко, пятнадцать минут езды.

— Хорошо, туда отвезём. Всё, прощаюсь с вами до завтра, на выписку желательно приехать мужчинам, помогать нести больного. До свидания.

Врач ушёл, оставив женщин в полном замешательстве. Богдан спит, с ним всё в порядке, но разбудить его не смогли. Из больницы его нужно забрать, помогут с транспортировкой только до деревни, что дальше?

— Поехали, — первой очнулась Алёна. — Дом нужно подготовить. У меня всем не разместиться, в дедов поедите, — она посмотрела на Меланью, ожидая реакции. Та согласно кивнула.

По дороге в деревню Машка вызванивала Лёху, чтобы тот приехал помогать. Парень не заставил себя долго уговаривать, и уже к вечеру за столом в доме Алёны была большая компания. Лёха приехал с огромной сумкой вещей, коляской и Вадиком. Таскать всё это хозяйство ему помогал Егор.

— А что Тамара Петровна? Не смогла с Вадиком посидеть? — спросила у Лёхи Милка.

— В дом отдыха укатила на две недели, неохота вызывать оттуда. Ничего, справимся, — махнул он рукой, наблюдая, как Машка тютюшкает его сына и рассказывает про него Алёне. — Пусть к этой бабушке привыкает, ты ж мне нагадала в деревню переезд, — шёпотом добавил он.

Лёха с сыном и Машей остались на ночь у Алёны. Милка и Егор пошли в дом деду Степана. За день женщины привели его в божеский вид, отмыли, проветрили, застелили кровати и полностью подготовили к привозу Богдана.

— А почему так случилось? Известно хоть что-нибудь? — спросил Егор у Милки, когда улеглись и выключили свет.

— Нет, врачи ничего не говорят, — устало ответила ведунья.

— А сама как думаешь?

От всех этих вопросов, мыслей, ситуации в целом у Милки в горле был такой комок жгучей горечи, что она неожиданно для себя самой отпустила тормоза, расслабилась и вылила всё накопившееся Егору. Тот слушал, не перебивая, а в конце длинного монолога ведуньи, сел рядом и по-дружески обнял ревущую Милку, стараясь успокоить.

— Прости, что свалила всё на тебя, сил не было больше в себе носить, — отстранилась она от тёплой и широкой груди парня.

— Для этого и нужны друзья, чтобы в себе не носить, — отпустил её он и пошёл на своё спальное место. — Сейчас уже полегче?

— Да, легче, — кивнула она и добавила, — Егор, не рассказывай, пожалуйста, никому, о том что я тебе наговорила.

Как хорошо, что он приехал, что сейчас рядом. И хотя она не боялась того, что мог хранить в себе этот дом, но простое человеческое присутствие согревало и давало ощущение поддержки. Она не одна. Она справится. Родные и друзья помогут.

— Не переживай, не расскажу, — ответил Егор.

30. Контакт не удался

Даже во сне Мила не могла расслабиться и отпустить свою проблему. В сонной пелене

она блуждала по непонятным местам и непрерывно искала то, что поможет выйти в мир, поглотивший мужа. Словно чувствуя её напряжение, окружающие видения не поддавались, смазывались и ни на шаг не приближали к хрустальному миру.

Милка начала психовать, хотя знала, что это самое последнее, чем стоит заниматься во снах. Пару раз её чуть не выкинуло, когда она подбиралась ближе и узнавала гладкую поверхность того мира. Но за очередным поворотом до её ушей донёлся ужасающий скрипучий крик, звук явно приближался, своим рокотом оглушая и стараясь прогнать из своих владений. Но Меланья уже почувствовала, что попала туда, куда ей было нужно, и изо всех сил держалась за видение.

Огромный дракон, покрытый искрящейся хрустальной чешуёй, с переливающимися кристальными пластинами по хребту и почти прозрачными, отливающими голубизной хищными глазами, приземлился в нескольких метрах от неё. Созданный его крыльями поток воздуха, чуть не сбил её с ног, но она справилась. Дракон наклонил голову на длинной шее набок и внимательно рассматривал попавшую к нему ведунью. Из его ноздрей вырывалось шумное дыхание, напоминающее о том, что всё происходит уже не во сне.

— Верни Богдана! — обратилась Милка к хозяину этого мира.

Тот наклонил голову в другую сторону и продолжал неотрывно смотреть на гостью.

— Скажи, где ты его держишь? Дай ему отсюда уйти, и я обещаю, что сделаю всё, чтобы он больше тебя не беспокоил.

Голубоватые глаза летающего зверя изучали её, лишь изредка закрываясь прозрачными веками. Ритм его дыхания не менялся. Милка снова и снова повторяла свою просьбу и обещания, но ни один мускул на морде животного не дрогнул. Понимает ли он её? Ждёт, что она предложит больше? А может она говорит слишком тихо?

— Пожалуйста, отдай мне моего мужа! — изо всех сил крикнула она дракону.

Тот затряс большой головой, давая понять, что громкие звуки, исходящие от ведуньи, ему совершенно неприятны. Может попробовать приблизиться? Мила подняла руки вверх, показывая дракону пустые ладони, и сделала шаг в сторону зверя.

Реакция оказалась непредсказуемой. Чешуйчатая громадина оглушительно заревела, и из её пасти на Меланью полетели острые стеклянные осколки. Множественные ссадины и пара порезов поглубже вызвали у ведьмы сдавленный стон от боли. Дракон затих, ожидая её следующего шага. Она же боялась пошевелиться, чтобы не вызвать нового приступа агрессии от этого чудовища. Кровь из раны на предплечье капнула на ледяную поверхность этого мира и растеклась маленьким ржавым пятнышком. Ноздри дракона зашевелились активнее, глубже втягивая воздух. Он приблизился почти вплотную к ржавчине на земле, вдохнул её запах и протяжно тоскливо завыл.

Видя, что маленькое пятнышко постепенно увеличивается в диаметре, и покрывает ржавчиной всё большую поверхность, Мила собрала силы в ладонях и заколдовала воду, смыв свою кровь с чужих владений. На месте ржавого пятна образовался прозрачный холмик. Дракон был удивлён, это явно читалось в его больших глазах. Наклонив свою голову к земле, он тихо дунул на эту небольшую возвышенность. Прямо на глазах гладкое стекло покрылось лёгкой тонкой прозрачной травой. Невольно Меланья залюбовалась нежным творением громадины и чуть не пропустила ещё одну кровавую каплю. Дракон наблюдал, как она растирает по руке кровь, не давая каплям снова упасть на землю. Во его взгляде читались любопытство и раздумья, он явно решал, что делать дальше.

Воспользовавшись этой заминкой, Мила снова озвучила свою просьбу и обещание, она

сказала это вслух и несколько раз повторила мысленно. Дракон медленно отступил подальше, ещё раз окинул её своим взглядом и, резко взмахнув широкими крыльями, выбросил её из своего мира.

Проснувшись в доме деда Степана, Милка первым делом пошла на кухню осматривать своё тело на предмет повреждений. Мелкие царапины саднили, а порез на предплечье уже не кровил. Хорошо, осталось это смыть и можно дальше ложиться спать. Часы показывали половину третьего ночи. Пока она отмывала под водой руки, в кухню зашёл Егор.

— Что-то случилось? — он протирает заспанные глаза и не сразу разглядел царапины на лице и руках Меланьи.

— Егор, всё нормально, прости, что разбудила, но я сама справлюсь.

— Какой сама, да ты вся порезанная, где здесь аптечка? Где ты была?

— Спокойно, аптечка не понадобится, сама справлюсь. А была там, куда тебе никогда не попасть, — устало улыбнулась Милка. — Иди, спи, ты мне здесь всё равно не помощник.

Но парень не собирался уходить, он неотрывно смотрел, как ведунья поглаживая кожу успокаивает раны. Вот они уже совсем не воспалённые, на теле остались лишь следы, мелкие царапины с запекшейся по краю кровью.

— Удивлён? — спросила Мила у раскрывшего рот Егора.

— Да, — честно признался парень.

— А теперь представление окончено, можно снова ложиться спать.

— Я теперь не смогу уснуть, а вдруг с тобой снова это повторится, а вдруг будет хуже?

— Хуже не будет, да и повторится вряд ли, — разочарованно вздохнула Меланья.

— Не понял, такое ощущение, что ты жалеешь об этом?

— Егор, я всеми путями стараюсь попасть туда, где застрял Богдан, сейчас мне это удалось. Я даже попыталась пообщаться с тем, кто там обитает. Контакт прошёл неудачно. Смогу я снова туда попасть, я не знаю. Но видит Бог, что я очень этого хочу.

— Понятно, — ответил Егор, но по его взгляду было видно, что ему всё равно ничего не понятно. — Мил, ты главное себя береги, не переусердствуй.

— Хорошо, как скажешь, — усмехнулась Мила и, подтолкнув Малого к двери, вместе с ним пошла в комнату.

31. Только не замолкай

Оставшуюся часть ночи Меланья провела без сна. Попасть никуда не смогла, на призывы никто не отвечал. Чувство тяжёлой безысходности подступало к самому горлу и тяжело давило на грудь. Успокаивала себя лишь тем, что муж завтра будет здесь, рядом, под её опекой.

Утром вчетвером поехали в Смоленск. Врач на выписке подробно объяснял, как нужно будет ухаживать за Богданом. В вену под ключицей ему вшили специальный катетер для парентерального питания. Необходимые на первое время растворы дали с собой и выписали кучу рецептов. И хотя врач убеждал, что со здоровьем пациента всё хорошо, общее состояние забирающих было угнетённым. Особый упор доктор делан на домашнюю обстановку, с больным нужно говорить, спрашивать о чём-то, физически не тормозить, но подбирать такие темы, на которые бы при жизни однозначно была бы реакция. Ни в коем случае не создавать условия полного покоя, простым языком — постоянно будить.

Богдана привезли в дом к деду и уложили на подготовленную кровать. Лёха с Егором решили на неделю в деревне задержаться, чтобы помочь на первых порах. Днём старались

собираться рядом со спящим. Машка принесла игрушки, и маленький Вадимка детским смехом и криками наполнил крепкий дом. Разговаривали о разном: Алёна делилась воспоминаниями о детстве, Мила рассказывала о жизни в лесном доме. Иногда им казалось, что у Богдана вздрагивают веки, будто он силится открыть глаза, но пробуждение не приходило.

Милка пыталась будить любимого своей энергией, делала массаж с любовью, пробовала вдохнуть в тело как можно больше силы. Чуда не происходило. Богдан спал.

Однажды за ужином Лёха бросил в сторону спящего колкую фразу:

— Смотри, брат, пока спишь, у тебя жену уведут. Рядом вон какой парень ладный, сильный, красивый, да и помоложе тебя будет.

— Чего мелешь, — обрubiла его Машка.

— А чего, сказали же выбирать темы, чтоб реакция была, вот я и выбрал. Малой, тебе Милка нравится?

Егор густо покраснел и послал друга куда подальше, стараясь сохранять невозмутимый вид.

— Вот это я копнул, — веселился Лёха. — Богдан, просыпайся, реально уведут.

Меланья строго посмотрела на бывшего, взглядом давая понять, что эта тема закрыта. Но Лёху было не остановить. Будущая тёща сдабривала скучные деревенские вечера парней смородиновой настойкой, в крови гуляла уже не первая рюмка, кураж требовал выхода.

— Мил, это только ради лечебных целей! Сама подумай, какой мужик согласится свою женщину другому отдать? Если он слышит всё, как говорил доктор, то должна появиться ревность. А она сама знаешь какая, просто так не полежишь. Только нужно сделать натурально всё, уверен, поможет.

По вихрастой голове Лёхи прилетело полотенцем от Алёны.

— Не мели попусту, мельница. Нашёл чему учить, лучше бы чего путного предложил.

— Тётъ Алён, так это и есть самое путное, — не обиделся парень. — Мы ж все понимаем, что будет понарошку, а для него какой стресс, вмиг проснётся. Я бы точно проснулся. Егор, ты как?

Лицо Малого уже приобрело обычный цвет, но поддерживать друга в этой теме он явно не хотел. Коротко буркнув: «никак», Егор продолжил уминать деревенскую жареную картошку с салом.

— Эх, скучные вы, — махнул Лёха ещё одну стопку смородиновой настойки и, приобняв Машку за талию, смачно поцеловал её в губы. — Вот у нас с Манюней любовь, а у вас сонное царство.

Около десяти все разошлись и в доме остались только Мила, Богдан и Егор. Крепкий малый помог девушке провести вечерние уходовые процедуры с Богданом и молчаливо удалился спать. А у Милки в голове крутилась Лёшкина бравада. А может он прав, доктор сам говорил — нужно провоцировать, чем не повод? Если физически Богдан слышит, то возможно и энергии чувствует, а от Егора пахло страстью, это она точно определила. Так может попробовать?

Богдану дико хотелось пошевелиться. Из хрусталя его вышвырнули, это он почувствовал, от прощального обжигающего дыхания дракона горело всё тело. Но вот открыть глаза и двинуть хотя бы пальцем он не мог. На тело будто навалилась вселенская усталость, сил не было вообще. Он, как в тумане, слышал голоса медперсонала, чувствовал, как к нему

прикасаются руки, но ответить не мог. Напрягался, пытался собрать силу, но её не было совсем.

Колдун чувствовал манипуляции со своим телом, ощущал, что его везут куда-то, слышал голос Меланьи и Алёны, но путанность в сознании мешала разобрать, что ему говорят. Потом он оказался там, откуда его выгнали. Дом деда Степана. Здесь ему никогда не рады. Зачем он тут?

Понимая своё полное бессилие, колдун решил наблюдать, что будет дальше. Вот к нему прикасаются родные ладони любимой. Она делится с ним своей силой, она что-то говорит. А он настолько слаб, что не слышит её слов и не может удержать и крупинки того, чем она делится.

Ладно, подожди, не спеша. Сквозь закрытые веки он определял время суток. Ночью он заставлял себя отключаться, а днём принуждал прислушиваться, чтобы хоть понять о чём говорят вокруг. Первым он стал понимать детский лепет. Односложные повторяющиеся слова доходили до его сознания и тем самым будоражили и без того растерянный мозг.

«Милка уже родила? Дети уже говорят? Сколько я уже в этом сне? Как выбраться?»

Спустя пару ночей он впервые за долгое время разобрал своё имя, произнесённое любимой. Она его зовёт! Все остальные слова были ещё непонятны, но это уже и так прогресс. «Всё будет хорошо», — твердил он себе без остановки, — «я выберусь».

Детский лепет и залихватый смех был в доме каждый день. Голоса женщин он уже распознавал, а по вечерам добавлялись мужские. Был среди них знакомый, прямо выбешивающий его голос. Кто? Кто это здесь? Почему его от этого голоса передёргивает?

Милка лечила любовью, её тепло согревало, иногда казалось, что сердце начинает биться чаще. Он уже начал понимать некоторые фразы, из которых понял, что с ним всё в порядке, но он находится в летаргическом сне. Вот так сюрприз. Соберись Богдана. Раз всё так просто, почему ты не можешь проснуться? Ты же не просто человек, ты колдун в конце концов.

Следующими проявились энергии находящиеся рядом, Богдан начал чувствовать то, что направлялось на него. Больше всего было жалости, она буквально парализовывала, не давала вздохнуть полной грудью, придавливала к кровати. Богдану хотелось кричать, чтобы его перестали жалеть, но он не мог.

Однажды вечером, когда он привычно пытался разобрать всё о чем говорили находящиеся рядом, он явно ощутил укол стёба. Тот бесячий голос начал над ним издеваться, давая сил на ответную ярость. Этот поток перекрывали женщины, они жалели и не давали вздохнуть. А бесячий голос снова и снова подтрунивал над колдуном.

«Да кто же ты, черт возьми? Почему я тебя так ненавижу? Но от ярости я становлюсь ближе к пробуждению, я чувствую это, только не замолкай! Скажи ещё что-нибудь!»

Но чуда не произошло, голоса смолкли, с его телом проделали ряд манипуляций и оставили в покое. Свет погас. Наступила долгая беззвучная ночь.

32. Эффект есть

— Егор, мы должны это попробовать, — Милка в темноте присела на краешек дивана, на котором лежал Малой. — Я тебе обещаю, ничего страшного не произойдёт, но сделать это нужно максимально естественно.

Парень молчал. Повернувшись к ней спиной, он упорно делал вид, что спит. Она его понимала, сама целый час обдумывала и взвешивала, прежде чем такое предложить. Но это действительно может помочь. В ситуации с Богданом нужно пробовать разное, Лёха прав.

Медицина не помогла, нахождение дома тоже, вечный шум от ребёнка не возымел силы, и даже её призывы не действовали. А вдруг его это проймёт? Вдруг услышит, почувствует, пробудится...

— Егор, я знаю, что ты не спишь. Давай обсудим, если это для тебя так сложно я отстану, но если можешь помочь — помоги.

Пружины натужно заскрипели, выдерживая разворот тяжёлого тела парня, а на Милку пахло густым плотским желанием. Такого она не ожидала. Егор по-настоящему её хотел? И она не замечала? Как он это скрывал?

— Уходи, — сдавленно процедил он. — Я не хочу этого делать, могу помочь физически, могу привезти-отвезти, но на такое я не пойду, не проси.

Каких сил ему стоило это говорить, каждое слово, как по натянутой струне.

«Лёха — придурок, и мысли у него такие же, хватило ума вслух озвучить, кобель», — мысленно разносил друга в пух и прах Малой.

Милка давно ему в душу запала, ещё с тех пор, как её голой в бане увидел, когда Лёху от демона избавляли. И зачем его тогда понесло туда, предупреждали ведь — сидите дома. А он полез... Демонический взгляд изумрудных глаз, огненно рыжая грива волос, нежное упругое молодое тело... От внезапно нахлынувших воспоминаний заныло внизу живота. Одного вида хватило, чтобы в ступор впасть, но понимал, не потянет, поэтому даже не пытался.

А потом эта поездка в заброшку, так рядом и так далеко. Тогда спасали её шрамы после пожара, пугали и не давали даже мысленно прикоснуться. А сейчас она такая красивая, такая близкая, сама предлагает то, что он вожделеет, но ему приходится сдерживать себя и отказываться. А как иначе? Она уже не свободна, с ними в одной комнате её мужчина.

— Егор...

Снова этот чарующий голос, зачем она его испытывает, это просто невозможно, нужно скорее уйти. Малой резко вскочил с дивана и потопал на кухню, может холодная вода отрезвит и успокоит. Только бы она за ним не шла, только бы в покое оставила.

Для Меланьи реакция Егора стала сюрпризом. Она давно знала этого добродушного здоровяка, но никогда не смотрела на него, как на мужчину. А тут такой посыл... А может это и лучше? Такая насыщенная страсть разбудит её любимого колдуна? Однозначно нужно пробовать. Отпор дать она всегда сможет, а вот вибрации такого желания мертвого должны разбудить. Здесь даже чары включать не нужно, всё уже и так горит. Решено.

Милка пошла на кухню вслед за Егором. Тот, не включая свет, шумно умывал лицо водой из-под крана. Ведунья взяла полотенце и протянула, заметившему её парню, нарочно коснувшись его руки своими пальцами.

Разряд. Егор прячет взгляд, трёт мокрую голову махровой тканью и бросает ее на стол, избегая рыжей ведьмы. Он быстро возвращается в комнату и старается сильнее закутаться в одеяло. Его уже просто трясёт от такой близости ведьмы.

— Мил, не надо, ты обещала отстать... — бросает он в темноту и крепко зажмуривается.

Тихие шаги приближаются к его дивану, мягкие руки настойчиво тянут одеяло, лёгкие пряди волос слегка касаются его кожи. В голове пульсирует кровь, мозг ничего не соображает, тело начинает жить своей жизнью. Он не чувствует сопротивления, не ощущает боли, которая пронзает насквозь, не слышит слов и возмущённого крика, он не реагирует ни на что, идёт к своей цели, берёт то, что хочет взять. Берёт неистово, грубо и никак не может насытиться.

— Ты бессмертный что-ли?

На спину Малому выливается ведро ледяной воды, чем мгновенно возвращает его в этот мир. От резкого охлаждения молодое сердце заходится, купаясь в адреналине, и неожиданно замирает.

— Богдан, ты убил его? — Мила наконец-то освобождается от мёртвой хватки Егора и тут же прижимается к нему снова, слушая пульс и помогая сердцу справиться с перегрузкой.

— А тебе похоже понравилось? — ухмылялся бородатый колдун, пошатываясь на ногах.

— Дурак, помоги скорее, ему совсем плохо, — Милка отчаянно пыталась привести в чувства пострадавшего парня.

— У меня сил нет, сама своего любовничка оживляй, — Богдан устало сел на диван, не собираясь больше ничего делать.

Егор закашлялся, мотор заработал. С помощью Милки он тоже сел на диван, прямо рядом с остудившим его пыл колдуном. Оба мужчины тяжело дышали.

— Сейчас я напою всех успокаивающим отваром, а потом поговорим, — Мила оправила сбившуюся одежду. Хорошо, что была не в ночной сорочке, а спортивный костюм не дал Егору добраться до её тела. Хотя ощущения у парня были самыми реальными, уж в этом то она постаралась.

— Мне кофе, — нетерпящим возражений тоном распорядился Богдан.

Егор, как только Милка скрылась в дверях кухни, наскоро оделся и выбежал из дома. Догонять его не стали, не повезло парню, в переплёт попал не по своей воле.

С кухни запахло бодрящим напитком, и Богдан с усилием оторвал пятую точку от дивана. Хватит, належался, пора в себя приходиться.

— И кто же до этого додумался? — спросил он Милу, хлопотавшую возле стола.

— Лёха, — коротко ответила она, считывая его поле и пытаясь понять, правильно ли он воспринимает то, что видел.

— Я конечно не в восторге от такого пробуждения, но... — колдун на мгновение задумался и продолжил. — Эффект есть, значит действия оправданы. Передай спасибо этому охломону.

— Сам передашь утром, когда в больницу поедем, — внутри у ведуньи был такой раздрай, что тряслись руки. Богдан это заметил, подошёл ближе и обнял.

— Не переживай, я всё понимаю, просто злюсь. Не очень приятно было видеть, как мою женщину лапает какой-то здоровенный детина.

— Он не хотел этого делать, это я заставила, — кротко посмотрела она в любимые ледяные глаза.

— Я знаю, — наклонившись, он нежно коснулся её мягких губ и долго не мог от них оторваться, напитываясь энергией любимой женщины. — Сколько я спал?

— Почти неделю, — её сердце ныло от счастья, наконец-то всё хорошо.

— Значит ты ещё не родила? А что за детские голоса я слышал?

— Это Вадимка, помнишь моего крестника, Лёха с сыном приехал.

Входная дверь хлопнула, и в дом вбежала Алёна.

— Ой, счастье то какое, Богдаша! Проснулся, как хорошо, — сестра кинулась брату в объятия. — Больше нас так не пугай! Всё в порядке? Доктора не надо вызвать?

— Алён, успокойся, я сам как доктор, всё у меня в порядке. Тебя здоровяк разбудил?

— Ну да, пришёл за ключами от машины, сказал там поспит, чтобы вам не мешать.

— Нехорошо как-то, — забеспокоилась Меланья.

— Не переживай, ночи тёплые, не замёрзнет.

33. Он вспомнил каждое свое слово

Богдан выдержал торопливые причитания сестры, доступно объяснил, что с ним всё в порядке и с этого момента он абсолютно здоров. Успокоил Алёну и отправил домой спать, пообещав утром перед больницей обязательно зайти. Как только женщина покинула дом, колдун начал осторожно выспрашивать у Меланьи всё, что она видела и знает о его долгом сне, и становился всё смурней.

Он понимал, что один виноват в своём заточении, что прошлого не изменить, разочарованно вздыхал, пытаясь найти решение.

— Богдан, расскажи мне всё с самого начала, — тихо, но с нажимом попросила Милка.

— Давай не сейчас, — попытался он уйти от разговора.

— Нет, именно сейчас и ни минутой позже, — не смотря на внутреннюю слабость, колдун чётко ощутил, что ведьмочка начинает злиться.

— Мил, теперь я здесь, вернулся, успокойся, всё будет хорошо, — слишком мало сил, чтобы туманить её сознание, эх...

— Богдан, я на полном серьёзе, ты просто обязан мне рассказать правду. Не то, что ты сочинял мне раньше, а настоящую, истинную правду про эти миры. Пока мы тут все пытались тебя разбудить, я говорила с дедом Степаном, он злится на тебя, отказался помогать, убеждал, что тебя больше нет...

В глазах рыжей ведуньи застыли слёзы, они выжигали, вызывая острое желание скинуть напряжение, выпустить обиду, накричать и встряхнуть колдуна, чтобы перестал косить под невиновного.

— Тихо-тихо, — Богдан бережно обнял любимую и прижал к своей груди. Футболка вмиг намочила от её слёз, плечи мелко подрагивали, Милка всхлипывала не в силах больше сдерживаться. — Что там тебе дед Степан наплёл? Расскажи мне.

Она на миг замерла, и, уперев ладони в его крепкую грудь, посмотрела на своего мужчину снизу вверх.

— Богдан, потерять поддержку рода — это серьёзно, уж кто-кто, а ты должен это знать. Твой дед чётко дал понять, что раз ты не идёшь по завещанному пути, то помощи отсюда ждать не стоит. Он гнал меня отсюда и убеждал в том, что тебя уже нет, что вытащить душу сюда невозможно.

Колдун звучно захохотал.

— Мил, успокойся, здесь моя душа, вытащили, не переживай за деда. Ему всегда хотелось от меня другого, ещё при жизни изводил своим старческим бурчанием, теперь и отсюда пытается. Сейчас я сил наберусь, и снова будет всё как прежде. Я люблю тебя, а ты меня любишь? Веришь мне?

Вместо ответа она пристально посмотрела в его глаза, взгляд ведуньи медленно терял фокус, на лице отображалась глубокая задумчивость, будто она смотрит в никуда. Если бы он не был так слаб, то увидел бы в красках всё то, что происходило в её голове, а там было такое...

— Богдан, — казалось, что она говорит одними губами, потеряв голос от ужасной догадки. — Богдан, твой дед говорил, что наш сын отдаст себя за отца... Он уйдёт, чтобы ты жил, Илья спасёт тебя, пожертвовав собой...

Страшное осознание потери тяжелым грузом легло на плечи молодой ведуньи, враз лишив сил, и чуть ли не уронив в обморок.

Колдун увидел, как резко побледнела Мила, вовремя подхватил её и усадил на диван.

— Что именно говорил Степан? — в голосе Богдана зазвучали железные нотки.

— Твой дед сказал, что если я полезу тебя спасать, то потеряю и сына, — ведунья крепко прижала руки к своему животу и прикрыла веки. На лице её застыло выражение страха и надежды одновременно. По нежной щеке снова покатилась слеза. — Он молчит... Теперь он молчит тоже, я не чувствую его, Богдан!

Она набросилась на мужа с кулаками, молотя его в грудь от бессилия, и безудержно рыдала.

— Что ты за человек? По каким заповедям живёшь? Что скрываешь ото всех?

Он пытался её сдерживать, но ярость будущей матери, которая защищает своё потомство, слишком сильна. Не выдержав такого напора, колдуна буквально отбросило от Меланьи на несколько шагов, он рухнул на пол возле стены и даже не стал подниматься. Снизу он наблюдал, как она медленно идёт в его сторону.

Глаза его любимой женщины горели безумством. Из рта тихим шипением сквозило «это ты виноват». Волна нескрываемой агрессии пригвоздила, не давая пошевелиться. Что с ней? Он ни разу не видел её в таком состоянии. Его милая женушка была вспыльчивой, они бывало, вздорили, спорили, даже ругались, но такое...

Собрав волю в кулак, колдун поставил блок и немного выдохнул. Ещё пара шагов и она его размажет. Он откатился в сторону, прервав зрительный контакт и быстро зайдя со спины, обхватил её руками, не давая обернуться.

— Мила, Мила, очнись, это не ты, успокойся, давай поговорим.

Бесновавшаяся ведьмочка яростно пыталась вырваться, но Богдан держал крепко. Наконец силы ослабли, тело расслабилось, ярость уступила место безнадёге.

— Всё будет хорошо, — гладил он её по плечам, — мы с этим справимся, наши дети будут с нами, мы их никому не отдадим, я поставлю самую лучшую защиту, вы все будете в полной безопасности. Мила, ты меня слышишь? Ты понимаешь меня?

Ведунья почти не дышала, её взгляд был рассеян, руки безвольно висели вдоль тела. Наконец она слабо кивнула.

— Ну вот и хорошо, всё будет хорошо, — как заговорённый повторял колдун, снимая с любимой остатки энергетической вспышки нежными поглаживаниями.

Вот тебе и светлая ведьма, бьёт не хуже чернокнижницы. Богдан вспомнил одну схватку с тёмной ведьмой из своего прошлого. Тогда он тоже выдержал, но также как и сейчас не победил. Страшна их ярость, безудержна, сметает всё на своем пути. Эх... Теперь нужно снова подбирать ключи к доверию, такие вспышки выжигают все чувства, оставляя лишь пустоту. Только бы её сердце не перестало его любить...

— Молчишь? — она заговорила первая. — Прежде чем вовлекать меня во всё это, ты должен был хотя бы предупредить.

Каждое её слово глухо отражалось от стен и нестерпимо звенело в ушах.

— Я доверилась тебе. Внутри меня две жизни, которые сейчас и в ближайшем будущем полностью зависят от нас. А ты? О чём думал ты? Ты же не глупый начинающий самоучка, ты прекрасно знаешь законы, и то, что по ним приходится отвечать. Или ты думал, что я ничего не узнаю? А дети? Когда они всё узнают? Когда это их коснётся? Моя защита не вечна, а твоя сможет защитить? Богдан, отвечай!

Последнюю фразу она прокричала с надрывом и спрятала лицо в ладонях.

— Оттуда сюда ничего не попадает, — упрямо буркнул он в свою защиту. — Я много раз проверял, сюда они не проникнут, а мы больше не будем там показываться.

— Ты сам в это веришь? Ты пробовал, ты много раз пытался, ты хотел вынести... А ты не думал о том, что они не хотели чтобы ты вынес, поэтому у тебя ничего не получалось.

— Если бы они хотели, то полоз давно бы уже разнёс здесь всё в пух и прах, а он не появляется, значит не может.

— Или не хочет? Зачем ему это, когда ты с ним уже договор заключил. Только предмет вашего договора совсем не твоё невмешательство в их мир, правда? Я правильно догадываюсь, Богдан?

Колдун погрузился в воспоминания той огненной битвы, он вспомнил всё, что произошло в мире Змеев. Он вспомнил каждое своё слово, под которое его отпустили отсюда. Какой он дурак...

34. Мир змеев

Огромные янтарные глаза полоза смотрели в упор, страшная пасть чудовища была слегка приоткрыта, и оттуда время от времени выскальзывал тонкий черный язык с раздвоенным концом.

Схватка проиграна, силы покинули, огня больше не наколдовать, а змей вышел победителем. Конечно колдун успел прижечь некоторых его прихвостней, они были меньше и слабее, и поэтому их чешуя не выдерживала жара, а этот... Перед ним была явно особа благородных кровей, эдакий властелин этого мира, золотой Полоз.

— Чего ты хочешь от меня? — уверенным голосом спросил Богдан.

Терять уже нечего, если змей хочет его убить, то сделает это в любом случае. Напоследок хоть спросить, за что его так возненавидел этот мир.

— Жизнь за жизнь, — прошипел Полоз, и как не странно Богдан его понял.

— Я никого здесь не убил, поджжёт немного в целях самообороны — это было, но никто здесь не умер от моей руки. Дай мне найти то, что я здесь потерял, и я покину ваш мир навсегда, даю слово.

Янтарные диски глаз сверкнули такой ненавистью, что если б не дерево за спиной, Богдан бы точно потерял равновесие. Колдун сильнее вжался спиной во влажный мох, покрывающий ствол растения и ждал ответа. Камень в схватке он выронил, вернуться сам врят ли сможет, придётся ждать. Змей не торопился. Медленно он перемещал свое длинное тело по сочной тёмной траве, то складывая кольцами, то распрямляя.

— Ты разрушил гнездо, одно из яиц погибло, просто так я отпустить тебя не могу...

"Как это мерное шипение складывается в слова?" — думал про себя Богдан, наблюдая за плавными движениями Полоза и вспоминая замшелый пенёк странного вида.

Чем он его привлёк — не понятно, но колдуна просто нереально потянуло к этой коряге, укрытой толстым слоем мха. Сунув пальцы под зелёный покров, он оторвал кусок рыхлой зелени, откинул и заглянул в обнаруженную дыру. Там, в темноте что-то поблёскивало.

Он уже долго здесь, но кроме травы, деревьев и покрывающего всё мха ничего не видел, а тут золотой блеск. Ему стало любопытно. Это нормальная реакция. Богдан решил достать то, что лежало на дне и разглядеть получше. Правая рука по самое плечо погрузилась в найденное отверстие. Пальцами он нащупал гладкие округлые камни. Поразило то, что они были тёплыми. Осторожно взяв один из камней, Богдан вынул его из пня и начал разглядывать. Гладкий, отливающий золотом, но это точно не металл. Ковырнул ногтем —

плотный, но не камень, что-то другое. И тут его озарило, это же яйцо, настоящее яйцо.

"Значит здесь есть птицы? Интересно, каких они размеров, если несут яйца размером с три хороших кулака?"

Колдун осторожно положил находку обратно в гнездо, поднял с земли кусок мха и укрыл им дыру. Нарушать покой этого мира не входило в его планы. Он хотел пойти дальше, но сунув руку в карман обнаружил, что потерял малахитовый камень. Наверное это произошло, когда он наклонялся возле пня. Быстро оглядев траву, в поисках потери, он увидел подползающих к нему со всех сторон чёрных змей.

Их было много, очень много. Все они были разных тонов и размеров, но ни одна из них не была меньше удава. Змеи окружали, шипели, мелькали чёрными телами. Они буквально за пару-тройку минут сплелись в плотное кольцо, не давая даже помыслить о том, что отсюда можно выбраться.

Богдан заметался, закружился на месте, выискивая брешь в этой круговерти, но бреши не было, змеи всё прибывали. Колдуна охватил дикий страх, тело застыло, не желая двигаться, адреналин в крови разрывал изнутри, приказывая бежать, но бежать было некуда.

Пытаясь выровнять дыхание, Богдан сжимал и разжимал пальцы рук, стараясь не терять себя. Он сосредоточился на движениях фаланг и увидел, как с кончиков пальцев на густую траву сыпятся искры. Вот оно — спасение. Колдуй колдун. Вскинув руки ладонями вперёд, Богдан с оглушающим криком выпустил в сторону змей поток энергии, материализовавшийся в жаркое пламя. Змеи шипели, запахло горелой кожей, колдун выжигал себе путь к спасению. Сейчас важным было избавиться от врагов, а то, что это враги Богдан ни секунды не сомневался. Оттесняя противника, колдун продвигался ближе к плотным зарослям, в надежде там скрыться. Но план не удался. Сзади его кто-то схватил, поднял над землёй и отшвырнул обратно на поляну.

Влажный мох смягчил падение, и Богдан быстро обернулся, чтобы понять кто его так приложил. Над ним нависала огромная голова золотого Полоза с немигающими янтарными глазами. Чудовище выдохнуло шипение из своей пасти в сторону незванного гостя и с силой ударило хвостом по земле всего в нескольких сантиметрах от колдуна.

Богдан замер, краем глаза он видел, как чёрные змеи копошатся на поляне рядом с замшелым пнём, что они делают? Хаотичное мельгешение, рваные движения, закладывающее уши шипение. Стараясь не привлекать к себе внимания, колдун, сидя на пятой точке медленно отползал назад, подальше от всего этого, но упёрся спиной в ствол. Отступить больше некуда. Колдун поднялся на ноги и замер.

Огромные янтарные глаза полоза смотрели в упор, страшная пасть чудовища была слегка приоткрыта, и оттуда время от времени выкальзывал тонкий чёрный язык с раздвоенным концом.

— Жизнь за жизнь! — шипел Полоз. — Жизнь за жизнь...

— Убьёшь меня? — с вызовом крикнул колдун.

Но Полоз отрицательно покачал своей мордой.

— Убивать тебя я не хочу, мне не нужна ваша кровь в нашем мире, предлагаю договор.

Искра радости мелькнула в голове Богдана, но он старательно хмурил брови, чтобы этого никто не заметил.

— Договор будет односторонний?

— Однозначно, — снова кивнул змей.

— А если меня он не устроит?

— Умрѣшь, — коротко ответил Полоз.

— Тебе же не нужна моя кровь? Сам говорил.

Теряя терпение Полоз мгновенно метнулся в сторону колдуна и буквально прижал свою морду к голове мужчины.

— Я не ем таких как ты, но в этот раз, пожалуй, сделаю исключение.

Он был настолько близок и ужасен, что Богдан решил не испытывать судьбу, заочно соглашаясь на любые условия.

— Первое: ты покидаешь наш мир и больше никогда в жизни не появляешься здесь.

— Согласен.

— И второе: взамен моего дитя, ты отдашь своё, когда придёт время. Решай быстро, клянись и убирайся.

— Договорились, клянусь!

35. Суд рода

Из-за двери доносился громкий спор. Кто там? Сколько там человек? По обрывкам фраз создавалось впечатление, что там толпа. Голоса были мужские и женские, резкие и хриплые, кричащие на срыв и жёстко обрывающие споры.

Милка стояла в незнакомом, тёмном помещении, впереди неё была дверь из досок, очертания которой подсвечивались сквозь щели. На цыпочках, не желая спугнуть спорящих, ведунья приблизилась к этой двери. Щели меж досок были достаточно широкими, чтобы посмотреть, что там за ней. И Меланья, максимально приблизившись к преграде, заглянула в одну из них.

Там была комната, большая, длинная, похожая на огромный ангар. Посредине этой комнаты стоял крепкий деревянный стол, конца которого тоже не было видно. По обе стороны стола сидели люди, источающие от своих тел мягкий свет совершенно разных оттенков. Именно этот свет и проникал сюда, через неплотно сбитую дверь.

— Я говорю ещё раз, и не изменю своего мнения, сколько бы мы тут не обсуждали. Он виновен, он сознательно к этому шёл, ему не место в нашем роду, — косматый высокий старик в белой рубахе стукнул кулаком по столу.

— Ирод, ты не прав, мы сами виноваты, не уследили, надо было пресечь вовремя, а мы всё надеялись, что он сам поймёт, разберётся... — пытаюсь спорить, отвечал ему худенький мужчина лет пятидесяти.

— Ты вечно всех жалеешь, потому и жизнь твоя коротка была. Ты и род ослабил, поднимали, как могли. Если мы пропустим этот проступок сейчас, дальше он может зайти ещё глубже, — громким голосом оглашал своё видение косматый.

— Ирод прав, — донесся голос с самого дальнего конца стола. — Сейчас наш род ещё очень силён, мы сможем свернуть с этой ветки и образовать новую. Да, будет трудно, да, просадка неизбежна, но эту ошибку мы запомним и больше не допустим. Я за конец. Кто со мной согласен?

Гомон мужских голосов, вмиг наполнил комнату. Шёл спор, стороны разделились, фразы произнесённые особенно громко долетали до Милкиных ушей и совершенно не радовали своим смыслом. «Убрать», «закончить», «лишить» звучало гораздо чаще, чем «дать ещё один шанс».

Где она оказалась? Кто эти сущности. То, что это не просто люди было понятно сразу, по их свечению. Призраки? Почему их так много? Странно...

Мила старалась разглядеть, что ещё есть в этой комнате, но света явно было

недостаточно. Она лишь заметила стул в углу, и сидящего на нем человека. Богдан? Точно Богдан, что он там делает? Это его хотят «убрать»? Что за...

Волна негодования окатила с головы до ног, и не теряя больше не секунды, Меланья нащупала шершавую деревянную ручку на двери и потянула на себя.

Дверь оказалась запертой. Сколько она её не тянула, не толкала, та не сдвинулась ни на сантиметр. От бессилия ведунья стала колотить по толстым доскам кулаками, надеясь, что её услышат с той стороны. Но, похоже, это было невозможным. Боясь пропустить хоть одно слово, Милка вся обратилась в слух, мысленно моля о спасении мужа.

Из обрывков разговора она догадалась, что спорящие по ту сторону двери — это весь мужской род Богдана. Деды, прадеды, пра-пра-пра... Почти все они были на стороне косматого Ирода, почти все готовы были начать сначала.

И тут, Меланья услышала очень знакомый спокойный женский голос:

— Ваши споры — пустое. Вы не сможете прервать эту ветку, она уже дала почки, а скоро и листочки появятся.

— Вот именно, надо делать это сейчас, пока листва не зазеленела. Погорюет девка и дальше заживёт, она сильная, справится, — уверенно отвечал косматый дед невысокой рыжеволосой женщине.

— Мама, — одними губами прошелестела Милка, узнав в рыжей женщину свою прародительницу, а потом увереннее и громче закричала, взывая к своей проматери.

За столом по ту сторону двери воцарилось молчание. Все взоры были обращены в то место, где за дверью стояла молодая ведунья. Наконец, властный глухой голос с самого дальнего конца произнёс:

— Заходи, коль пришла!

Дверь медленно, совершенно без усилий со стороны Меланьи отворилась. Теперь её видели все присутствующие. Проматерь подошла к Милке, взяла её за руку и подвела ближе к столу.

— Я не дам её в обиду. Ваш род сильный, но и наш вам ничем не уступит. Мы будем её защищать, — просто и уверенно говорила рыжая ведьма.

Сидящие по левую сторону стола женщины, единогласно согласились, но Ирод не сдавался.

— Нам она не нужна, мы заберём только мальчонку. Иди сюда малыш, не бойся! — косматый поманил рукой, и из-за спины Меланьи вышел Илья. Он был слишком эфирный, почти прозрачный, и он уже сделал пару шагов в сторону своих дедов.

— Нет, не отдам! Вы не можете его забрать! Это мой сын!

Илья, стоящий чуть впереди матери, сказал одну лишь фразу:

— Я уже сделал свой выбор, я отказался от вас, теперь у меня своя ветка и я в ней первый!

Милка подскочила на кровати, как ошпаренная. Это точно был не сон, такое присниться не может. Она толкнула мужа, спящего рядом, он лишь пробурчал что-то невнятное и перевернулся на другой бок. За окном рассветало, яркое солнышко своим жарким огненным краем уже вышло из-за горизонта. Сунув ноги в штаны и натянув толстовку, Меланья вышла на крыльцо и села прямо на ступени.

Заросли крапивы по обе стороны наскоро прокошенной тропинки к дому источали густой и одновременно свежий запах росы. Блестящие капли воды сверкали в лучах рассвета. Петухи звонко перекликались то с одной, то с другой стороны деревни. Из сараев

неподалёку доносилось призывное мычание коров. Деревня не город, здесь просыпаются раньше, здесь утро — это полноценная длинная часть трудового дня. Здесь ещё сохранился уклад, а не график. Здесь размеренно и спокойно, а не суетно и быстро. Здесь заземляет так, что углубившись, можно почувствовать на физическом уровне связь с землёй, с предками, с началом.

Дождавшись, когда солнце полностью поднимется над горизонтом, и взяв от него то, что наполняло, Милка пошла в сторону дома Алёны. Богдан спит по утрам долго, будить, чтоб рассказать сон не хотелось. Лучше пойдёт попросит прощения у Егора, тоже дело, досталось парню.

Она шла по прохладной улице, кивая встречным людям. Деревня маленькая, слух о том, что приехала жена колдуна, разнёсся по ней мгновенно. Но Милке было всё равно, она уже давно привыкла к тому, что взгляды всегда направлены на неё. Её это не смущало. Она просто шла. Ей просто хотелось восстановить разрушенное равновесие, а с Богданом они поговорят позже, когда он проснётся.

36. Они его забрали...

Она дошла до дома Алёны и вплотную приблизилась к припаркованной рядом машине. Лёхин Дастер был затонирован, и видеть то, что внутри, она не могла. Но зато она ярко ощущала там волны вины и негодования. Милка постучала ноготками по стеклу рядом с водительским сидением.

— Егор, я пришла извиниться. Открой.

Минуту была тишина, и из салона начало потягивать обидой перемешанной с любопытством.

— Егор, я знаю, что ты там, и знаю, что не спишь, — уверенно произнесла она. — Открой, пожалуйста.

Машина слегка качнулась, и стекло на двери медленно опустилось. Егор поздоровался и, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица, давалось ему это нелегко.

— Можно к тебе присесть?

— Зачем?

— Просто поговорить?

— Садись, — он отщелкнул замки на дверях, и Милка залезла в салон авто.

В машине было тепло, и ведунья с наслаждением откинулась на спинку сидения.

— Егор, я понимаю, что поступила очень нехорошо, заставляя тебя делать то, на что ты не давал согласия. Прости меня. Но ведь ты понимаешь, для меня это был шанс, я не могла им не воспользоваться. Давай так, я сейчас немного поколдую, и ты навсегда забудешь о том, что произошло ночью.

— Извинения приняты, — сухо отозвался он. — А колдовать не нужно, сам справлюсь.

— Почему не нужно, — искренне удивилась она. — Тебе же будет проще. Забудешь и не будешь больше к этому мысленно возвращаться.

Он резко повернулся к ней всем телом, и, насколько позволило пространство салона автомобиля, приблизился.

— Я сам знаю, что для меня проще, а что нет. Решать за себя я не просил, поэтому иди ты лесом со своим колдовством, — и он снова откинулся на кресле.

— Ну, как хочешь, — спасовала Мила и потянулась рукой к ручке двери, чтобы покинуть это пространство, но неожиданная тирада Егора её остановила.

— А хочешь, я тебе скажу, чего я хочу? Хочешь?

От решительного голоса парня она оторопела и, молча, кивнула. А Егор, получив согласие, выложил ей всё, что давно накипело.

— Я не хочу этого забывать, не хочу, понимаешь! И я скажу больше, я бы это повторил ещё много-много раз. Но ты же не позволишь, да? У тебя же муж, — ответил он за неё сам. — Зачем ты пришла? Посмеяться?

— Я не понимаю о чём ты?

— Не понимаешь? А так понимаешь? — Егор приблизился вплотную, и крепко зафиксировал её руки, лежащие на коленях, своими ладонями.

Милка чувствовала его жаркое дыхание кожей, от него шла такая мощная мужская сила, что противиться было невозможно. Будто поняв это, Егор накрыл её губы своими и нежно поцеловал.

— Теперь понимаешь? — охрипшим голосом спросил Егор, оторвавшись от Меланьи и освободив её руки.

— Не делай больше так! — она судорожно дёрнула ручку, чтобы уйти, но дверь не поддавалась.

— А не то что? — улыбнулся он. — Тебе же тоже понравилось, признайся!

— Мне не понравилось, — наконец справилась она с дверью и, выскочив из машины, громко хлопнула дверью.

— Понравилось, точно понравилось, — сам себе сказал Егор. — Пропади он пропадом этот колдун.

* * *

Алёна встретила раскрасневшуюся Милку в дверях и пригласила на завтрак. В доме было тихо, маленький Вадимка спал, и взрослые ходили на цыпочках, чтобы не будить малыша. Тем не менее, на столе стояла миска с пирогами и стопка блинов, источающие жутко аппетитный запах.

— Как ты вовремя, мы как раз собирались садиться. А почему ты одна? Где Богдан?

— Спит ещё, я не стала его будить, он обычно поздно встаёт, — ответила Мила.

— Что-то случилось? — Алёна приглядывалась к ведунье, чувствуя неладное.

— Всё в порядке, не переживайте. Проснётся, сам придёт. Лёш, ты сможешь нас попозже до леса довезти, машину забрать? — перевела она разговор на другую тему.

— Егор отвезёт, — отмахнулся парень, усаживаясь за стол. — Ты мимо проходила, не заглядывала в машину, он ещё спит?

Милка мотнула головой, не желая сообщать об их с Егором разговоре. Приглашать гостя к столу пошла Машка. Егора посадили рядом с Меланьей, и весь завтрак она ярко ощущала идущую от парня волну желания. Несколько раз она даже ловила себя на том, что ей это действительно приятно, но гнала эти мысли, вспоминая Богдана. Егор же вёл себя невозмутимо, шутил, рассказывал истории, а под столом упорно старался незаметно дотронуться до ведуньи.

Позавтракали, потом Вадим проснулся, дом сразу наполнился детскими криками. Машка с Лёхой занялись малышом, Алёна мыла посуду, а Мила, сославшись на то, что пора будить Богдана, пошла в дом деда Степана. По дороге она вспоминала видение, пришедшее под утро. Богдану нужно рассказать, предупредить. А вдруг он тоже всё это видел? Ведь во сне он там присутствовал. Мила прибавила шаг.

Когда она вошла в комнату, то увидела, что её муж, лежит на кровати с открытыми глазами и не шевелится. Она немного подождала и позвала мужа по имени. Он даже не

моргал. Холодящий страх пробежал по телу крупными мурашками, крик ужаса застрял комом в горле, и только сухой шёпот беззвучно срывался с губ:

— Только не это, пожалуйста, только не это...

Подбежав к мужу, ведунья дотронулась рукой до его шеи. Богдан был мёртв. Время замерло. Скорбь тягостно повисла в воздухе. Хотелось плакать, но глаза были сухими, хотелось кричать, но ком в горле не давал этого сделать. Ведунья в бессилии села рядом с телом мужа.

— Уже одиннадцать, а они всё не идут, — волновалась Алёна.

— Тётъ Алён, а что вы хотели, — хохотнул Лёха и многозначительно поднял палец вверх, — дело-то молодое.

Но Алёна его не слушала, а набирала Милкин номер. Трубку никто не брал. Номер Богдана тоже без ответа.

— Пойду, схожу, — взволнованно проговорила женщина.

— Давайте я схожу, — вызвался Егор. — Потороплю, им же ещё в больницу ехать.

* * *

С порога Малой громко спросил: «Можно к вам?» Ответом ему была гробовая тишина. Парень немного подождал и шагнул в комнату. От увиденной картины он замер. На кровати неподвижно лежал Богдан, а рядом мерно покачиваясь сидела Милка. Он подошёл ближе и тронул её за плечо. Девушка этого даже не заметила, она была явно не в себе, смотрела в одну точку и постоянно повторяла: «Они его забрали. Они его забрали»

Егор набирал скорую...

37. Я так больше не могу...

Звонок в скорую, звонок Лёхе, кратко сообщить о случившемся, выдержать причитания и плач женщин, разговоры со службами, помощь Милке в заполнении документов, круговерть неотложных дел накрыла Егора. Лёха помогал.

Про себя он думал: «Хорошо, что мы здесь, кто бы им помог?» И тут же в голове всплыла последняя его мысль в сторону Богдана: «Пропади он пропадом этот колдун»

Нет, он не виноват в том, что случилось. Точно не виноват. Хотя примерное время смерти приходилось как раз на их с Милкой разговор. Ну и ладно, сейчас некогда об этом думать, он сделает всё, чем может помочь, а потом будь, что будет.

Когда все разъехались и дом опустел, можно было бы выдохнуть, но случилась ещё беда: у Меланьи открылось кровотечение. Срочно повезли в Смоленскую гинекологию. Там Егор навёл шороху, объясняя всем и каждому, что это не простая женщина, что ей нужна самая лучшая помощь и самые лучшие условия. Через час после госпитализации успокаивать заботливого «мужа» вышел сам заведующий отделением.

— Того, что вы оставили свой телефон на посту достаточно, — убеждал он Малого. — Вы привезли её вовремя, случай несложный, успокойтесь и идите домой. Ваша жена обязательно поправится.

— Она не моя жена, — потухшим голосом проговорил Егор.

— Хорошо, пусть так, но я вам обещаю, с ней всё будет в порядке.

— Доктор, вы за неё отвечаете, — из уст мужчины богатырского телосложения это звучало, как угроза.

Зав отделением терпеливо кивнул и с облегчением выдохнул, наблюдая за удаляющимся в сторону выхода мужчиной.

Потом потянулись дни рутины. На похороны мужа Милку не выписали, боясь, что новый стресс плохо повлияет на тонус матки. Она убеждала врача, как могла, но тот был непреклонен.

— Нельзя тебе нервничать, пойми, нельзя. У тебя двойня, а ты рвёшься к тому, кого уже не вернуть. Я понимаю — горе, но сейчас для тебя на первом месте должно быть здоровье малышей, — рядом с ревушей Милкой сидела медсестра и успокаивающе гладила по спине. — Подлечим тебя, восстановим, а потом и отпустим. Будь умничкой.

Каждый день в больницу приезжал Егор, привозил будущей маме всё что нужно. К нему уже настолько привыкли, что за глаза так и называли «муженёк», хотя знали, что это не так.

Милка постепенно оправлялась от внезапно свалившегося на неё горя. Лечение и успокоительные делали своё дело, мысли перестали хаотично метаться из стороны в сторону. Внимание начало переключаться со смерти на жизнь. К концу второй недели нахождения в стационаре она уже рассуждала спокойно. Врач назначил день выписки.

* * *

— А почему ты приехал? — спросила Меланья Лёху, медленно залезая в машину.

— Егору пришлось срочно уехать по делам, я тоже завтра поеду, и Маша со мной. Мы тебя пока у тёти Алёны оставим, а там за тобой отец приедет, отвезёт в Сухиничи.

— Да, да, я знаю, — растерянно отвечала Милка.

В деревне, увидев невестку, Алёна крепко её обняла. Женщины, потерявшие брата и мужа, снова расплакались.

— Тётъ Алён, ты обещала, — строго напомнил ей Лёха.

— Да, прости, как тут удержаться... — утирая слёзы платком, ответила Алёна. — Проходи, Милочка, хочешь отдохнуть?

— Не хочу, спасибо. В больнице наотдыхалась. Проводи меня на кладбище, на могилу к Богдану хочу.

— Может не надо? — перестраховывался Лёха. — Мы сейчас уедем, вы вдвоём остаётесь, мало ли что?

— Всё будет в порядке. Я уже успокоилась, — ответила ему Меланья.

— Ну, смотри, как знаешь.

* * *

На деревенском кладбище было тихо. Время подходило к обеду, и посетителей почти не было. Идя по проходу мимо могил, Милка старалась не смотреть по сторонам. Она сохраняла силы, чтобы увидеть мужа, пусть призрака, пусть безмолвного, но увидеть. Подойдя к кресту с венками, она поняла, что её надеждам не сбыться. Сколько не звала, Богдана она не чувствовала.

— Алён, а могила деда Степана далеко отсюда? — словно очнувшись ото сна, спросила она женщину.

— Да тут, рядом, — она рукой показала направление.

Милка подняла глаза от фотографии мужа и посмотрела в ту сторону, куда указывала сестра покойного. Увидев дымку с очертаниями старика, ведунья направилась в ту сторону. Алёну она жестом попросила не ходить за ней.

— Это вы? — мысленно обратилась она к Степану, когда подошла ближе.

— У нас не было выбора, наш род не должен страдать из-за слабых, — также беззвучно ответил ей старик.

— Вы могли просто лишить его дара, зачем душу забрали?

— А это был его выбор, он так сам решил. Ты его здесь не жди, он уже далеко. Зря ты меня тогда не послушала, зря, — призрак рассеялся, и ведунья направилась к выходу с кладбища.

— С тобой всё в порядке? — догнала её Алёна.

— Терпимо, — коротко кивнула Милка.

* * *

Отец забрал Меланью в Сухиничи, предлагал пожить с ней, чтобы она не чувствовала острого одиночества, но дочка отказывалась. Из дома она практически не выходила, иногда в магазин и в парк прогуляться. Живот рос, состояние малышей было в норме, сердечки бились и хорошо, а то, что они с ней больше не общаются, переживёт. Родятся, подрастут, научатся говорить, вот тогда и дадут ей порцию своих вопросов.

Ей часто звонил Егор, но она упорно не брала трубку. Лёха предлагал приехать помочь, но и здесь она отказывалась. Часто медитировала, не пропускала ни одного рассвета, копила силы на роды. Тянул недостроенный дом в Становке, но понимала, что сама с этим не справится. Отцу после операции на сердце стало лучше, но напрягать его такими заботами, как строительство не хотелось.

Однажды, сентябрьским вечером в её квартире раздался звонок.

— Опять ключи забыл, — пробурчала она, вставая с дивана и направляясь к двери. — Говорила же ему, прицепи к связке.

Она повернула два раза ручку замка и потянула на себя дверь. Это был не отец. На пороге стоял Егор.

Первой реакцией было закрыть дверь и не впускать его, но крепкая рука Малого не дала ей этого сделать. Не спрашивая разрешения, он зашёл и закрыл за собой дверь.

«Как хозяин», — мелькнуло в голове у Меланьи.

— Ты не берёшь трубку, поэтому я приехал, — ответил он на её немой вопрос.

— Чаю хочешь? — она стояла перед ним такая маленькая, хрупкая, с выпирающим животом.

— Я больше так не могу, — выдохнул он и, сделав шаг в её сторону, крепко обнял Милу, спрятав лицо в её огненные кудри. — Я не могу без тебя.

38. Я просто буду рядом

У него просто сносило крышу от одного её вида. Она такая красивая, такая точёная, такая сочная, такая желанная... Мысли об обладании этой рыжей ведьмой спотыкались об её большой, беременный живот. Да, её милые пухлые губки, её вздымающаяся от дыхания грудь...

Чтобы больше не видеть всего этого соблазна, Егор без разрешения ступил в квартиру и, обхватив её хрупкое тело своими огромными лапищами, прижал к себе крепко-крепко. Он зарылся лицом в лёгкий аромат её огненных кудрей и замер.

«О, как она прекрасна, как сладка, никогда бы не отпустил...»

Тем временем Мила тщетно пыталась выбраться из крепкого захвата Малого. Как тисками, он сжимал её всё сильнее, то что она ему говорила — он не слышал. Наконец, отведя ногу подальше назад, она с силой ударила его по голени.

— Егор, отпусти, мне больно!

Парень резко дёрнулся от боли и отпустил ведунью.

— Прости, прости, пожалуйста, — торопливо произносил он. — Я рядом с тобой теряю контроль, забываю обо всём, прости.

Он потирал саднящую ногу, а она оправляла переехавшую на бок футболку.

— Зачем ты приехал?

— Чтобы увидеть тебя.

— Увидел?

— Да.

— И что дальше?

— Я больше не оставлю тебя. Понимаешь, у меня всё сводит внутри от того, что ты не рядом. Я за эти два месяца так себя извёл, врагу не пожелаешь. Ты должна быть моей. Ты будешь моей. Ты уже моя.

Он говорил на полном серьёзе, в его взгляде не было даже тени сомнения, всё, что он сейчас говорил, было простым утверждением, будто других вариантов не существовало вовсе.

— Егор, вообще-то, такие вопросы решаются с учётом желания обеих сторон. Ты для себя всё решил, а меня не спросил? Вдруг я не согласна?

— А ты не согласна?

Этот простой, даже наивный вопрос привёл Милку в замешательство.

— Конечно не согласна, а ты был уверен, что я так сразу приму твоё предложение? Ты строил планы, даже не предусматривая мой отказ?

— Сколько тебе нужно времени, чтобы согласиться?

Похоже, он издевается над ней. Какое время? Какое согласие? Этого разговора вообще не должно быть, что он там себе напридумывал?

— Давай успокоимся и попьём чаю, — примиряюще предложила она. — Тебе уже поздно ехать домой, и я, так и быть, разрешу тебе здесь переночевать, а утром ты уедешь, хорошо?

— Хорошо, — послушно ответил Егор, но в его интонации Милка почувствовала, что он не сделает того, что обещает.

— Пойдём на кухню.

Идя впереди него, она спиной ощущала его силу. Эдакий медведь, человек гора, груда мускулов, и совершенно не вяжущийся с этим внешним видом добрый, заботливый взгляд. Он него веяло надёжностью, железобетонной надёжностью, а ещё она очень ярко ощущала его желание. И нет, это была не похоть, это было желание сделать своей, стать хозяином, взять ответственность на себя и дать ей расслабиться.

— Тебе положить сахар? — Меланья подошла к нему слишком близко, это было непростительной ошибкой, конечно же, он этим воспользовался.

Поймав её запястье в свою большую ладонь, он провел цепочку нежных поцелуев от кончиков пальцев, до сгиба локтя. Второй рукой он обнял её, по-хозяйски усаживая к себе на колени. Какой чай? Мила очнись, эти твои иллюзии, что ты всё можешь контролировать, разбились вдребезги о напирющую уверенность Егора. Ну почему ты не можешь ему противостоять? Выгони его, кем он себя возомнил? Но внутренняя борьба никак внешне не проявлялась. Её тело стало мягким и послушным, будто давно ждало, чтобы с ним поступали именно так.

Егор неотрывно смотрел на Меланью и гладил её по щекам, пропускал меж пальцев упругие рыжие локоны, касался её губ. Она была неподвижна. Замерла и еле дышала. Боится? Нет, скорее прислушивается к своим ощущениям. Как же она прекрасна. Он притянул её ближе и поцеловал в губы долгим, нежным поцелуем.

Она не оттолкнула, не возмутилась, но и не ответила на поцелуй. В какой-то момент он почувствовал, что она сильно напряглась.

— Что-то случилось? — спросил он. — Тебе неприятно?

— Толкаются, — с нежной улыбкой на губах произнесла она, прижав обе руки к выпирающему животу.

Егор, не спрашивая разрешения, поднял её футболку и аккуратно, одним пальцем, коснулся выпирающей сквозь кожу детской пяточки. Выпирающий бугорок втянулся, но тут же на его месте вырос новый, но уже крупнее.

— Головка? — заморожено касаясь её ребенка, спросил он.

Меланья молча кивнула.

— Кто там? Мальчик или девочка? — он даже не смотрел на неё. Поглаживание то там, то здесь выпирающих детских ручек и ножек захватило его полностью.

— Их двое, девочка и мальчик, — наблюдала Милка за Егором.

Парень поднял её со своих колен, слабо сопротивляющуюся отнёс в комнату, усадил на диван и, удобно расположившись возле её ног, продолжил играть с малышами.

— Ты знаешь, — вдруг оторвался он от своего занятия и посмотрел ей прямо в глаза. — Я не смогу выполнить то, что пообещал тебе.

Она хотела спросить «почему?», но вопрос застрял в охрипшем от удовольствия горле и наружу вырвался лишь сухой кашель. Малой тут же принёс воды с кухни.

— Я не смогу уехать завтра, я не хочу никуда уезжать, я останусь здесь, а если ты не согласна, то я увезу тебя к себе. Выбирай сама, где тебе лучше.

— Я не хочу никуда уезжать, — тихо проговорила она.

— Вот и хорошо, останемся пока здесь, а потом ты расскажешь мне то, как ты хочешь, и я сделаю всё, чтобы так оно и было. Договорились?

— Договорились, — неожидая сама от себя такой реакции, согласилась она.

— А теперь пойдём спать, моей малышке нужно хорошо отдохнуть. Не переживай, я не трону тебя, я просто буду рядом.

39. Веришь мне?

Меланья открыла глаза, и взгляд её упал на Егора.

— Ты почему не спишь? — удивлённо спросила она.

Егор, до этого лежавший рядом и неотрывно смотрящий на её лицо, широко улыбнулся.

— Какая же ты красивая, — он провёл своей рукой по её щеке и, наклонившись ближе, нежно поцеловал. — Я больше никогда тебя не оставлю, я всегда буду рядом, как же я по тебе скучал, пока ты спала.

Милка почувствовала, как у неё непроизвольно загорелись щёки. Почему она так реагирует? Почему ей неудобно слышать такое? Почему хочется спрятаться? Она смущённо улыбнулась и ответила:

— Это невозможно, ты сам не понимаешь того, что обещаешь мне.

Влюблённый взгляд приобрёл оттенок искреннего непонимания. Егор приподнялся на одном локте и уже смотрел сверху вниз:

— Почему ты так говоришь? Мне казалось, что вчера ты приняла моё предложение безоговорочно. Ты передумала?

Нет, я не передумала... — с ним рядом было так спокойно, так уверенно и так офигенно, что она ни разу даже не подумала о том, что не правильно делает.

— Тогда почему ты говоришь так, будто не веришь в меня?

Действительно, почему она так сказала? Она чувствует за ним огромную силу и потенциал, даже не прислушиваясь к его ауре, внутри образовалась стойкая уверенность в том, что теперь точно будет всё хорошо и спокойно. Для неё. Ни для ситуации в целом, ни для окружающих её родных и близких, а именно для неё. Именно с ним она сможет выдохнуть и больше не напрягаться.

— Извини, я говорю глупости, — проще было отступить, чем лезть в дебри и объяснять.

Мила заворчалась, чтобы сесть, и Егор тут же помог ей и подложил подушку под спину.

— Кофе в постель? — он посмотрел ей в глаза и весело подмигнул.

— Почему бы и нет? — улыбнулась она в ответ. — Только я сейчас кофе не пью, малышам вредно. Мы пьём чай.

— Чай так чай, — парень снова поцеловал её в губы и удалился на кухню.

Милке тоже пришлось встать, физиология беременной женщины пошла в разрез с романтикой. Потянуло в туалет. Потом Милка умылась и, завязав пышную шевелюру в хвост, отправилась на кухню. Егор жарил яичницу. Увидев её в дверях, он заметно расстроился, понимая, что завтрак на пушистом одеяле отменяется.

— У тебя тут столько разных пакетов и ёмкостей, я даже не знаю какой именно чай тебе заваривать, — он распахнул створку шкафа, в котором Меланья хранила травяные сборы.

Вместо ответа она подошла к другому шкафчику и открыла дверцу. Тут на полке стоял и заварник, и чай в стеклянной банке, и сахар. Достав всё необходимое и выставив на стол, она снова оказалась в объятиях этого огромного, но нежного богатыря.

За окном давным давно светило яркое солнышко, рассвет она сегодня проспала. Но на удивление сил было ни сколько не меньше, даже добавилось состояние лёгкой эйфории от близости мужского тела. Богдан? Вдруг вспомнила она своего покойного мужа. С ним такого не было. Была любовь, страсть, волшебное чувство полёта над миром, но не это...

Сейчас Меланья будто заземлялась, ощущала расслабленность, уверенность и абсолютную защищенность. А как же дети? Их отец ушёл, но ушло ли с ним обязательство змею и долг за спасение перед хрустальным драконом?

Егор чувствовал её, чувствовал то, как послушна, как не отталкивает, а наслаждается его близостью. Но не смотря на это, в ней ещё присутствовала какая-то необъяснимая напряжённость.

— О чём ты сейчас думаешь?

— Я боюсь за малышей, — легко призналась она, сама от себя не ожидая такой откровенности.

— Они в опасности? Что-то со здоровьем?

— Егор, ты же знаешь кто я?

— Да, я это знаю.

— А кем был Богдан, ты же тоже знаешь?

— Наши дети родятся с необычными способностями? Ты переживаешь за то, что обычный я не подойду для воспитания отпрысков колдуна и ведьмы?

Милка глубоко вздохнула. В том, что он будет замечательным отцом, она даже не сомневалась. Её напрягала неизвестность перед будущим малышей. До их тринадцатилетия она, как мать, сможет их оберегать и защищать. А что дальше? Дальше может произойти совершенно непредвиденное. Будет ли к этому готов Егор. Однозначно стоит ему рассказать

всю подноготную того, во что он так смело желает окунуться. Рассказать сейчас? Или позже?

Спасительным свистом зашёлся чайник, избавив от тяжёлых размышлений. Малой выпустил Милу из объятий и продолжил приготовление завтрака. Пока он заваривал чай и раскладывал еду по тарелкам, она молча наблюдала за ним, взвешивая и решая с чего начать этот разговор.

— Понимаешь, — несмело начала она, когда он уселся на табурет и принялся за яичницу. — Я уверена, что ты будешь самым лучшим папой, полюбишь их и станешь заботиться как о родных, но...

— Что но? — оторвавшись от еды, он посмотрел ей прямо в глаза. Во взгляде читалось нетерпение и вызов.

— Их биологический отец в своё время совершил необдуманные поступки... — осторожно подбирала она слова.

— Мил, не томи уже, что там такого натворил твой покойный муж, что ты боишься в этом признаться?

— Я не боюсь, я просто не знаю, как тебе это рассказывать, вдруг ты не поймёшь?

— А ты просто расскажи. Если тебе от этого будет спокойнее, я обещаю, что от своих прежних слов не откажусь. Я всегда буду рядом с тобой, в этом ты можешь быть уверена на сто процентов. Верешь мне?

— Верю.

— Ну тогда рассказывай!

40. Новый этап

Рассказ был долгим. Сначала Меланья в общих чертах поведала Егору про миры связанные с камнями, про их законы и населяющих их существ. Конечно, она сама много чего не знала, но общее представление передать смогла.

Потом она рассказала про деда Степана, про завещанную Богдану миссию Рода и про то, как он нарушил взятое на себя обязательство. Дальше шло самое главное, договор с Полозом и спасение Богдана из Хрустального мира.

— Мил, я не понимаю, почему ты уверена в том, что твоя дочь завещана змею? И вообще я никак не пойму, что значит завещана? Объясни мне. Если мы возьмём эти камни и спрячем их в такое место, где их никто не найдёт? Я правильно понял, что если нет камня, то нет и перехода?

— Если бы всё было так просто... — задумчиво протянула Меланья. — Я уверена в этом не просто так. Когда мы зачали малышей, я чувствовала их обоих, по-особенному чувствовала, у нас была связь. Богдан смеялся надо мной, но я ничего не придумывала, мы действительно общались. А потом произошла давно назревавшая схватка с Чёрным демоном. Это мой старый враг, которого не слабо подпитал ваш Лещ, помнишь такого?

— Лещ? Он что, тоже был колдуном? — искренне удивился Малой. — Никогда бы не сказал, хотя... Взгляд у него порой был безумный и бормотал вечно что-то.

— Нет, колдуном он не был, но видно был у него выход на иной мир. Именно Лещ тогда дал Чёрному проход в этот мир, а потом демон добрался и до меня. Сила ему моя очень нравилась, хотел получить любой ценой. Пожар в Становке и мои ожоги это его рук дело.

Немного помолчав, она продолжила:

— Когда я с Чёрным боролась, и у меня не хватало сил на защиту от его агрессии, то буквально на несколько минут я исчезла из нашего пространства. Я будто нырнула в

малахитовый мир, я точно помню его влажную зелень и тёмное небо. У меня не было камня, я не думала об этом мире, я думаю, что попала туда благодаря дочери, так она меня защитила, помогла. Она связана с миром змеев. Именно её Богдан пообещал Полозу. И именно после этой схватки Веста перестала со мной общаться. Будто пропала. Будто спряталась. Я думаю, её появление там заметили и приняли, именно поэтому я её больше не слышу.

— А сын?

— А с Ильёй я потеряла связь позже, когда Степана не послушала и Богдана полезла спасать. Старик предупреждал меня, что душа его внука потеряна, что спасти его уже нельзя, а если я продолжу борьбу, то потеряю и сына. Так и случилось, Илья тоже перестал со мной контактировать. А когда я присутствовала на сходке Родов, где решали судьбу Богдана, там Илья огласил, что уже сделал свой выбор и покидает род отца.

— Подожди-подожди, но физически твои дети с тобой, в тебе, они активны, я сам видел. Может всё обойдётся, Богдан умер, возможно он с собой в могилу и все грехи прибрал.

— Дай то Бог, — вздохнула Милка. — Я сама на это постоянно молюсь, может он потому и ушёл, чтобы отвести от детей то, во что их впутал. А может, и нет. Он всегда не договаривал, скрывал что-то, уходил от прямых ответов.

— Мил, но ты же умеешь общаться с мёртвыми, поговорила бы с ним.

— Я пробовала, нет с ним связи, не смогла установить, даже на могиле...

Молчание затянулось. Меланья перебирала в памяти произошедшие события, а Егор обдумывал кучу новой, свалившейся на него информации. Нет, он не включал заднюю, у него даже в мыслях не было сбегать, он просто соотносил и обдумывал.

— Иди сюда, — он притянул рыжую ведунью к себе на колени и крепко сжал в объятиях.

В обычном мире он умел решать проблемы, не раз помогал вытаскивать друзей из передраг, где силой, где упорством. Но параллельные миры и колдовская магия — это не про него. Здесь он совершенно бессилен. Как помочь, если ты полный ноль в данной сфере? Как успокоить и дать спокойствие любимой женщине?

— Мил, я может сейчас и глупый вопрос задам, но скажи, малыши ведь родятся? Я имею в виду физически. Ты же собираешься в роддом? Там же всё будет происходить как у всех женщин, правильно? У тебя будут роды?

— Конечно, будут, — в объятиях Егора становилось спокойнее. — Физически всё будет происходить, как и у всех, тела рождаются точно. А вот что будет с душами? Придут ли они в новые тела, или останутся в тех мирах, неизвестно...

— А ты ещё говорила про 13 лет, помнишь? Что ты имела в виду?

— До 13 лет я, как мать, могу их защищать от всяческих колдовских нападков. Я очень надеюсь, что смогу это сделать, я готовлюсь к этому, коплю силы, создаю защитную магию.

— А после 13 лет?

— После они должны будут сами выбрать себе путь и следовать по нему самостоятельно. Я уже не смогу повлиять на их решения.

— То есть, они могут и не выбрать магию?

— Если захотят, то смогут и отказаться.

Лицо Егора осветила довольная улыбка, ему показалось, что именно здесь выход, то что им нужно — просто и лежит на поверхности.

— Мила, мы будем их воспитывать так, чтобы они ничего не узнали про колдовство. Мы уедем отсюда подальше, чтобы злые языки не смогли им рассказать об их происхождении. Ты полностью перестанешь практиковать свою магию, им просто неоткуда будет узнать о возможных способностях. Как тебе идея?

Меланья задумалась. Тринадцать лет — это большой срок. Возможно, Егор прав. Если оградить детей от любого проявления колдовства, то откуда они узнают о том, что могут? Конечно, с её стороны будет трудно полностью отказаться от применения своих сил, но это на благо малышей. А вдруг это сможет их уберечь?

Она обвила руками шею своего нового мужчины и прижалась к нему щекой. Вот и новый этап пути. Ради детей она готова пожертвовать привычной жизнью и скрыть от всех свою ведьминскую сущность.

— Егор, нам придётся уехать действительно далеко. Здесь про меня слишком наслышаны. Ты готов на это?

— Ради тебя и малышей я готов на всё!

41. Гони вперёд!

До ноября оставалось совсем мало времени, а успеть нужно много. Подбор подходящего места и переезд дело не простое. Тем более, что нужен не соседний город, и даже не граничащая область, а то, что гораздо дальше и желательно не густонаселённое.

Перебрали кучу вариантов, а место нашлось само собой. Егору позвонила мать и сообщила, что её сестра, бездетная двоюродная тётка Малого умерла, а по завещанию свой дом с участком в Воронцовке оставила единственному племяннику. Срок вступления в наследство уже настал, и поэтому нужно было срочно ехать в Москву, утрясать дела с бумагами.

— Береги себя, — обнимал Малой Милу перед отъездом. — Я всё решу с этим домом потом доеду туда, посмотрю место и его состояние, а ты постарайся не нервничать и не связываться ни во что. Помни, тебе нужно уже привыкать к тому, что ты обычный человек, знаю, для тебя это будет не просто, но ты справишься.

Мила отпускала Егора с тоской, за то недолгое время, пока они жили вместе, она полностью растворилась в нём, безоговорочно приняв его заботу и отдав ему полностью бразды правления. От того, что больше не нужно было принимать решения, искать выходы и контролировать ситуацию, стало так легко. Ну и пусть она не будет пользоваться силой, ну и пусть станет обычной, ничем не примечательной женщиной с детьми, зато есть шанс, что малыши будут расти обычными и никогда не узнают о своих возможных магических способностях.

Где-то в глубине души скрёбся червячок сомнений, по привычке призывая всё перепроверить, взять карты, призвать и спросить духов. Но уверенность в правильности принятого решения сильно его глушила. Да и не хотелось ничего делать, устала. Третий триместр беременности давался тяжело, огромный живот, постоянные отёки и дикая усталость.

Когда Егор уехал, Милка позвала в гости отца, нужно было ему всё рассказать. То, что у дочери появился новый мужчина, Михаил воспринял спокойно, понимал, что трудно ей будет одной с детишками, выбор одобрил. А вот новость о переезде его сильно возмутила:

— Мила, я не понимаю, ну почему нельзя остаться здесь? Мы поможем, всем вместе легче будет. Ты только представь, уедите за тридевять земель, незнакомое место, ни единой родной души, даже поговорить не с кем. Подумайте хорошенько. Здесь всё своё, родное.

— Пап, мы подумали, честно. Если бы мы ещё сомневались, я бы тебе не говорила. Это сейчас самое лучшее для нас решение. Ну а потом, как выведет.

* * *

Егор вернулся в Сухиничи довольный: дом крепкий, на участке сад, свет, газ и вода есть, а что ещё нужно? Тянуть с переездом не стали, взяли самое необходимое и поехали. Путь до Воронцовки не близкий, Ейский район, побережье Таганрогского залива. В дороге было трудно, часто останавливались, но справились. Когда приехали на место, Милка была в полном восторге.

Сентябрь в Калужской области и здесь разительно отличались. Солнце как бешеное светило с утра до вечера, давая невероятный прилив сил. Милка втихую от Егора ворожила, приводила дом в порядок, ставила защиту, лад приваживала. Парень тоже времени не терял. Тётка, от которой дом остался, сдавала в сезон комнаты отдыхающим, которые располагались в отдельном здании, Егор хозяйничал там.

Магазины в селе были, за крупными покупками ездили в Ейск. Там же Меланья встала на учёт в гинекологии, где проходила плановые осмотры. Сентябрь закончился, начался октябрь, на второй половине ноября планировалось рождение малышкой. Комната, мебель, вещи, всё уже было подготовлено, время мерно отсчитывало минуты, часы, дни...

* * *

Однажды ночью взволнованным голосом Милка разбудила Егора:

— Пора!

— Темно ж ещё, — парень спросонья подумал, что уже утро, и она его просто будит.

— Егор, мне пора в роддом, просыпайся, ты должен меня отвезти!

Малой вскочил как ужаленный, не задавая лишних вопросов, он быстро перетаскал в машину вещи, помог Миле удобнее устроиться на сидении и погнал в город. От Воронцовки до Ейского роддома около двадцати километров, приехать должны быстро, ночь, дороги свободные.

Спустя полчаса езды парень напрягся и постучал по экрану телефона, на котором был включен навигатор. Дорога на дисплее гаджета замерла. Скорость около восьмидесяти километров, в темноте по обе стороны дороги мелькают дорожные знаки и фонарные столбы. Неужели не туда свернули?

Егор остановился у обочины и открыл дверь автомобиля.

— Что-то случилось? — натужно спросила Меланья.

Схватки были ещё не очень частыми, но медлить всё равно нельзя.

— Мил, как ты себя чувствуешь? — в голосе Малого Милка уловила нотки беспокойства и нерешительности.

— Я нормально, — откликнулась она, — а что там у тебя произошло?

— Не знаю даже, как и сказать, — замялся Егор. — Здесь такое дело...

— Не вынуждай меня подниматься и смотреть самой, говори уже, неужели застряли? Вроде асфальт кругом, погода сухая.

— Кароче, то ли мы не туда свернули, хотя я ехал строго по навигатору, то ли произошло что-то необъяснимое. Дорога какая-то странная.

— Как это, странная? Егор объясни нормально, я ничего не понимаю!

— Так я тоже ничего не понимаю, буквально минуту назад я остановился у обочины шоссе, чтобы выйти. А теперь вместо шоссе, что-то непонятное...

Меланья привстала, открыла дверь со своей стороны и начала медленно вылезать из

машины. То что она увидела совсем её не обрадовало. С левой обочины на шоссе медленно напозал густой тёмно-зелёный мох. Он разрастался с ошеломительной для естественных условий скоростью. За пару минут, пока они глазели на это зрелище, мох отвоевал почти полметра дорожного полотна.

С другой стороны дорога на глазах покрывалась льдом. Егор обежал авто и вытащил из багажника сапёрскую лопатку. Быстрыми движениями он начал колоть ползущие на дорогу льдины. Они раскалывались на мелкие осколки, но тут же будто срастались обратно и продолжали своё движение к середине.

— Скорее, садись за руль и едь прямо, — скомандовала Милка, залезая обратно в авто.

Егор не спорил, завёл машину и тронулся, держась центра шоссе. Сюда ещё не добрались ни мох, ни лёд.

— Смотри только на асфальт, на то, что будет вокруг, внимания не обращай, ты должен ехать ровно по центру, остальное я сделаю сама. Егор не тормози, набирай скорость, и гони прямо. Просто гони и ни о чём не спрашивай.

42. Роды

— Егор, быстрее, ещё быстрее!

Она полулежала на переднем пассажирском сидении и держала поднятые руки с обращёнными к дороге ладонями. Лицо её было напряжённым и сосредоточенным, глаза прищурены, губы поджаты, на лбу выступали маленькие капельки пота. Время от времени её накрывала подходящая схватка, тогда она стонала, часто дышала, но рук не опускала.

То, что происходило на шоссе, напоминало Малому фантастический фильм. Они ехали в машине по светящемуся коридору. В боковых окнах Егор видел нереальные картинки. Левое окно было сильно запотевшее, но даже через плотную рябь мелких капелек были видны огромные тёмно-зелёные стволы деревьев и свисающие вниз толи ветви, толи лианы. Правое окно было покрыто тонким льдом, будто замёрзшее окошко зимой, резные узоры на нём не давали разглядеть, что снаружи.

Через лобовое стекло было видно только низкий тоннель из белых всполохов энергии и дорожное полотно со сплошной линией посередине. Милка постоянно просила ускориться, спидометр уже показывал сто километров в час. Было нереально страшно, потому что скорость совершенно не чувствовалась, но она была. Тоннель, который держала ведунья был прямым, но постепенно сужался, его своды нависали над машиной, и казалось, что вот-вот и они чиркнутся об кузов. Но в эти моменты Милка громко стонала, и своды тоннеля приподнимались.

Он несколько раз бросал взгляд на Меланью, чтобы проверить как она, но ведунья тут же переключала его внимание на дорогу.

— Егор, пожалуйста, не смотри по сторонам, сконцентрируйся только на дороге, держись за неё глазами, не отпускай, мне так легче, пожалуйста!

Он слушался, смотрел только на белую линию посередине и старался гнать от себя дурные мысли, хотя это было самым сложным. У него в машине его любимая женщина, у неё учащаются схватки, вокруг творится настоящий хаос и совершенно непонятно, когда это всё закончится и закончится ли...

Время будто замерло, ревуший мотор, светящийся тоннель, серая лента асфальта под колёсами. И вдруг по ушам резанул оглушающий звук клаксона встречного автомобиля, глаза ослепило ярким светом. Егор рванул руль вправо уходя от встречного столкновения. В свете фат глаза увидели обочину, гравий и траву. На их счастье этот участок дороги проходил

через поле, отбойников и кюветов не было, машина остановилась, и парень с облегчением выдохнул.

— Офигеть, Мил, что это было?

Но повернувшись к Меланье, он увидел, что та без сознания. Малой попробовал привести её в чувства, но у него ничего не получилось.

— У вас там всё в порядке, — с той стороны дороги к машине Егора бежал худощавый мужик невысокого роста.

— Да, — опустив стекло на двери, ответил Малой. — Извини, брат, жену в роддом везу, некогда.

Не теряя времени, он завёл двигатель и вырулил обратно на дорогу. Мужик проводил их машину взглядом, про себя удивляясь такому безответственному стилю вождения.

От того места, где они вынырнули из светового тоннеля, до города оставалось буквально пять минут езды. Егор гнал, видя, что Милка так и не приходит в сознание. По дороге он её всё время звал и просил открыть глаза, но по итогу в родильное отделение её повезли на каталке.

На приёмном посту Малой отдал медсёстрам сумки, Милкин телефон для связи и убедительно попросил связаться с ним, как только она очнётся. Ему кивали и параллельно делали свои дела. Егор чувствовал, что тут никому до него нет дела, для них это рутина и прислушиваться, а тем более входить в положение никто не будет.

— Чёрт возьми! — громко выругался он и стукнул кулаком по стойке регистратора.

В помещении тут же повисла гнетущая тишина, все обернулись на источник звука.

— Послушайте меня, — громко заговорил Егор. — У неё были схватки, они учащались, а потом она потеряла сознание. Я не просто так вам это говорю. Проверьте, может ей нужна специальная помощь.

Одна из медсестёр спешно удалилась по коридору отделения, вторая невозмутимым голосом отчитала Малого.

— Мужчина, вы привезли свою жену в родильное отделение, а не к терапевту. Мы прекрасно знаем свою работу. Поверьте, доктор уже осматривает пациентку и сделает всё, что необходимо в данном случае.

— Спасибо, — тихо ответил он и добавил. — Я могу сделать что-то, чтобы улучшить или облегчить? Ну короче, чтобы ей было хорошо.

— Отправляйтесь домой и ни о чём не беспокойтесь, у нас хороший роддом, всё с вашей женой будет в порядке.

Находиться здесь больше не было смысла, он вышел из здания, сел в машину и направился к дому. На улице уже светало, Егор ехал медленно и постоянно разглядывал обочины дороги. Ничего странного он не замечал, обычный для этой местности пейзаж, никаких огромных деревьев во мху и никакого льда. До самого дома он доехал без происшествий, но внутри колбасило от того, что не знает как там она. Чтобы не изводить себя бесконечными терзаниями «а вдруг...», «а что если...» и так далее, Егор занялся крышей постройки с комнатами для отдыхающих. Погода была тёплая, небо затянуто плотными облаками, но дождя не обещали. С приготовленными заранее листами железа, Малой полез на верх.

* * *

Милка родина на удивление быстро и легко. Только её завезли в отделение и дали нашатырь в нос, как она пришла в сознание. Схватки ощутила сразу, они стали гораздо чаще,

чем были по дороге в машине. И хотя сил у неё практически не осталось, всё потратила, чтобы вырваться, защититься от нападения тех миров, но, как говорится, открылось второе дыхание. К тому же время родов пришлось на рассвет, который хорошо подпитал ведунью.

Первой родилась Веста, потом врачи дали роженице немного передохнуть, и вслед за сестрой родился Илья. Милка уставшая и довольная лежала на кушетке и смотрела, как два её любимых кулёчка лежат под согревающей лампой. На животе лёд, в глазах слёзы счастья. Уберегла, доехала, не сгнула по пути сюда. Хотя в планах тех, кто чинил ей препятствия, явно было именно это. Но ничего, она ещё поборется, у неё хватит сил, и дай Бог всё будет так, как она задумала.

Пришла акушерка и поинтересовалась самочувствием и похвалила:

— Поздравляю, мамочка, красивых рыжиков родила, детки прямо огонь. Принести тебе телефон, папочку радовать будешь?

— Если можно, то да, принесите, пожалуйста, — сейчас она Егора успокоит, а то тот наверняка себе места не находит от безызначности.

— Хорошо, сейчас принесу.

43. Двойняшки

— Привет, — и сама удивилась от такой концентрации нежности в своём голосе.

— Привет, как ты? — от голоса Егора по телу побежали крупные мурашки удовольствия, переживал, любит, приятно.

— У нас всё хорошо, лежим, отдыхаем. Первой дочка родилась, вторым сын, — на губах Меланьи играла улыбка, усталость от процесса ненавязчиво убавкивала, хотелось закрыть глаза и поспать.

— Ты молодец, умничка, как бы я хотел сейчас быть рядом с тобой, люблю тебя! — его слова дали ощущение крепких объятий, будто он здесь, будто его крепкие большие руки взяли её в охапку и, приподняв, прижили к широкой груди.

В родильный зал заглянула акушерка:

— Минут через десять будем тебя в палату переводить.

Милка кивнула и ответила уже Егору:

— Нас в палату сейчас повезут, как обустроимся — я тебе позвоню.

— Хорошо, буду ждать, — ответил Малой.

Милка нажала на отбой вызова и прикрыла веки. Это такое интересное ощущение внутри, нежность, любовь и полное доверие. Сейчас ей хотелось обнять весь мир и подарить каждому частичку своего тепла. Говорят роды изматывают, оказывается они ещё и наполняют неслабо. Как хорошо.

Вскоре пришли акушерки, они переложили детей в люльки, помогла Меланье перебраться на каталку, и всех вместе транспортировали в палату. Оказавшись на достаточно мягком матрасе и подушке, Милка отключилась. Проснулась она спустя час от детского плача. Открыла глаза и увидела свою соседку по палате, тщетно пытающуюся укачать младенца.

— Возьми его вертикально и слегка поприседай, — интуитивно уловила Мила то, чего хотелось маленькому человечку.

Соседка послушалась, и её малыш тут же успокоился.

— У меня он первый, — смущённо улыбнулась приятная круглолицая девушка со светлыми волосами. — А ты уже опытная в этом деле?

— Я тоже в первый раз, просто вспомнила, что мне советовали, — улыбнулась в ответ

Милка.

— Понятно, а у тебя кто? — кивнула блондинка в сторону люлек с малышами.

— Дочка и сын, — от произнесённых вслух слов по венам волной прокатилась гордость.

— Сложно тебе будет сразу с двумя, — сочувственно зацокала языком соседка. — У нас в станице девчонка с двойней была, так ей постоянно кто-то помогал, то бабушки, то дедушки. То один не спит, то другой орёт, как вспомню её рассказы, так дрожь берёт. Она говорила, что практически не спала нормально.

— Как тут у вас дела? — в дверь заглянула полная румяная женщина в белом халате.

— Анна Сергеевна, у нас всё хорошо, — отозвалась Милкина соседка по палате.

— А у вас как, — обратилась акушерка к Меланье.

— Я только проснулась, а дети похоже ещё спят, — посмотрела Мила на два плотно запелёнутых кулёчка, сладко сопящих каждый в своей люльке.

— Давай посмотрим, может уже кормить пора, — направились женщина к малышам.

Следующие четверть часа Анна Сергеевна показывала как и помогала Милке кормить двойняшек. Какие же они славные. Новоиспечённая мамочка смотрела на крошечные лица своих детей и умилялась каждой их ужимке. Потом акушерка показала, как подмывать, обрабатывать нежную кожу малышей, пеленать. Терпеливо ответила на целую кучу мамских вопросов и, закончив, удалилась.

* * *

Пять дней в роддоме тянулись долго. Каждый день и по несколько раз Мила созванивалась с Егором и отмечала, что он действительно ждёт малышкой, не смотря на то, что они не его. В голосе Малого ощущались такие нежные нотки, когда он расспрашивал про самочувствие детей, что Милка прямо млела от удовольствия.

Наконец-то пришёл день выписки. Счастливая Мила вышла в зал, где её ожидал Егор. С огромным букетом цветов, он бросился ей навстречу и крепко сжал в своих объятиях.

— Егор, мне дышать нечем, — тихо запротестовала она.

Ослабив хватку, Малой нежно припал к её губам, осыпал поцелуями её лоб, щёки, руки.

— Как же я тебя люблю!

В зал вышла акушерка с двумя нарядными конвертами голубого и розового цвета.

— Принимай, папочка!

Егор смело взял из её рук обеих детей и попеременно разглядывал то одного, то второго.

— Они очень похожи на тебя, — ласково посмотрел он на Меланью.

— Особенно цветом волос, — улыбнулась она ему в ответ.

Домой добрались без приключений. Никакие силы не препятствовали, никаких видений не возникало. Дома тоже было всё спокойно. Жизнь потекла своим неспешным чередом. Мила занималась малышами, Егор во всём ей старался помогать. Семья получилась дружной и любящей.

За заботами проносились незаметно не только минуты и часы, малышам отметили первый годик, потом второй и уже третий. Во дворе дома с большим фруктовым садом кипела жизнь. Детские крики и смех наполняли пространство тёплым счастьем.

Двойняшки были очень дружны, практически не ссорились, разве только по мелочам. Веста росла очень бойкой и весёлой девочкой, жизнь вокруг неё всегда бурлила событиями. Жгучее любопытство малышки порой доводило родителей до иступления, ей было интересно абсолютно всё.

Илья же наоборот, не смотря на свой совсем юный возраст, был очень рассудительным, думающим, ответственным. Он легко гасил вспышки интереса сестры своими длинными и очень похожими на правду фантазиями. Веста, как замороженная могла подолгу слушать то, что он сочинял для неё. А потом, немного передохнув, они снова мчались к новой игре.

Детского садика в Воронцовке не было, но детей кругом было очень много. Когда двойняшкам исполнилось по четыре, Мила разрешила приглашать к себе в гости их друзей. Теперь во дворе дома было не просто шумно, но ещё и очень людно. Весту и Ильюху любили все. Причём странным было то, что Веста в основном любила мальчишечьи игры, быстро бегала, лазила по деревьям, старалась во всём побеждать. А Илью просто обожали местные девочки. Нет, он не играл с ними в куклы, но от его выдуманных рассказов малышки млели и смиренно сидели на лавочке, раскрыв рты от удовольствия.

— Мил, — однажды обратился к любимой Егор на кухне, в то время когда она вытирала помытую посуду. — Ты когда-нибудь прислушивалась к тому, что Илья рассказывает своим маленьким поклонницам?

— Нет, — по интонации мужа Милка поняла, что он спросил об этом не просто так, и напряглась.

— А я сегодня стал случайным слушателем этих «сказок». Илья рассказывал девочкам, что он на самом деле настоящий дракон, и когда достигнет нужного возраста, то ему придётся покинуть эти места и вернуться в свой родной мир. А на просьбы девочек взять их с собой, он говорил, что пойдёт туда один и взять никого не сможет.

— Нужного возраста? — от осознания того, что те миры их не забыли, что они совсем рядом и просто ждут, Милка сильно побледнела и без сил села на стоящий рядом стул. — Егор, ты не слышал, что он говорил про возраст? Когда он собирается туда уйти? Ты не слышал от него хоть какое-нибудь описание того мира?

— Илья называл мир хрустальным...

44. Он добрый, он поможет

В голове хаотично проносились совершенно разные картинки их будущего. Вот рыжики играют в саду, вот они вместе с родителями носятся по ракушечнику возле моря, вот в ясное солнечное утро она помогает одеть им ранцы и провожает в школу.

«Стоп!» — Милка изо всех сил зажмуривается, отгоняя нахлынувшие видения. Хватается за край стола так, что белеют костяшки пальцев, шумно дышит, принудительно закрывая поток идущей информации.

— Что с тобой? Мила, ты здесь? — Егор трясёт за плечо, а видения не отступают, плотным кольцом обступают, кружат, пытаются дотянуться.

— Сейчас, сейчас... — отвечает она мужчине, призывая подождать.

Да, она понимает, что схватку с мирами не выиграла. Прекрасно представляет, что эти параллели снова и снова будут врывать в их размеренную жизнь. Но видит Бог, она не хочет видеть момент, когда дети сделают выбор. Она не хочет сейчас узнать и постоянно думать об этом дне, ждать его приближения, стараться успеть. Она просто хочет жить со своей семьёй, жить спокойно и дружно, разве это много?

Егор стоял рядом с любимой и наблюдал, как Меланья, зажмурившись и обхватив голову руками, мерно раскачивается на стуле. Он не понимал, как может ей помочь, но интуитивно чувствовал, что её нужно успокоить. Парень сделал шаг в её сторону, легко поднял её со стула, сел сам и посадил Милу себе на колени. Она его девочка, маленькая хрупкая ведьмочка, ей сейчас очень трудно, во всём её теле такое напряжение, что кажется

если её не обнимать крепко-крепко, то она просто взорвётся. Он отнял её тонкие руки от головы, опустив их себе колени, одной рукой крепко обнял, а другой гладил её пышные огненные кудри. Он целовал её, вдыхая еле уловимый запах сосен и свежего бриза, идущий от её волос. Он покачивал её, как малышку, которая очень испугалась и никак не может успокоиться. Он шептал ей, что всегда будет рядом, что будет защищать и оберегать, что никому и никогда не отдаст...

— Егор, спасибо, — будто вынырнув из своего бессознательного состояния, ответила мужу Меланья.

— Пожалуйста, — с простодушной улыбкой на лице ответил Малой.

— Отпусти меня, пожалуйста, — Милка терпеливо ждала, пока её муж-богатырь ослабит хватку и даст свободу её телу.

— Извини, — не переставая улыбаться, выпустил он её из своих объятий.

Милка встала с колен Егора, прошлась по кухне, словно вспоминая, зачем она здесь, взглянула на часы и грустно усмехнулась:

— Пока ты тут меня успокаивал, время обеда подошло, пора на стол накрывать, позовёшь ребят?

— Да, конечно, — ответил Егор и потопал во двор, откуда доносились детские крики.

«Ничего, время ещё есть», — мысленно успокаивала Милка сама себя. — «Нужно успокоиться и разузнать всё, что уже открылось Илье. И исходя из этого думать дальше».

По коридору разлетелись громкие голоса их малышей. Четырёхлетки ещё совсем маленькие, хотя уже такие самостоятельные. Всё умеют, всё хотят делать сами, а головы такие светлые, самое время вкладывать туда нужные семена. Искреннее любопытство, жажда новых знаний и неуёмная энергия позволят получить хорошие всходы. А дальше останется периодически поливать и обеспечивать хорошим питанием, тогда в их головах будут правильные мысли, которые не приведут к необдуманным поступкам.

Точно. Только одно «но» осталось решить, Егор категорически против колдовства в их семье. Они ещё тогда вместе приняли решение оставить это, забыть навсегда и жить обычной жизнью. Но теперь похоже наступили непредвиденные обстоятельства. Эту договорённость придётся нарушить.

— Илюш, а расскажи маме про твой хрустальный мир? — как бы невзначай Меланья задала вопрос сыну, когда он помогал ей убирать тарелки со стола после обеда.

Егора позвал на улицу сосед, Веста убежала вслед за отцом, а маленький Илья остался помогать маме. Услышав её вопрос, рыжий паренёк нахмурился. Поджал пухлые детские губы, сжал маленькие кулочки на тонких ручках:

— Мама, это тайна, ты что, подслушивала?

— Нет, что ты, как ты мог про меня такое подумать? — успокаивающе погладила она его по рыжим завиткам на голове. — Я слышала, как девочки жаловались, что ты не хочешь их брать с собой, вот мне и стало интересно.

— Вообще-то мне нельзя тебе про это рассказывать, — насупился малыш.

— Я никому не расскажу, — сделала Милка серьёзное лицо. — Обещаю! — она изобразила, что понарошку закрывает рот на замок и выбрасывает ключик, мальчишка поверил.

— Мам, — начал он полушёпотом, — ты просто не представляешь, что это за мир. Там так здорово, совсем не так как здесь. Я там становлюсь волшебником, настоящим, могу даже воду из рук выпускать струями, могу сильно дуть и выпускать изо рта маленькие кусочки

льда, а когда они падают на землю, то в этом месте вырастает прозрачная травка.

— Как здорово, — захлопала Мила в ладоши, всем видом показывая Илье, что она с ним на одной волне и совершенно не осуждает. — А как ты туда попадаешь? Можешь показать мне этот мир? — главное не спугнуть, она мама, и он априори ей доверяет, но даже один неверный шаг может спровоцировать то, что малыш замкнётся и не расскажет дальше.

Илья задумался, видно было, как в его голове происходят тяжёлые мысленные процессы.

— Я не знаю, как я туда попадаю, просто попадаю и всё!

— Понятно, — сделала Мила разочарованное выражение лица.

— Mam, ты не переживай, я спрошу у дракона, как тебе туда попасть, я думаю он поможет, он очень добрый.

— У дракона? У какого дракона? — сердце Милы колотило в груди как молот, Илья не просто попадает в тот мир, он ещё и контактирует с драконом.

— Дракон — это хозяин, он меня учит разным волшебным штукам. Правда, он говорил никому не рассказывать о нём, но ты же меня не выдашь?

— Нет, конечно же не выдам, можешь даже не сомневаться! А что ещё тебе говорил этот дракон? Почему он боится, что о нём узнают? — Боже, как же тяжело это слушать и сохранять невозмутимый вид.

— Ну, он говорил, — Илья замешкался подбирая слова, — он говорил, что только я могу туда попадать, в его мир, а если другие об этом узнают, то будут считать меня вруном и смеяться надо мной.

— Понятно, — кивнула Меланья, всем своим видом показывая сыну, что понимает его и не осуждает. — И даже сестру нельзя с собой брать? Вы же с Вестой так дружны, ей дракон тоже не разрешает попадать в тот мир?

— Mam, — отмахнулся Илья, — у Весты свой мир есть, правда другой, не такой как у меня. Она мне сама рассказывала, — и тут же, поняв, что сболтнул лишнего, мальчуган закрыл рот ладошками. — Mam, только не говори Весте, что я тебе рассказал, а то она меня убьёт, — испуганно прошептал Илюшка.

— Я не скажу, не бойся, только почему ты так про сестру говоришь? Как же она тебя убьёт, вы же родные, она тебя любит.

— Любит, — совсем не по-детски усмехнулся Илья. — Она на меня змей натравливала, они её знаешь как слушаются, ей даже говорить ничего не нужно, только зыркнет и всё, еле успеваешь удирать. Зато я заметил, что змеи солнца боятся. Как выбежишь из тени, так за тобой никто больше не гонится.

В дом вошёл Егор, и мальчик сразу приложил палец к губам, напоминая матери, что всё рассказанное им — тайна. Мила согласно кивнула, и Илюшка убежал во двор гулять.

— О чём вы тут беседовали? — подойдя ближе и обняв жену, спросил Егор.

— Мы беседовали о других мирах. Егор, я понимаю твоё несогласие, но мне придётся учить их тому, что умею сама. Придётся...

45. А кто этот Богдан?

Чтобы не напугать детей правдой их происхождения, Мила начала рассказывать им на ночь необычные сказки. Эти маленькие, придуманные ей истории, были наполнены волшебством. Начала она издалека, рассказывала про создание мира, про его богов, про населяющих мир существ. Постепенно дети включились в эту игру и попутно задавали уточняющие вопросы и делились своим видением.

Илья был очень внимателен к рассказам, он замечал каждую мелочь, дотошно расспрашивал, если ему что-то казалось непонятным. Весте же наоборот сказки казались скучными и не интересными. Но когда брат начинал свои долгие «почему» и «а как», то девочка прислушивалась, её взгляд становился серьёзным и задумчивым одновременно.

Мила не спешила, она точно знала, что до тринадцати лет дети находятся под её защитой, и утешить насовсем их в тот мир нельзя. И всё же сказки сказками, а правда начала проявляться. Ребята доверились матери и, кто полностью, кто кусочками, рассказали про свои волшебные миры. Им было интересно, почему только они видят это, почему не могут разделить это волшебство с друзьями или хотя бы с родителями. И вот тут уже пришло время рассказать про историю их рождения.

Изначально у Меланьи с Егором была договорённость не говорить малышам о их настоящем отце, но теперь, в свете последних событий и эту условность пришлось пересмотреть.

— Егор, пойми, если не рассказать про Богдана, то не будет настоящей полной картины. Они всё равно любят тебя, ты для них настоящий отец, кроме тебя они в этой роли никого не видели и не увидят. Пожалуйста, не противься. На примере Богдана я смогу многое им показать и объяснить.

Егор молчал и отводил взгляд. Он и сам хорошо понимал, что это нужно, но как за последнюю соломинку хватался за возможность умолчать данный факт. С Милой они расписались, по бумагам дети были его, Богдан в их дальнейшей жизни вообще не планировался. Да и Милка обещала, что перевернёт эту страницу жизни и не будет к ней возвращаться.

— Егор, пожалуйста, я знаю, что тебе это неприятно, я помню, что обещала, но ты же видишь, от наследства отца им не убежать. Я смогу хоть немного их подготовить, я научу азам, расскажу, что и зачем. Сейчас они воспринимают эти миры, как сказку. Дети не ведают всей правды, их знания интуитивны, неглубоки и основаны в основном на том, что они видели и о чём им там говорили. Егор, я не могу нарушить данное тебе слово, поэтому я прошу тебя, чтобы ты сам разрешил рассказать им про кровного отца.

У Малого при виде просящей Милки всё внутри переворачивалось. Сколько ещё она сможет их здесь удерживать, сколько времени её защита будет сильна, как долго их дети будут рядом с ними. И если Илью он старался воспитывать по-мужски, дать ему понятия поступков и ответственности, то Веста для него была любимой маленькой принцессой. Её рыжие кудряшки, точь-в-точь как у матери, сводили его с ума. Её неутомность, быстрота и детская непосредственность смешивались в такой коктейль, от которого срывало крышу и хотелось оградить и защитить её от всего вокруг.

— Хорошо, допустим, ты расскажешь им про кровного отца, чем это поможет в данной ситуации?

— Они увидят, что эти миры не так безобидны, как они себе их представляют. Я смогу донести до них, какие последствия могут быть от игр с параллелями. Это же не игра, Егор, а они воспринимают происходящее именно в этом ключе, — Меланья чуть не плакала.

По сути она могла и не уговаривать Малого, взять всё как обычно в свои руки и делать то, что ей казалось единственно правильным в данном случае, но нет... Она очень ценила этот союз, их с Егором отношения были идеальными, нельзя рушить то, что так долго создавалось.

Ведунья подошла к мужу и нежно обняла его лицо своими ладонями. Сейчас уже почти

ночь, дети давно спят, настало их время. Потянувшись ему навстречу, Милка поднялась на цыпочки и тут же ощутила плотное кольцо рук Егора на своей талии. Он приподнял её и жадно поцеловал. Его губы торопливо обхватывали то нижнюю, то верхнюю губу Меланьи, зубы слегка прикусывали нежную кожу, язык скользил по дёснам и переплетался с её языком.

Поцелуй получился долгим, глубоким и очень жарким. Когда Егор оторвался от любимой, взгляд его был расфокусирован, дыхание шумно вырывалось из груди, а пальцы быстрыми движениями расстёгивали маленькие пуговицы на спинке её сарафана. Тонкая ткань скользнула на пол, и вот его любимая ведьмочка перед ним в своей совершенной красе. Он подхватил её на руки и быстро зашагал в спальню. Не включая свет, и прекрасно зная на ощупь каждый изгиб её тела, он довёл свою женщину до пика удовольствия, а потом обрушился на неё мощным потоком горячей страсти.

Их ночи всегда были жаркими, но сегодня Егор будто доказывал своё превосходство. Своей неистовой любовью он хотел задушить в ней остатки воспоминаний о бывшем муже. Он хотел, чтобы Милка забыла Богдана, чтобы вычеркнула его из своей жизни, перестала упоминать в разговорах, и уж тем более не хотел, чтобы дети узнали кто их настоящий отец.

— Давай подождём, пожалуйста. Они ещё так малы.

Её голова покоится на его плече, на подушке россыпь огненно-рыжих кудрей, пахнущих бризом и соснами, её тонкие пальцы перебирают тёмные завитки на его груди.

— Сколько? — тихо спросила она, понимая, что точный срок не будет назван.

— Я не знаю сколько, дай мне время свыкнуться с этой мыслью. А вдруг мы сможем придумать что-то другое, более подходящее в этой ситуации. Пойми меня, я не хочу, чтобы в нашем доме появлялся Богдан.

— Папа, а кто это Богдан? Почему ты не хочешь, чтобы он здесь появлялся?

На пороге их спальни показалась заспанная Веста. Она медленно шагала в темноте к их кровати, надеясь найти защиту и успокоение от кошмара, разбудившего её в ночи.

— Малышка, что-то случилось? — Егор подхватил дочку на руки и уложил на одеяло между собой и Милкой.

— Мне приснился страшный сон, Илья не просыпается, поэтому я пришла к вам, — девочка свернулась калачиком, уткнувшись носом в плечо любимого отца, и сладко зевнула. — Можно я здесь посплю? — и, не дожидаясь ответа, она засопела ровно и глубоко.

— Надеюсь, она не вспомнит об этом утром, — в голосе Малого сквозили нотки страха.

— Надеюсь, — шёпотом ответила Милка.

46. Ледяные глаза

Милка всегда просыпалась с восходом солнца. Вот и сегодня, почувствовав свет первых лучей, она открыла глаза. Егор спит, нежно обнимая Весту, сопящую между ними. Так и не перенёс её в свою кроватку. Какой контраст: малышка в светло-розовой пижаме, совсем ещё кроха, с маленькими пальчиками и носиком пуговкой, и огромный мужик, в ладони которого, может уместиться вся её голова.

Стараясь не разбудить любимых, Меланья вышла из спальни и направилась в детскую проверить Илью. Заглянув в дверь, она увидела, что её сын спокойно спит, как обычно сбросив одеяло на пол и раскинувшись звездой на кровати. По противоположной стене комнаты стояла кровать Весты. Мила мельком посмотрела туда и чуть не вскрикнула от неожиданности. Одеяло, наполовину свесившееся на пол, было всё в зеленоватой слизи.

В три шага преодолев расстояние от двери до спального места дочери, Меланья

осторожно приподняла грязное одеяло, чтобы отнести его в стирку. Она хотела убрать его до прихода в комнату Весты, чтобы ненароком не напугать девочку. Но простынь под одеялом была в точно такой же субстанции. Боже, что это? Веста пришла к ним в спальню совершенно чистая, без малейшего намёка на такую грязь, значит, здесь был кто-то ещё, пока она спала с ними? А как же Илья? С ним всё в порядке?

Она метнулась к кровати сына, чтобы внимательнее осмотреть спящего, но слизи там не увидела. Выдохнув с облегчением, Мила скатала постельное в комок и ушла из детской. Чтобы не разбудить сына, она рассмотрит это в ванной, и не будет стирать, пока не покажет Егору. Такой аргумент наверняка убедит его разрешить им рассказать про Богдана.

В ванной, при ярком свете Мила разглядывала прозрачную слизь на простыни дочери. Издалека ей показалось, что она зеленоватая, но на самом деле это было не так. Слизь прозрачная, ничем не пахнущая, на ощупь прохладная, с большим количеством вкраплений в виде маленьких кусочков зелёного мха. Ведунья попробовала поскрести ногтем краешек испачканного одеяла. На удивление, слизь легко отставала от ткани, тонкой плёнкой оставаясь в руках ведуньи.

— Я проснулся, а тебя нет, — из-за спины раздался любимый голос мужа.

Она обернулась и увидела улыбающегося Егора, заходящего в ванную.

— Что ты тут делаешь? Не рановато ли для стирки?

— А Веста где? — вопросом на вопрос ответила Меланья.

— Она у нас в спальне, так сладко спит, не хотелось её будить. А это что такое? — подойдя ближе, Малой увидел в руках у Милы детское одеяло и непонятную слизь.

— Я сняла это с кровати дочери, смотри, — Мила снова подцепила ногтем краешек загрязнения и потянула на себя плёнку с вкраплениями мха.

— Вечно эти дети берут в постель игрушки, — отмахнулся Егор.

— Какие игрушки? Егор, это разве похоже на игрушки?

— Ну да, похоже на лизуны, с которыми они во дворе ковыряются, ты что, никогда их не видела? — Малой разделся, включил воду и залез в душевую, задёрнув занавеску.

— Лизуны? — на самом деле, когда Меланья рассматривала эту прозрачную не липкую плёнку, она вспоминала свои ощущения, когда в коконе из слизи чуть не погибла в мире змеев. Неужели это просто игрушка? — Егор, а где они берут эти лизуны, я им такого не покупала.

— Ну, это я не знаю, они вечно гурьбой гуляют, кто-нибудь да принёс.

«Да, хороша мать, раз так мало о своих детях знает. Будем исправляться», — подумала про себя Мила.

Она собрала всю слизь с постельного белья Весты в контейнер и запустила стирку.

«Вот проснётся эта хулиганка, всыплю ей по пятое число, чтобы мать не пугала», — мысленно строила планы Меланья, собираясь идти на кухню, готовить завтрак.

Но из-за занавески высунулась крепкая рука мужа и, ловко подцепив её за поясок халата, притянула под тёплые струи душа. От возмущения Милка хотела начать ругаться, но вторая рука, с облачками пены в волосах, помогла первой, и вот уже ведунья полностью в душевой и крепко прижата к стене. Возмущённый рот любимой Егор закрыл поцелуем, и не отпускал её до тех пор, пока полностью не удовлетворил их обоих.

— Как я люблю такие пробуждения, — голосом довольного кота, проговорил Малой и вылез из душа вытираться.

Милке пришлось задержаться, волосы намокли, и она решила заодно помыть голову.

Минут через пятнадцать мать семейства входила на кухню, откуда доносился густой запах свежесваренного кофе. За столом сидел босой Егор в широких шортах и с голым торсом, а рядом с ним на табурете примостилась Веста, что-то увлечённо рассказывая.

— Представляешь, она была такая милая, вообще не похожая на наших змеек в саду. А какие глаза! Огромные, прям с мой кулак, — малышка сжала свои пальчики в кулачок и показала папе для наглядности. — Вот такие, я не вру.

— И что ты сделала? — спросил весту Егор.

Милку, как оказалось, не заметили, и она решила остаться у двери, чтобы не сбивать начавшийся разговор между отцом и дочерью.

— Конечно же я разрешила ей, мама же всегда говорит, что надо быть доброй и помогать. Я пустила её к себе под одеяло, чтобы никто не смог причинить ей вреда.

— А потом? — история дочери полностью захватила Егора.

— А потом мы заснули, и мне снова приснился он, этот дядя с бородой. Он размахивал огромной палкой и хотел отогнать от меня мою золотую змейку, он что-то кричал, но я его не понимала. Мне стало страшно, и я проснулась. Илья дрых, как сурок, поэтому я пошла к вам.

— А куда змейка-то делась? — не унимался Егор.

— Не знаю, когда я проснулась, её рядом уже не было, наверное, её тоже тот дядька напугал.

— Это о чём вы тут говорите? — решила показаться из своего укрытия Мила.

— Ни о чём, — буркнул в ответ Егор, но дочка тут же пересказала свой сон матери, враз сняв все её вопросы.

— Понятно, — задумчиво протянула Милка. — А этот дядя тебе уже не в первый раз снится? Я правильно поняла?

— Ну да, я его часто во сне вижу. Он обычно просто смотрит на меня и ничего не делает, а в этот раз на мою змейку напал. Он хотел её прогнать, так смотрел на неё своими ледяными глазами, будто готов был убить.

— Ледяными глазами?

— Ну да, у него глаза такого цвета, светло-светло серые, прям как лёд.

— А он с тобой не знакомился? Не говорил тебе кто он, как его зовут?

— Нет, он не разговаривает со мной, просто смотрит и всё. Но Илья мне ещё раньше говорил, что это Богдан. Этот дядя ему тоже давно снится. Папа, кто такой Богдан, я помню, ты вчера говорил, что не хочешь его видеть в нашем доме. Почему? Расскажи?

47. Всё расскажу...

Взгляд Егора, обращённый на Милку, излучал одновременно растерянность и обречённость. Он не был готов к этому разговору, он не планировал его, не подбирал слова, которыми сможет объяснить. Он вообще не знал, как отвечать, в горле образовалось противное першение, и Малой непроизвольно закашлялся.

Веста заботливо пододвинула к отцу стакан с водой, и Егор начал маленькими глоточками цедить воду. Что говорить, когда стакан опустеет? Снова кашлять? Перевести на другую тему? Обратиться к Миле? В голове пусто, лишь одна мысль как молот бьёт по мозгам: сейчас его любимая маленькая девочка узнает, что папа на самом деле совсем ей не папа...

— Привет, — в кухню зашёл заспанный Илья, — что с папой? Простудился?

— Нет, папа здоров, просто поперхнулся чем-то. Как ты спал? Что снилось? — ответила

сыну Меланья.

— Нормально спал, — Илья сел за стол, привычно ожидая завтрака.

Милка засуетилась, начав готовить малышам кашу, одновременно наливая себе кофе и убирая со стола опустошённый Егором стакан.

— А мне сегодня такая змейка приснилась, огромная, золотая, очень красивая! — не теряя времени, Веста начала хвастать брату.

— И что ты с ней сделала? Опять не смогла догнать? У тебя все сны одним и тем же заканчиваются, — равнодушно буркнул Илья.

— А вот и нет, я её чувствовала, прям как ты рассказывал, по-настоящему. Я её под одеяло пустила, а потом её Богдан прогнал.

— А, этот, он ко мне сегодня тоже приходил. Из-за дерева смотрел, думал, я его не замечаю.

— Представляешь, Илья, папа оказывается, тоже знает этого Богдана, он вчера говорил, что не хочет, чтобы он к нам в дом приходил. Правда, пап? — Веста задорно посмотрела на Егора, одним своим взглядом заставив его сердце биться чаще.

— Да, я его знаю, — наконец решился ответить он детям. — И, да, я не хочу, чтобы о нём говорили в нашем доме. А почему я этого не хочу, вам расскажет мама. Всё, у меня работа, я ушёл.

Мужчина встал из-за стола, приобнял жену, прошептал ей на ухо: «Извини, расскажи сама, я не могу», и ушёл во двор. Две пары серо-зелёных глаз выжидательно смотрели на мать, а она не спеша разложила кашу по тарелкам, нарезала хлеба, налила малышам чай и только тогда села к столу.

— Помните, я вам сказку рассказывала про ледяного дракона и колдуна?

— Это там, где колдун попал в плен? — вспомнил первым Илья.

— Да, именно эту.

— Я тоже помню, — отозвалась Веста.

— Так вот дети, это сказка на самом деле не сказка вовсе, и колдун тот существовал на самом деле, и в плен к дракону он попал по правде, а спасли его из плена ваша мама с папой.

— Как это? Вы с папой были в том мире? Mam, расскажи!

— Хорошо, я вам расскажу, но только прежде пообещайте, что это будет наша общая семейная тайна, и никто кроме нас, не должен об этом узнать, обещаете?

— Обещаем, — с придыханием ответили дети.

— Тогда слушайте и не перебивайте, все вопросы сможете задать потом, когда я закончу рассказывать. А пока слушаете — не забываете про завтрак!

И Мила начала свой рассказ:

«Давным-давно, когда вы ещё даже не родились, ваша мама получила от своего рода большую древнюю силу. Этот дар позволял мне многое: я видела то, что другие не видят, могла общаться с умершими, научилась лечить людей травмами, мне стала доступна магия, но я не умела в полной мере её использовать».

— Мама, так ты тоже колдунья, настоящая? А почему ты нам раньше не говорила?

— Веста, я же просила не перебивать, — строго посмотрела на дочь Меланья.

Малышка прикрыла рот ладошками и закивала головой, без слов обещая больше не прерывать рассказ матери.

Мила продолжила:

«Так вот, всё бы было ничего, но у вашей мамы появился очень хитрый и сильный враг,

который очень хотел отнять у меня силу и забрать себе. Я пыталась с ним бороться, отдавать силу рода демону нельзя, но он был очень сильным, я чувствовала, что не справляюсь.

Вот тогда я и встретила вашего... Богдана. Он был очень сильным колдуном, многое знал и умел. Я попросила его о помощи, и он не отказал. Почти год я жила с ним в его лесном доме, и он учил меня использовать силу рода. Ваша мама стала настоящей ведьмой, я победила своего врага демона. Но за то, что колдун меня учил, он взял плату. Очень большую плату...»

Мила на миг замолчала, но видя в глазах ребят большое нетерпение, продолжила снова:

«Колдун сделал вас своими наследниками, теперь в каждом из вас живёт частичка его души, и, судя по вашим рассказам о других мирах, эта частичка уже в полной мере проявилась, и пора начинать учиться с ней жить».

Помолчав ещё немного, Мила разрешила детям задавать вопросы.

— Мама, значит Богдан нам не враг? Он не желает нам зла? Почему же он старается помешать нам во сне? Прогоняет.

— Вспомни, он мешает вам не во всех снах, верно? — уточнила у Ильи Меланья.

Мальчик задумался:

— Да, мне он появляется лишь тогда, когда я к дракону попадаю.

— А почему он мою красивую змейку прогонял?

— Он является вам в этих снах потому, что хочет вас защитить. Он знает, что миры не так просты, как вам кажутся. Там много опасностей, именно от них он вас хочет уберечь.

— То есть мой хрустальный дракон — это опасность? Это же он взял в плен колдуна, ты ведь так рассказывала? Мам, так? Как вы с отцом спасли Богдана? Расскажи? Папа сражался с драконом? — от нетерпения ёрзал на стуле Илья.

— И мои змеи тоже опасность? Или это совсем другое? Мам, ты ничего не рассказывала про змей, расскажи, почему Богдан их прогоняет? — не уступала ему в любопытстве сестра.

— Всё расскажу, только рассказ долгим будет, а поэтому, давайте сначала уберём посуду после завтрака, и потом пойдём в сад. Там и закончим этот разговор.

Зная мать, дети не спорили и быстро начали ей помогать.

48. Дети взрослеют

За один раз рассказать всё, что она знала о мирах Богдана, не получилось. То там, то тут вспоминались нужные кусочки, которые нужно было обязательно упомянуть. Дети слушали очень внимательно. Для них было большим открытием, что эти видения вовсе не понарошечные. Веста и Илья за эти дни даже повзрослели будто. Их взгляды из детских и непосредственных стали серьёзными и вдумчивыми.

Мила не только рассказывала, она начала практиковать. На глазах у малышек она показывала свои умения, комментируя их и стараясь выудить, какая сила дана каждому из её детей.

Занятий было много, теперь игры уже были не на первом месте, теперь утро начиналось совсем другим, и заканчивался день тоже не сказками.

Егор был рад и очень благодарен жене, за то, что она так вывернула всю историю. Мила сказала правду, но сказала её так, что роль отца осталась за ним и уважение и любовь детей только укрепились.

Всё шло своим чередом, медленно и верно Илья овладевал магией ветра и воды, Весте же достался огонь и земля. Это было так прекрасно видеть, как ещё вчера несмышлёные малышки, сегодня уже, спасовав руками, вызывают волны на море или лёгкое землетрясение.

Илье очень нравился воздух. Иногда он так заигрывался воздушными потоками, что даже приподнимался над землёй. А Веста обожала поджигать дрова в мангале во дворе с расстояния. Не сразу у неё это получилось, но овладев в полной мере искрами, она начала учиться давать огню силу.

Опасаясь за их общую тайну, Меланья строго-настрого запрещала Илье и Весте использовать свои умения вне двора их дома. Малыши сначала слушались, но тайны сложно хранить, тем более в детских лёгких умах. Оставить сына и дочь без общения со сверстниками она не могла, а там тайна начинала просачиваться в массы.

Вскоре в Воронцовке за глаза Милку начали называть ведьмой, а её ребят ведьминим отродием. Жить в селе стало трудно. Люди откровенно стали бояться детей, запрещали с ними общаться своим детям. Под всяческими предлогами избегали их семью, чувствовалось, что ещё немного и народное волнение прорвётся. По ведьминским меркам из этой ситуации было два выхода: либо менять место жительства на новое, уезжать туда, где тебя никто не знает, либо приваживать жителей своей магией. Милка выбрала второе. **К н и г о е д .
н е т**

Бабулины кружева уже не в первый раз помогали ей в жизни. Вечерами Меланья ходила по улицам Воронцовки и мысленно украшала каждый двор резным плетением. Стало лучше, теплее, люди перестали чураться, признали в ней силу. Теперь «рыжая ведьма» стала защитой. К Милке начали обращаться с просьбами. Она не отказывала. Прошло пять лет.

Пройдя этап отчуждения односельчан, дети поняли и закрепили в себе, что силу не стоит показывать на людях. Илье и Веста стали больше друзьями друг другу, много времени проводили вместе и от сверстников отделились. Нет, они также гуляли и играли на улице, ходили купаться со всеми вместе, но близко к себе больше никого не подпускали. Их двор в самом конце улицы стал их убежищем, а поле располагавшееся за домом — огромным полигоном. Ребята классно дополняли друг друга: Веста заземляла воздушного Илью, а тот тушил её пламя водой.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела мой мир, — однажды сказал Весте Илье.

— Это невозможно, мы уже столько раз пытались, твой мир не пускает меня, не даёт даже приблизиться. Как я туда попаду? Или у тебя есть какое-то секретное волшебство?

— Помнишь, мама рассказывала про камни, с помощью которых она попадала в эти миры. Камень хрустального мира был изо льда.

— Помню, но этот способ мы уже много раз пробовали, камни не действуют на нас, ты же сам знаешь.

— Помню и знаю, но в этот раз я нашёл совершенно особенный камень, он не просто с поверхности, он даже не кусочек горы и дерева, он взят из глубокого разлома.

— Из какого разлома, — Веста даже дышала тише.

Они уже давно пытались попасть друг к другу в миры, но это им никак не удавалось. В конце концов, они забросили эту идею, путешествовали каждый в своём и просто делились рассказами.

— В моём мире есть глубокий разлом. Он настолько глубокий, что дна в этой пропасти нет. Я часто ходил к нему, он будто манит своей глубиной, но дракон всегда меня оттуда отгонял, не давал подолгу задерживаться рядом. Мне стало интересно, если не пускают — значит там какая-то тайна, а если есть тайна, то её обязательно надо раскрыть! — Илье смешно поднял палец вверх, и Веста захихикала над ним. Но мальчишку это не смутило, и он продолжил.

— Ты же знаешь, что мы не можем умереть в этих мирах, я уже сколько раз падал там и ранился, но всегда оказывался после этого здесь и всегда целый и невредимый.

— Это я знаю, у меня так же, продолжай, что же ты придумал?

— Так вот, я решил спрыгнуть в этот разлом.

В глазах Весты тут же возник страх.

— Илья, а если не сработает? Это же опасно. Одно дело с камня прыгнуть, ну или с дерева, и совсем другое бездонный разлом. Мама говорила, что миры не так безопасны, как нам представляются. Мы знаем о них одно, но мы не знаем наверняка все их тайны. А вдруг этот разлом другой, может он обладает какими-то страшными свойствами, вдруг ты туда прыгнешь и погибнешь?

Илья улыбался, на лице смышенного девятилетки было выражение довольного превосходства.

— Разлом не погубил меня, я уже прыгал туда, много раз прыгал. Каждый раз я опускался немного ниже, и каждый раз дракон вышвыривал меня оттуда. Но сегодня ночью мне удалось обмануть чешуйчатого. Причём не без помощи Богдана. Смотри, — Илья протянул Весте ладонь, на которой красовался небольшой полупрозрачный камешек, похожий на округлый кусочек льда. — Я взял его из самой глубины, он должен сработать, давай попробуем!

На улице был уже вечер. Скоро мама позовёт на ужин, а дальше вечернее чтение устных предметов, заданных школой на завтра, и сон.

— Ночью? — почему то шёпотом спросила Веста.

— Ага, — кивнул Илья.

Сейчас между ними будто натянулась невидимая пружина, которая притягивала их друг к другу и звенела от напряжения, как только они отдалялись больше нужного. Мальчик спрятал камень в карман, не позволив сестре его коснуться. Рано, для такой попытки нужно больше времени, вот ночи им хватит точно. Ничего, подождут, осталось совсем немного. Главное, чтобы мама ничего не заподозрила.

49. Страшная находка

Когда в доме стихли все звуки, ребята вылезли из своих кроватей и сели посередине комнаты прямо на полу.

— Боишься? — увидел нерешительность в глазах Весты Илья.

— Немного, — не стала врать она.

— Если что, я тебя обязательно защищу, не переживай. Дракон слушает меня, не всегда, но в большинстве случаев. Ну и ещё у меня есть там убежище, я тебе рассказывал, помнишь?

— Да, помню, всё нормально, давай камень.

Илья протянул кулак с зажатым в нём камнем, занёс над ладонью Весты и разжал пальцы. Округлый кусочек льда из другого мира упал прямо в центр девичьей ладошки.

— Тёплый? — удивлённо подняла она глаза на брата.

— Ага, — кивнул Илья.

— И что мне нужно делать?

— Не знаю, наверное, смотри на него внимательно, попробуй слиться с ним в единое целое.

Было волнительно, как в первый раз, какая-то уверенность в том, что сегодня всё обязательно получится, перечёркивала весь предыдущий опыт.

Веста в тусклом свете ночника вглядывалась в причудливые узоры из пузырьков внутри

прозрачного камня. Илья взял её за свободную руку, чтобы не отпустить одну. Две пары детских глаз смотрели на кусочек хрустального мира и тянули к нему свои души. Детская начала смазываться, стены будто поблёлкли, кровати отодвинулись, узор на ковре стерся.

— Мне кажется, мы начали переход, — сильнее сжав руку брата и не переставая смотреть на камень, прошептала Веста.

— Не отвлекайся, — тоже шёпотом ответил ей Илья.

Раздался щелчок и детям в глаза ударил яркий свет.

— Это что вы тут затеяли? Почему не спите? Ну-ка марш по кроватям!

В комнату заглянул Егор, и, увидев ребят на ковре держащимися за руки, решил разогнать их ночной шабаш.

— Встретимся во сне, — прошептал Илья Весте, отпуская руку сестры.

— Никаких во сне, завтра в школу с утра, а они тут занимаются не пойми чем. Спать!

Слово отца — закон, но Егор ушёл и соответственно теперь ничего не видит, к тому же, он явно приказал детям спать, поэтому, ещё немного пошептавшись, Илья и Веста решили встретиться в Хрустальном мире. Какая разница, зайдут каждый из своего сна.

Но планам сбыться было не суждено, отец явно рассказал всё матери об их ночных посиделках, и уже минут через пять ребята слышали лёгкие шаги в направлении детской. Мама зашла тихо, свет не включила, села на край постели дочери.

— Отвечайте, только честно, что вы тут делали?

Дружное молчание и поддельное глубокое сопение были ей ответом.

— Вы же прекрасно знаете, кто я, и что вам меня обмануть, точно не удастся. Давайте по очереди. Илья, ты как мужчина, отвечай первым. Нехотя мальчик сел на постели и опёрся спиной на стену.

— Мама, мы с Вестой бывает гуляем в общих снах, вот и сегодня хотели, а папа помешал нам соннастроиться.

— Где происходят ваши общие сны?

— Ну, везде, — замялся мальчик. — Сегодня мы хотели полазить в горах.

— Илья, ты сейчас мне врёшь, максимально близко к правде, но я чувствую, что врёшь. Веста, что скажешь ты?

Девочка тоже вылезла из-под одеяла и невинными глазами посмотрела на маму:

— Илья всё правду говорит, мама, ну ты чего? Мы же ничего плохого не делаем, просто спим и смотрим один на двоих сон, но перед этим нам нужно зарядиться друг другом, ты же понимаешь?

— Это я понимаю, и про ваши совместные сны тоже знаю, но имейте смелость признаться в том, что сегодня вы планировали нечто особенное. Что-то, что вы ещё никогда не делали, и возможно это что-то может быть очень опасным. Веста, я чувствую твой страх, дай мне свои ладони.

Девочка обречённо вздохнула и протянула матери обе руки. Милка взяла их в свои и прикрыла веки, погружаясь в чувственный мир дочери. Она расслышала тайну, детский восторг и нетерпение, а потом нерешительность и страх. Что же это? Заглянуть глубже не позволяла защита, которую успешно держала Веста. Меланья сама их научила этому, и просила ни при каких условиях не снимать эту преграду. И вот сегодня дочкин щит не даёт ей разглядеть правду.

Мила отпустила детские ладошки и встала, она пересекла комнату и села на кровать к сыну. Там она повторила эти манипуляции ещё раз. Илья был более доверчив к матери, и его

защита не была такой крепкой. Ухватившись за эту брешь Милка разглядела желание сына затащить сестру в свой мир.

— Илья, это правда? Ты хочешь, чтобы Веста попала в твой мир? Если у неё уже есть свой, то пересечение двух параллелей может привести к чему угодно. Это может закончиться и хорошо и плохо, предугадать направление невозможно, вы ещё слишком малы, чтобы так рисковать. Я запрещаю вам даже пытаться проникнуть друг к другу.

— Мам, мы уже тысячу раз это пробовали, у нас не получается. Чем хочешь поклянуться! — выпалил мальчишка.

Сейчас сын говорил истинную правду, стопроцентную, они действительно это пробовали, но дойти до конца так и не смогли. В душе Меланьи стало спокойней. Она отпустила руки сына и встала.

— Хорошо, будем считать, что я вам поверила, — произнесла она задумчиво. — Но пожалуйста, не забывайте мою просьбу, никто никого в свой мир не затаскивает. Возможно, позже вы сможете это делать, а сейчас, пока вы ещё маленькие, даже не пытайтесь. Хорошо?

— Хорошо, мам, — унылым хором протянули сестра с братом и улеглись.

Мила наклонилась к сыну и поцеловала его в лоб, пожелав спокойной ночи. То же самое она сделала возле кровати Весты. Когда Меланья наклонялась над дочерью, она опёрлась рукой о край кровати рядом с подушкой, и в образовавшуюся ложбинку на матрасе из своего укрытия выкатился небольшой гладкий камешек.

Незаметно зажав находку в кулак, ведунья попрощалась с детьми и ушла из комнаты. В детской воцарилось молчание. Ребята знали, что мама ходит очень тихо, и прекрасно чувствует их на расстоянии, поэтому ни Илья, ни Веста не выдавали себя разговорами. Незаметно для себя самих, дети уснули. А вот их маме было не до сна.

После детской она завернула в ванную комнату, чтобы при ярком свете разглядеть свою находку. Её опасения подтвердились, этот камень был точно из Хрустального мира. Значит, Илья вытащил его оттуда. Значит, он умеет больше, чем рассказывает. Самым страшным было то, что от камня шло тепло, а это говорило о том, что он мог стать проводником в тот мир.

Быстро убрав неожиданную находку на самую верхнюю полку шкафчика, там, где ребята его точно не найдут, Мила пошла к мужу. Сегодня будет бессонная ночь, нужно придумать, как объяснить ребятам опасность перехода через камни.

50. Похищение

Девочка погружалась в сон в состоянии обиды и негодования.

«Вот возьму и уйду в свой мир. И не вернусь сюда больше. Мы тоже много чего умеем и совершенно точно знаем, что для нас опасно, а что нет. Не надо нас так опекать. Не малыши уже», — мысленно ругалась она на мать, ощущая под ногами влажный мягкий мох.

Ну вот, она попала в свой зелёный мир, это её секретное место, здесь её все любят и никто ничего не запрещает.

Огромные деревья с замшелыми стволами вытянулись до самого неба. На тёмно-изумрудном своде горели яркие золотистые звезды. Ночь. Странно, обычно она попадала сюда днём, когда зелёные цвета были яркими от золотого солнца. Сейчас же вокруг царил таинственный мрак.

Ну и пусть, пусть темно, это её несколько не смущает. Сейчас дойдёт до своей любимой поляны, зажжет огонь и будет играть с приползшими на свет змейками.

Маленькие змейки очень любили Весту, они как котята ласково заползали к ней на

колени, жались к груди, и осторожно обнимали за шею. Обычно все они были чёрными или с небольшими пятнышками светло-коричневого цвета, а хотелось увидеть ту, золотую, с огромными глазами.

Зная все тропы здесь уже наизусть, девочка быстро дошла до нужного ей места и удобно расположилась в ложбинке у корней дерева.

Взмах руки и неподалёку от неё заиграли искрами, яркие язычки пламени. Это было так красиво. Мягкий мох, теплая опора за спиной, можно расслабиться и отдохнуть.

У ног кто-то зашуршал, Веста улыбнулась, сейчас на неё полезет самая смелая змейка, потом ещё одна, а потом все разом. Так было часто, она уже привыкла к их осторожной манере и совершенно не боялась.

Но сегодня что-то пошло не так. Никто не забирался ей на колени, хотя шорохи вокруг она слышала отчётливо. Темнота мешала разглядеть то, что творилось во мху, плотным ковром покрывающем землю в этом мире. А свет костра был недостаточно ярким, чтобы дать ей разглядеть того, кто здесь шуршит.

Веста ждала. Может сделать пламя ярче и сильнее, тогда она наконец-то разглядит своих друзей. Но высокое пламя обожжёт ветви дерева и лианы, спускающиеся вниз. Ладно, ничего страшного, подожду, сами покажутся.

Правого плеча коснулась прохладная гладкая чешуя. Веста повернула голову, но никого не увидела. Странно. Возле левого колена тоже ощущалось длинное касание змеиного тела, но увидеть его она так и не смогла. В сердце закралась тревога. Почему-то всё шло не так, как обычно.

Девочка огляделась по сторонам, никого нет. Сердце забило быстрее.

«Пожалуй, лучше проснуться», — подумала она.

Возле уха сзади послышалось протяжное шипение. Веста застыла. Её маленькие змейки шипят совсем не так, этот звук был гораздо объемнее, будто исходил толстой водосточной трубы. Медленно, без резких движений девочка повернулась туда, откуда до неё доносился этот пугающий звук.

За деревом, возле которого она сидела, стоял выпрямившись в человеческий рост огромный золотой змей. Его длинное тело, покрытое плотной сверкающей чешуей, кольцами было сложено на мху, а голова возвышалась над землёй и слегка покачивалась, не сводя взгляда с девочки. Это был необычный змей, не только размеры отличали его от всех, кого она здесь встречала. У этого змея была совершенно другая морда. Не такая плоская, а с вытянутой пастью покрытой шипами и костными наростами, точь-в-точь такая, как у дракона из хрустального мира Ильи.

Веста осторожно встала и медленно попятилась к костру. Она знала, что свет огня привлекает чешуйчатых, но подходить к нему близко они бояться. Тепло огня за спиной придавало смелости, Веста распрямилась и, сделав невозмутимый вид, громко обратилась к чудовищу:

— Кто ты? Я раньше тебя здесь не видела. Ты умеешь говорить?

Змей неотрывно смотрел на девочку. Его глаза не моргали, он гипнотизировал её, усыпляя сознание жертвы.

Веста точно почувствовала опасность. Сейчас её мягкий зелёный мир совсем не такой добродушный. В воздухе буквально висит напряжённое ожидание неизвестного.

Девочка изо всех сил ущипнула себя за руку, но, как ни странно, она не перенеслась в свою комнату. Она всё ещё была в мире змеев. Ущипнув себя ещё раз и, не ощутив

ожидаемого перехода между мирами, Веста начала паниковать. Желая напугать змея, она применила свою силу и увеличила площадь костра, спрятавшись за хаотично вздымавшимися языками пламени. Почему она не просыпается?

Змей ждал не долго, быстрый и сильный взмах хвоста и тяжелый шлепок одним движением погасил яркое пламя. Тихое недовольное шипение гаснущих углей и накрывшая со всех сторон мгла. Полоз не двигался, Веста неотрывно следила за его головой, высоко поднятой над землёй, насколько это позволял свет звёзд с неба. Рядом снова раздалось тихое шуршание. Переместив взгляд под ноги, девочка увидела, что со всех сторон её окружают кольца змеиного тела, поднимающиеся выше и готовые в любой момент сжать её тело плотным кольцом.

— Ты хочешь меня убить? — в отчаянии закричала она змею.

Голова змея не двигалась, огромные немигающие глаза слегка светились, а в периодически раздающемся шипении Веста разобрала слова: «Жизнь за жизнь».

Жуткий липкий страх покрыл кожу мурашками. Спокойно, спокойно. Здесь не умирают. Если змей её убьёт, то она окажется дома, в своей теплой кровати и уж тогда точно, на все сто процентов не будет игнорировать слова матери. К чёрту эти миры. Лучше жить в своём и среди своих.

Змей почувствовал импульсы страха, идущие от девочки, и одним движением захлопнул свою ловушку, сжав её тело кольцами своего. Веста закричала. Ужас происходящего и полная беспомощность перед чудовищем не оставляли места ни для какой другой реакции. В ответ на её крик он раскрыл свою страшную пасть и оглушил сознание девочки скрипучим, жёстким рёвом. Последнее, что увидела и почувствовала Веста, перед тем как потеряла сознание, это огромные перепончатые крылья, непонятно откуда взявшиеся на теле змея и ощущение отрыва от земли. Змей поднял свою жертву в небо и понёс в неизвестном направлении.

* * *

— Мама, папа, Веста не просыпается! — на кухню вбежал взъерошенный Илья.

— Как не просыпается, не хочет вставать? — уточнил Егор. — Вот чем заканчиваются ночные посиделки. Передай ей, что если через пять минут не придёт завтракать, будет наказана.

— Нет же, вы не поняли, — отчаянно кричал мальчишка, — она вообще не просыпается, я её уже и щекотал, и толкал, и тряс...

Егор и Мила одновременно рванули в детскую. На кровати лежала Веста, на вид ничем не отличающаяся от обычного спящего ребёнка. Егор взял руку дочери в свою и слегка потряс — никакой реакции. Он потрогал пульс на шее, наклонившись, послушал дыхание.

— Срочно скорую, это не просто сон, с ней что-то случилось.

Пока отец вызывал помощь, мать максимально подробно расспрашивала сына, что произошло вчера, после её ухода. Илья плакал и говорил, что они просто заснули, даже не разговаривали больше. Милка чувствовала, сын говорил правду. Что же тогда случилось с их дочкой?

Скорая приехала через долгих полчаса. Погрузив малышку на носилки, в сопровождении отца Весту повезли в больницу. На месте врачи ничего не сказали, ссылаясь на обследования. Мила с Ильёй остались дома.

Тревога за жизнь дочери не отпускала, желание понять истинную причину такого состояния приводила лишь к одному решению. Нужен Богдан! Если он во снах часто

является детям, то может он сможет объяснить, что случилось с Вестой.

— Мама, я вспомнил, — хлюпая носом, проговорил Илья. — Перед тем как заснуть, она сказала, что уйдет в свой мир и не вернется, раз ей здесь всё запрещают. А вдруг она действительно не вернется?

Обняв Илью, Меланья говорила что-то утешающее, а сама думала. Она думала о том, что она может предпринять в этой ситуации. Сможет ли она связаться с их отцом, поможет ли он, или не явится, как тогда на кладбище? Если не найдёт Богдана, то к кому из рода обращаться следующему? А может просить всех сразу? В голове творился хаос мыслей, хотелось рычать от бессилия и выть в голос, но нужно было держать себя в руках, ради дочери, ради сына, ради их дружной семьи. Она сделает всё возможное, чтобы вернуть их семейное счастье. Всё что от неё зависит и даже больше, если это потребуется.

Больше книг на сайте - Knigoed.net